

Евгений Феодоров

Когда я свободен
(В молитвенном свете луны)

Книга верлибров

Рязань
«РИПД «Первопечатникъ»
2017

Феодоров Е.А.

Ф 42 Когда я свободен (В молитвенном свете луны): книга верлибров / Евгений Феодоров. – Рязань: РИПД «ПервопечатникЪ», 2017. – 444 с., ил.

Книга верлибров поэта **Евгения Феодорова** (Ростов-на-Дону) «**Когда я свободен (В молитвенном свете луны)**» – это продолжение однажды выбранной им темы, которая была обозначена в названии первой книги «**Люблю...**», увидевшей свет в 2014.

Поэзию Евгения Феодорова отличают высочайшая поэтическая музыкальность, глубина философского осмысления и красота художественного слова такой степени, которую сегодня, пожалуй, уже не часто и встретишь, а потому его стихи – словно живой отклик на поэтическое завещание россиянам Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»...

В книгу «Когда я свободен (В молитвенном свете луны)» включена небольшая часть благодарных отзывов поэтов – поэту Евгению Феодорову, как знак признания того, чему автор посвятил свою жизнь.

Так получилось, что именно верлибру было навсегда отдано сердце поэта. Своими размышлениями на эту тему автор делится в цикле эссе, которые завершают книгу. Евгению Феодорову удаётся донести до своих читателей молитвенный свет луны изысканно-исповедальных верлибров.

«Главный эффект, производимый верлибром, это – чудо обыденной речи. То есть, это даже не главный эффект, а главное средство. Мы видим доселе не замечавшуюся нами пластику обыденных оборотов, их своеобразную гармоничность и, тем самым, наше отношение к словам, к собственной ежедневной речи становится глубже, точней, чувство речи и сама речь углубляются.»

Иосиф Бродский

«Верлибр представляет собой апофеоз индивидуализма в поэзии. Причём, он в куда большей степени исповедален, нежели поэзия традиционная. В ней, родимой, можно спрятаться за размер, позвенеть рифмами. А тут – голый человек на голом листе. Во всей своей загадочной неприглядности.»

Татьяна Виноградова

ББК

© Феодоров Е.А., 2017
© Мищенко О.А.
«В молитвенном свете луны», 2017
© РИПД «ПервопечатникЪ», 2017

ОТ АВТОРА

*Лучше журавль в небе,
чем синица в кулаке.*

По молодости мы, студенты-филологи начала 60-х годов, больше образовывались в Республиканской Публичной библиотеке, чем в аудиториях. Каким-то образом, до сих пор мной не распознанным, доставались шифры книг, которые отсутствовали в общем каталоге и не вводились в широкое пользование. Так я познакомился с формулой французских дадаистов, которая ошеломила и восхитила меня своей вольницей, своей справедливостью: «Красота – это возможность встречи швейной машинки с зонтиком на хирургическом столике».

Повзрослев, я как бы упростил для себя эту формулу, убрав эпатажные декорации... и она даже роднее стала: «Красота – это возможность встречи».

В зрелые годы я сказал себе: «Красота – это возможность». Позднее я рассказал эту историю в поезде своей случайной попутнице – юной студентке Литинститута. Ещё и точку не успел обозначить приличествующей паузой, как она рассмеялась: «Красота – это!» Я – согласился.

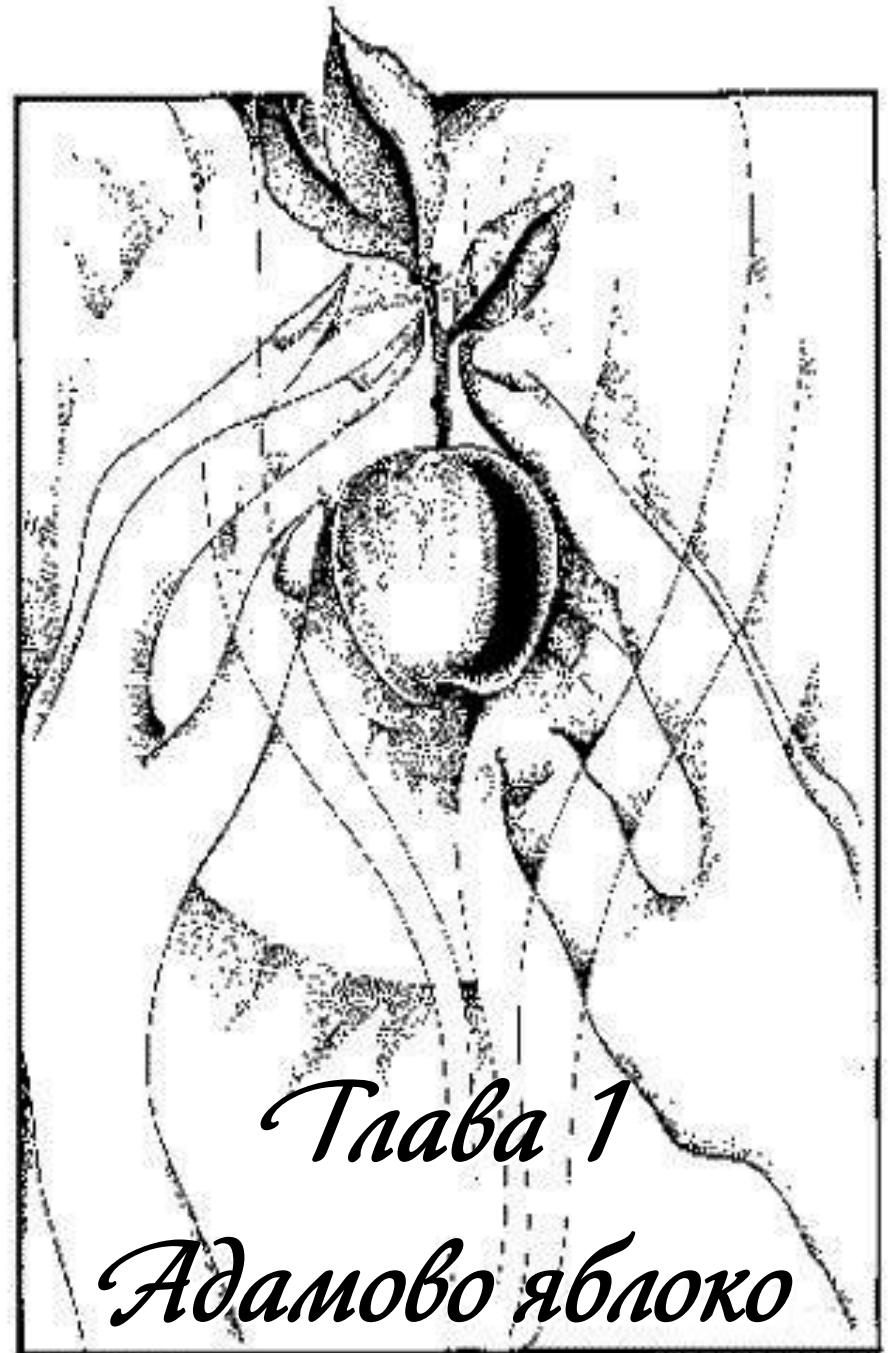
Прекрасный принцип поэзии, когда в итоге приходишь к уверенному убеждению: «Красота – это!» И вся твоя жизнь, весь твой опыт с его печалью и радостью, победами и поражениями, все твои надежды, мечты и помыслы сливаются в одном слове – «Люблю...»

Евгений Феодоров

ОКНО

*В мире сложных вещей,
в мире дерзких полётов
и нахальных заблуждений
каждый день открываешь
простые слова и движенья:
открываешь окно –
входят ветер... дожди...
и падают листья и звёзды
на подоконник.
– Люблю.*

*Глава 1
Адамово яблоко*

ОДНАЖДЫ

Случилось это в троллейбусе...
Да и где ещё могло бы случиться,
если ты не играешь на скрипке
(правда, в хоккее получается),
а дом её, конечно же, без балкона
и пока не известен.
Ну, в обыкновенном троллейбусе,
в обычной толчее.

На неё падали угловатые спины –
он плечами раздвинул,
надёжно подплёр
и, вытянувшись,
стал державнейшим исполином:
ему по силе – и эти скалистые спины,
ему по плечу – и эта
испекающая толчея.

Но он смотрел мимо её платка
на убегающую вечернюю улицу,
которая разматывалась, разматывалась,
пунктируя свой бег
жёлтыми точками фонарей.

И ещё одним движением плеч
освободил площадку вокруг неё так,
что стали видны
её лёгкие красные туфельки,
похожие на красные лодочки.

Случилось
нечто вроде воздушного замка:
красноречивее скрипки
и выше, чем с балкона.

Она улыбнулась:
чуть двинулись губ уголки
и лицо просветилось
сквозь троллейбусную досаду,
как парусок.

Он заметил – и,
затаив дыханье, подумал:
«Бегущая по волнам...»

ПРОКЛЯТЬЕ СЛОВАРЯ

Между нами –
проклятье словаря «Вы и Ты»,
над которым сокрушался Сашка Пушкин...
он учился классом старше
и часто сбегал с уроков,
чтобы, наверное, посокрушаться
после встречи с новой девицей.

Скажу «Вы» –
и задираю голову... так высоко...
никакой альпинизм не поможет...
и как до парящей птицы –
не дотянуться рукой
и в глаза – не заглянуть.
Да и не спросишь запросто:
«Как Вам – среди облаков,
среди великолепных руин
воздушных замков?»
И письмецо не напишется:
«Я встретил Вас...»
А дальше?

Но если «Ты»?
...и гаснет фантазия,
потому что и без неё
с ума сойти и назад не вернуться:
твое весёлое удивление
с первым лучом касается уха –
и я просыпаюсь счастливый;
осень полна твоего шёпота –
в листьях, в мелком дожде,
в траве, замирающей на зиму...
а весной в моих улицах
много блестящих окон –
и в каждом отсвет твоей улыбки.

Это же – благо, это же – счастье:
жить и чувствовать кожей, душой,
всем своим естеством
удивительную, животворящую музыку
твоего присутствия в мире.

Ах, да... чем я занят?
День субботний. Я занят всё тем же –
распутываю проклятье
словаря «Вы и Ты»...

Я придумал город исполняющихся желаний.
И на выходные, хотя бы изредка,
мы улетаем б – легко и просто
побыть в этом городе
по-детски доверчивыми и простодушными...
и счастливыми!

И город этот не нужен?
Ах, Муза... ну что за проклятье?!

ПТИЧЬЯ СКАЗКА

Когда ничего не было на Земле, было птичье царство-государство.
Жили-были птицы. Из камешков гнёзда складывали, на песке да на скалах отдыхали, ловили мошек. Песчаные дожди и каменный град били-разбивали птичье царство.

Жили-были птицы...

И однажды собрались птицы в одну несметную тучу. Полетела эта туча над землёй песчаной, над землёй каменной.

Как весенний дождь, сыпался разноцветный птичий пух. Там, где падали пушинки, поднимались зелёные травы и радужные цветы: синие колокольчики, белые ромашки, красные гвоздики, жёлтые лютики и пушистоголовые одуванчики.

Зазеленела весёлая страна.

Потянулись к облакам сильные деревья. Их корни пробивали серые камни и поднимали из глубин земли живую воду. Птицы набирали в клювы живой весенней воды и несли дальше и дальше дожди, цветы, травы и свои песни.

Не было ещё на земле дорог. Не хватало весёлой земле дорог и шагов. Но там, где светит солнце, где деревья, как крыльями, машут

ветками и до самого горизонта зеленеют луга, в стране, где слышны птичьи крылья и песни, должны быть люди.

Никто не расскажет, где и когда точно появился человек.

Разве что – птицы. И как похожи с тех пор на птиц – цветы и деревья... да и сам человек.

Гадай – не отгадаешь. Но с тех пор прошло много времени, и, говорят, птичий пух потерял свои чудесные свойства...

Не верьте. Однажды возьмите птичью пушинку и посадите её в дикой стороне. И ждите.

АДАМОВО ЯБЛОКО

В райском начале мира
мы были одни

И ты дала мне комочек жёлтой глины

А я обвёл на скале твою тень

– Что ты сделал?

– Твой портрет.

И ты нашла

кусочек дерева обожжённого молнией

Я лёгкой рукой набросал

твои длинные чёрные волосы

причёсанные ветром

обласканные солнцем

и прорисовал

под изогнувшейся чёрной бровью

твой удивлённый глаз

Ты улыбнулась

и под скалой отщипнула

красной глины комочек

И я улыбнулся

и осторожно вылепил

алое сердечко твоих губ

Ты всё поняла –

и впервые поцеловала

И так началась история...

НЕЧАЯННОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Подражание сюжету Марка Шагала

Полетим?

Вряд ли наберём по горошине,
вряд ли отыщем хоть семечко
в нашем кривом квартале,
в нашем сиротском феврале.

Но мы же не всё забыли,
мы ни за что не могли позабыть –
так не нам ли летать?!

Пустота расплелась... свет и простор...

А на крышах уже весна.

Там прыгают первые голубые шары,
напоминая... заманивая...

И разбитый фонарь насвистывает что-то,
может быть – драгоценнее Моцарта,
а может – просто пенициллиновое...
прозрачно – легко – упоённо.

И окраина младше своих голубей.

И нам-то что? если мы сами по себе...

и настроенье – ни облачка,
и погода – ни облачка,
и клавишное пощёлкивание
случайной капли.

Так ты взгляни, посмотри,
как всё же пусто в картине без нас.

Да, мы сами по себе, но мы
будем единственным облаком

в разливающемся небе неспешной весны.

Не разлетимся, не потеряемся, не пропадём!

Но забудемся, залюбуемся – и заживём.

Так давай же... И всего-то нам

шаг шагнуть да листочком взмахнуть,

держась поначалу за ленточки окон,

но потом всё смелее и выше,

взявшись за руки...

Господи! Как хорошо...

ВЕЧНОЕ ЛЕТО

1.

Что за белые птицы
слетают с ресниц твоих...
птицы, несущие свет...

2.

Я счастлив в тот час,
когда утренний свет
прохладнее женской кожи,
а тени ресниц
длиннее теней травы.

3.

в жёлтый шуршащий полдень
когда лень поднять руку
чтобы заслониться от жара и блеска
мы жмуримся... но потом
смотрим друг в друга
широко раскрывая глаза...
мы – единственное облако на земле
– ты счастлива?
– да... а ты?

.....
в жёлтый полдень
шуршащий в поникшей траве
мы вместе – я счастлив –
теперь и всегда

К ТЕБЕ

Дай поцелую твоё нежное запястье.
Только ты – это ты, а всё остальное...
Вот так бы и остаться на твоей родинке,
как на необитаемом острове,
но знать, что кругом – ты,
а это – счастье.
Люблю.

УТРЕННЕЕ

Первыми просыпаются птицы.
И расправляют крылья.
Но сегодня
проснулись мы –
раньше всех птиц –
и, счастливые,
расправляем крылья.

РОМАНС ДЛЯ ДВОИХ

Живём беззаборно
живём беззаботно
смейся беззлобно
была бы охота

Да только охоты
охоты – нету
грустнейшие хохмы
по сиплому снегу

В суете людоедовой
в надежде адовой
ты – грешница – Евой
я – грешник – Адамом

На пальцы наколоты
на пальцах сосчитаны
короли мы голые
дети детишками

Где скажут как будто
а где – красно
но копят пудно
кропят часто

С какого ж из сада
наш урожай
по-божески б надо
родишь – так рожай

А мы среди ряженных
и вроде бы родных
таких уж граждан
таких – уродин

что глядь – и сплюнул
пулю соседу
обычный люпус
простой – без секрета

Грустнейшие хохмы
по сиплому снегу
цветочек махровый
на гробе поэту

Ты – грешница – Евой
я – нехристь – Адамом
в суете людоедовой
в надежде адовой

Ах яблоко Евино
Адамова невидаль...

БАЛЛАДА ОСЕННЕГО МГНОВЕНЬЯ

Мир в зеркале – на паутинке,
фольговая тишина.
Мир в зеркале – журавли в небе
по серебристому холодку.
Мир в зеркале – Китеж в озере...
и сине-зелёная ель.

Подойдём вместе к озеру,
тронем наше зеркало,
встретимся друг другу.

И пойдут виднеться,
словно исстари,
наши истины,
наши истины...

Мир в зеркале – Китеж в озере.
К куполам поднимаются листья.
И снега поднимутся к небу,
разойдутся облаками.
Летит на север журавлий кораблик,
и ветки – в зелёных россыпях почек,
и небо, небо над нами...
И ты не грустишь,
ты не плачешь.

Ты слышишь?
Все возвращаются слёзы в глаза,
и удивлённо зреют
ягодки зрачков.
Как снова им верится!
Слышишь?
Звонят колокола Китежа...

Мир в зеркале – журавли в небе.
Капли взлетают вертикально вверх.
Ты от самого солнца
протягиваешь ко мне руки.
Ты мчишься ко мне
по журавлиной дороге
от сегодня
к самому первому дню.

Ты говоришь мне –
слетаются к озеру птицы,
тайно горбится мир
над песчинкою света
в водопаде грохочущей земли.
Ты говоришь мне –
я слышу
каждое слово твоё,
каждое слово твоё.

Все возвращаются слёзы в глаза,
возвращается вечность в мгновенье,
человек возвращается к человеку
в каждом слове твоём.

Ты виском прислонилась к плечу моему.

Стремительна сине-зелёная ель
на берегу нашего озера.
Сказочны, как Китеж,
наплывающие журавли.

Так мы стоим –
в зеркале, в озере, в мире –
в возвращённом мгновенье
врачующей тишины.

Ты слышишь?
Звонят в Китеже серебряные колокола...
Журавли... журавли...

ОСЕНЬЮ ОЧАРОВАННЫЙ

Стало тихо и гулко.
Вычернились стволы,
заголубелись дали...

От села до села
журавлиной дорогой
осень прошла...
– Ау!

Листья лисьего цвета
шуршат по кустам,
замирают в траве.

Троеко, троепёро
куст распушился
в яру.

В красном пожаре
куста-невелички
ветер бунтует
и задувает свечки.

Стрелой просвистела
птица с холма.
Пролетела...

Я лист сорвал,
на пашню бросил:
не падает – мается.
Другой сорвал –
и в небо бросил:
летит – не возвращается.
И что такое осень?
И почему – прощается?

А где-то в горах
простуженно взвыли
одинокие волки
осенних ветров.
Несыто, зло и тоскливо,
остро сверкая глазами,
они камни грызут
и, дымясь,
вырываются из ущелий
на простор.

Мой белый свет –
боль неминуемая.
Отпусти меня, осень,
не мучая
ни грусть-тоской,
ни предчувствием.
Мой белый свет,
белый свет...

Мне ли радость твоя,
мне ли грусть...
Я уйду далеко –
не вернусь.
А за мной – вдоль дороги –
в тьмы и тысячи лет –
пирамиды
сгоревших
в осеннем огне
тополей.

Замри, тишина!
Остановись, тишина!
Куда ты уходишь, река Тишина?
Куда уплывают
по лёгкой волне
светлые нити твои ко мне?

А на закате
всё звали-кричали
красные журавли.

В семь звёзд была ночь,
в семь звёзд...

Светлой свечой
замаячила муза в саду,
восходя на дорогу.

Узкой
дорожкой
от окна до луны –
осенние сны,
летучие,
лёгкие.

Что за музыка –
нити серебряные..?
Что за грусть?

Мне осенью
снова не спится.
Мне снова
куда-то летится.
Мы –
я и листья –
как птицы.

Как птицы...
Как птицы...

Таинственной музыки свечи
отразились в окне твоём,
словно в кринице.

Вечером заблудилось облако,
а утром рассыпалось изморозью.

Холодные волчьи ночи.
Звёзды седые.
Хриплый крик петуха.

Вся земля –
деревянная роспись:
серебряный заморозок,
золотая зола...
Жизнь красна!
И по чёрной воде
уплывает беда.

Осень в степи–
пепелище
с бессмертниковыми глазами.

Жаворонки...
жаворонки...
канули в криницы.

Шум неясный,
словно огонь в печи.
Лист кленовый –
как сдутое пламя свечи.
И звонко вспорхнуло эхо
с серых колючих холмов.

В осенних моих горестях
винный привкус жалобы.
В осенних моих горестях
журавльи сорок сороков.
И крутятся, вертятся
бескрайно веи-жёрновы,
и мелется, мелется
в ладони, словно в жёлобы,
нескучная вода –
нескучная,
бегучая
синяя вода.

На дне осени
только холодные серые камни.

Листья, листья...
слетелись в овраге –
как на ярый костёр.

Листья, листья...
– Нас никто не рассудит:
по осенним ветрам
улетим друг от друга.
А если рассудят,
присудят прижиться,
печально, как люди,
мы будем кружиться
над осенней дорогой,
под осенним венцом...
Осенней дороге
не быть кольцом.

За горизонтом
остывающей тишины
мнутся траве
зелёные сны.

В ясене –
лицо осени,
осиянное небесами.

Светится осень,
и эхо голосит:
– Прощай...

Осень... звёзды осыпаются...
Осень... листья разлетаются...
Осень птичьими дорогами
разбрелась по белу свету.

ТИШИНА

Лирический трактат

1.

Ну что же?.. не надо и свет включать.
Полная ночь. Всё охвачено тишиной.
Во всём – тишина, и всё – в тишине.
...Зимней форточкой – белая страница.
Или продолговатым отпечатком луны.
Или воспоминанием о светящейся белой акации.

2.

Тишина... Романтическое воображение
в опьянении белой акацией...
мятежного ветра нерастраченное вдохновенье...
А была акация ослепительнее луны,
и ты была неожиданной озаренья.

3.

Старинной поэзии шепетильный слог... и немножко нервно.
Как если бы между ладоней раскручивался
жемчужно-дымный цветок галактики
или возникал в трепещущем серебристом мерцанье
твой образ и нарцисс.

4.

Тишина... провансальское сладкозвучие, обретенное
и разнесённое по дорогам в истории и во вселенной
Разве что только цветы... пёстрые голоса цветов
над покойными волнами трав
и в скрытых, залистанных воспоминаниях.

5.

Тишина... это медленный водоворот в стремнине времени.
Будущее свободно и просто сливается с прошлым,
и мы с тобой снова встретимся
в ровном дыханье межзвёздного сквозняка,
как когда-то – в твоём подъезде.

6.

Тишина... никем не обещанная благодать –
но случилась... и именно в ней
неостановимая, необратимая сыпучесть времени
обращается в острые золотые песчинки...
Да только на сердце остаются зарубки.

7.

Я, казалось бы, всё могу, но когда тишина –
какая одухотворённая печаль...
какое безмерное пространство,
в котором нет предметов и нет законов...
и как я мал в бесконечности слова...

8.

Нет, не длится она, но преобращается в нежность,
когда немеренные расстояния времени
и неоглядное время пространства
размываются взволнованным дыханьем...
навстречу единственной – тебе,
размахнувшей руки... как крылья!

9.

Невыразима тишина. В Слове заговорённая... невыразима...
Каждый звук варварски разрушителен,
а молчанье – тягостнее бетонной стены.
Разве что в капле, на мгновенье зависшей,
сосредоточено столько живительной тишины,
что падает капля – и отзывается мирозданье
в каждом живом предмете, в каждом явлении.

10.

Златоустый день, среброкрылый вечерний сумрак,
утреннее наважденье... Но тишина...
когда уже ничего за душой,
кроме прожитой жизни и давней встречи с тобой,
есть тишина – и твой шёпот в чашечку цветка.

11.

Я уже не гадаю на розовых камешках
и не собираю осколки, чтобы слепить витражи.
Но по ночам, отдышавшись, уйду в тишину –
и тогда меня нет на планете.
Тишина... только и слышно, как бьётся сердце.
Ах, заговорённая тишина –
твой шёпот в раскрытую чашечку цветка.

12.

Три старинных предмета чисты перед Богом:
свирель, нарцисс, соловей...
И тишина – совершеннейшая музыка,
по-матерински снисходящая к нам.

ВЕСНА-СИНЕГЛАЗКА

Пришла весна –
медлительная, будто испуганная.
Пальцами веток пробует ветер.
А ветер – тот...
тот, что нужен,
чтобы лопнули почки
и зашевелилась трава.
Как же зябко ей
в её нерешительности!..
То ли проверить поляны и луговины:
проглянули подснежники? нет?
То ли собрать облака
и первым дождём возвестить:
я весна, я пришла!
Хотя... просто взмахни рукавом,
чтобы птичья суета,
жизнерадостный птичий гомон
заполнили округу...

Остановилась на взгорке
и осторожно,
как бы не веря себе,
рукой повела.

И раскрылись беспредельные дали,
небо раскрылось...
и вздохнула земля.
Разгорается солнце –
ярче, дольше и горячее.
Все ручьи
сбежали в шумливую речку.
И только дороги ещё не подсохли,
но они – не торопятся,
они, как обычно,
чтут свой срок.

И весна – с утра –
вдруг прошлась – как в хороводе!
Польхнула платочком,
звонко топнула каблучком
и глянула такими синими глазами –
и ни сна, ни покоя.

Потянулись, выпрямляясь, дороги,
спрашивая ненароком,
но с лукавой усмешкой:
– Идешь?

Так что ж тут поделатъ?!
Весна.
Иду.

СКАЗКА КРАСНОГО КОНЯ

Выходит конь из высокой травы –
из росистых лугов,
из прохладной страны:
лебединая шея,
горячий красный скакун –
с синевою летучей
в ширококрылой гриве,
со змейкой бегучей
в крепкосильном хребте.

С яблочным стуком
острые падают
в сырую вечернюю землю
копыта –
и в следах пробиваются
блики озёр.

Я слышу
дыхание жаркое
над пологой волною травы.
Я слышу
ржание тихое –
нетерпеливый призыв.
И тревожно пронзительны,
прорастающи к звёздам
сюрчащие трели
рассыпавшихся сверчков.

Добрый конь искроглазый,
упругие мышцы огня,
невзнузданный конь удалый –
он унесёт меня.

Разбежится – искря в полночь.
Разлетится – раскинув гриву.
Вспрянет – яснее сполоха.
Взomчит – с вечера
и до утра.

Земля распластается
под копытами вихря,
под стремительным лётom
огня.
Эхо громом ударит
в гнутое небо.
И сиреновой веткой
хлестнёт позади
молния.

Расстелятся травы,
расплещутся реки,

а в стонущих соснах
и крепких кедрах
зазвонит тетива
синегрозого горизонта.

А в восставшие травы
ночной степи
грянут дожди,
прорастут дремучие.

Долго будем,
долго мчать
по раз – ахнувшей грозе –
с вечера
до утра.

НАЧАЛО

...и стихотворение прорисовывается, как географическая карта:
диковины по краю Ойкумены, и тайны царства Офир,
и ещё в пути Колумб, Магеллан, Крузенштерн –
каждый в своё время и каждый в свою сторону,
и железные льды за пределами вольных строчек
ещё не открыты, не измерены и не расписаны
по владеньям...

Но из белой пены морской рождается чудо чудес,
и уже бегут навстречу друг другу влюблённые.
Перо, не дрогнув, начинает свою первую борозду.
И слово ложится на белое пятно среды обитания
то весёлой рюмкой, то разгневанной вдрызг погодой,
или длинным сюжетом пригорков, похожих на древних
зверей,

или блёстками света осыпающихся августовских звёзд...
Слово к слову лепится – и строка синей жилкой,
тропкой в орешник – между замшелыми валунами,
от порога к порогу – улицей под цветущими липами...
Над полями таинственно мерцают иероглифы далёких
миров.

И возлюбленная всходит в мою жизнь путеводной звездой.
Дописываю-дорисовываю колдовскую лодочку на стене:
останется вёслами только взмахнуть...
только вёслами взмахнуть...

ФАРФОРОВЫЙ ТЕАТР

За стеклянным занавесом с крапинками дождя,
в кристаллическом пространстве
маленькой, но всегда такой далёкой страны,
на муаровом жёлтом паркете,
наверное, даже ночью светло
и, наверное, только ночью
перед единственным зрителем – осенним дождём
разыгрывается фарфоровое действо. Как в детстве!

Как в детстве...

Толстощёкий курильщик, вскинув пенную кружку,
махнёт рукой и засядет у бочки в углу,
краснолицый и доброжелательный старожил.
Гранд испанский в чёрном плаще,
сверкая мстительно взглядом
из-под шляпы со страусовым пером,
отойдёт настороженно – за
холодную беломраморную колонну,
обвитую трогательно беспечным плющом.
Две толстухи в крапчатых чепцах,
оборачиваясь вокруг друг дружки,
ничего не заметят и никак не помешают
за разговорами об уличных ценах на розы,
пылающие в бельевых корзинах.
Парусник, праздничный, как пирожное,
весь в золотых завитках,
надувая свои перламутровые паруса,
как щёки капризный Амур,
мечтает о голубой дали
бессмертно юного утра.
И по всему-то по этому
на круглой паркетной площадке,
обегаемой розовоносными овечками и

пастушками, златовласыми, с флейтами, в лентах,
и обставленной мизерными вазончиками
с цветами любви и печали,
начинается...

Да, конечно же, так:

начинается

серенадой про звёздную ночь

и про глаза ярче звёзд

ЧУДЕСНАЯ ИСТОРИЯ ЮНОГО КАВАЛЕРА

И ЮНОЙ ДЕВЫ ПО ИМЕНИ РОЗОВЫЙ МОТЫЛЁК.

Под нежную музыку безумного скрипача,
смычком достающего до колокольчиков звёзд,
жил-был Юный Кавалер.

В голубом камзоле с серебряным позументом
и при шпаге с золотой рукоятью,
он был прекрасен, как пастушок,
не потерявший ещё ни одной овечки.

Он был нежен, как майский зефир,
лёгкими дуновеньями перебирающий
лепестки первых утренних цветов.

И чудесен был Кавалер, как Амур,
сбежавший от своей олимпийской владычицы
на цветущий луг земли.

И он был влюблён,

потому что в фарфоровом королевстве
это единственное занятие,
достойное кавалеров.

Под вкрадчиво сладкие звуки лютни
в руках изысканно безобразной карлицы,
под звуки лютни, поющей в лунной майской ночи
старинные песни бродячих поэтов,
жила-была Мотылёк.

Ах! Ни в одном триолете не скажется,
сколь привлекательно и прихотливо
вьются по розовому платью её
инееподобные кружева серебристо-жемчужного цвета.

Ни одной весенней зари не достанет,
чтобы легчайшими прикосновеньями слов
воспеть нежный цвет её щёчек.

О дивное созданье!
Изящна, как мотылёк,
нарисованный Аполлоном в минуту мечтанья,
оживлённый божественным светом восхода
и росой из чашечки цветка.
О грёза!
Но влюблена Мотылёк,
уже третий день влюблена.
И упивается томительной грустью
долгих-долгих минут между встречами.

Ах, эта сентиментальная опера на цыпочках!
Но – скоро в королевстве полдень,
замечательный майский полдень.
И скоро у белой беседки, увитой розами и плющом,
появится он, весь порыв и смущенье,
но с такою амурной отвагой в глазах...
Словно из зелёного облака,
выпорхнет из-за куста жимолости – она,
вся – упоенье светом полдня и обещанием счастья.
Замрёт лютня, смолкнет пташки лазоревой пенье.
Только вздохи пушинками к небу поднимутся.
Только лепет двух влюблённых сердец.
И стихнет шорох песчинок в часах.

Но будет и вечер... Огни фейерверка.
Бал, блеск свечей, шум фонтанов.
Будет взглядов, полупризнаний, намёков игра.
Будет лепет цветов, внятный только влюблённым.
Бриллиантами брызнут
улыбки и слёзы игры.
И краткие, как молитва младенца,
жаркие, словно утренние розы,
вздохи замельтешат и завьются
меж свечей и хрустальных подвесок
райскими птичками из золотой клетки.
И музыка, музыка – с вечера до утра.
Если только не сломается смычок
в руке неистового скрипача,
обезумевшего от раны в сердце.
Если только не размокнут струны лютни

от горьких и светлых слёз карлицы.
Ах, неужели фарфоровая сказка
и светлое фарфоровое счастье
ничего не изменят в течении времени?!

Да, утром замрёт фарфоровое королевство.
Склонится в грациозном поклоне
Юный Кавалер перед Розовым Мотыльком.
Чёрный гранд не утолит благородной мести
да так и застынет в тени сумрачным изваяньем.
Толстухи остекленеют с выпученными глазами,
широко разинув рты над корзинами неувядающих роз.
Краснощёкий курильщик, сбившись со счёта,
задумается над своей бездонной бочкой,
чтобы, махнув рукой, открыть новый счёт.
Только молодой Король-садовник,
с корзинкой цветов вместо короны,
весь будет светиться беспечным весельем...
И долго будут витать блики музыки
да лепет двух влюблённых сердец.
Но парусник так никогда и не спустит
своих славных, своих перламутровых,
своих парусов с мечтою о дали.

НА ПОРОГЕ

1.
Не надо не помни
и даже к окну не подходи
прекрасный день
у Моцарта – новая музыка
стрижей и ласточек веселей
и в небе – ангельская голубизна
обещающая свободу и счастье
а ты отвернись от меня
и высматривая тучку
не оглядывайся
чтобы не вздумал вернуться
сегодня или завтра
– так я уйду?

2.

Непрощённый и уже почти забытый
я ухожу каменистым берегом
мною придуманного моря
полуденный ветер так свеж и нежен...
а соль морская заглушит горечь
и камни скатившиеся с обрыва
напомнят мне детство –
в утешение или на радость...
и только вечером на пятом этаже
сидя на подоконнике буду искать
зависшую над крышей соседнего дома
еле тлеющую звезду
но ты об этом уже не узнаешь
а завтра – наверно и я забуду
на каменистом берегу
мною придуманного моря

* * *

А счастье – это ж совсем немного.
Простые слова... простые движенья...
В глаза заглянуть,
руку положить на плечо...
И утром – проснуться,
хотя бы ради того,
чтобы сказать:
– Люблю.

ГОД БЕСПОКОЙНОГО СОЛНЦА

Человек прилетает с Луны,
человек возвращается с полюса,
человек сходит с гор...
расстёгивает куртку,
обливается до пояса.

В ладонях –
 как живая вода –
колодезная:
с отражённым лицом,
пахнет травой
и рассыпается
счастливыми брызгами,
похожими на звёзды полюса,
гор
 и Луны.

Ах, Земля,
голубая горошина!
Вся – в ладошке колодезной.
...такой человеческий дом.

А человек открывает окно,
распахивает свой дом,
как на известия мира
включают репродуктор.

Но сегодня –
 Год беспокойного Солнца:
грохочут бураны протуберанцев,
и в мире Земли
взрываются радиоволны...
И нервно мерцают
радиозрачки.

СОС!
Корабль нарвался на рифы.
Боль в виске.
Туманы.

Хнычется сердцу.
Азиатски гриппует Европа.
И компасная стрелка
тычется
в ярый зенит.

Пересекаются линии
параллельных окопов.
Снова слышится шёпот:
– Мама...
Я не хочу умирать.
Верни меня,
 мама,
к колодцу
и журавлиному плёсу.
Я буду...

Но приходит письмо
через месяц
по вести о смерти.
Плачет мать на дороге,
и Солнце
гремит
над ней.

Сегодня –
 Год беспокойного Солнца.
Грохочут войны протуберанцев.
Взрываются солнечные области.
И бомбовое эхо
снится
земным человеческим ночам:

весь мир параллелен,
и война – как судьба,
и закрыта Луна,
туманы спускаются с гор,
и двинулся с полюса
холод ледовый,
остывает трава,
и лица вмерзают в траву...

Но кончается год,
а утром
человек возвращается с Солнца,
расстёгивает куртку,
обливается до пояса...
В ладонях –
 как живая вода –
колодезная.
Вся – в ладошке колодезной
голубая горошина.

ЖУРАВЛИ В НЕБЕ

Было или не было, гадай – не отгадаешь. А в сказке всё скажется, в сказке всё откликнется. Так и должно быть. Выходишь на дорогу, дорогу дальнюю и трудную, и зовёшь: – Ау...

На трёх холмах, что над синей рекой, город стоит. Весной по ручьям этого города уходят в дальние плаванья корабли. Они пробиваются сквозь бурные воды, не жалея парусов. А в небе звенят журавли.

В городах, которые так устроены, конечно же, живут замечательные люди.

Жил и в этом городе замечательный человек, ростом чуть выше валенка. Он прославился среди жителей тем, что открыл в небе над родным городом счастливое созвездие Якоря.

Человек подробно рассказал о своём открытии на большом листе плотной белой бумаги. И подписался: «Да здравствует наш город и наши корабли! Счастливого плаванья!»

Свой лист, исписанный крупными печатными буквами, человек прикрепил на стене самого красивого дома, который был похож на корабль. И казалось, никто теперь не сомневается, что плаванье каждого корабля под созвездием Якоря будет удачным.

Счастливого плаванья! Счастливого ожидания!

Днём – по солнцу, ночью – по звёздам уходили в моря-океаны отважные корабли.

И звенели журавли. Каждый год прилетали они, звонкие, большекрылые, самые красивые птицы. А осенью медленно уплывал куда-то их корабельный строй. Долго тогда и грустно летала-кружила над городом птичья песня. Улетала...

Корабли стояли на подоконнике. Были они из коры и чурбачков.

В окно билась грустная птичья песня, похожая на грустную человечью песню без слов. И было немножко обидно, что никто всерьёз не верит в счастливое созвездие Якоря.

Суровый капитан надел пальто, в походную сумку положил атлас мира, буханку хлеба, любимую книгу да верный перочинный нож. И ушёл. За журавлями в небе.

Ночью над его дорогой светились счастливое созвездие Якоря.

«За журавлями в небе...». Кое-кто смеялся или попросту не понимал. Где-то завидовали. И даже кто-то ждал, что скоро, скоро вернётся капитан – как перелётная птица.

А были и такие, что собирались быстро и уходили за кораблями из чурбачков, за журавлями в небе.

Я выхожу на свою журавлиную дорогу и зову: – Ау!

Знаешь, очень хочется верить, малыш, что ты, когда подрастёшь, обязательно откликнешься. И я верю.

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК

Мир не очень-то, в общем, велик.

Но когда открывает хозяйка окно,
книги сбрасывают мундиры,
и, весёлые, в белых рубашках, и смуглые,
поднимают они синий парус.
И потрескивают половицы,
рассохшиеся за день.

Мир не очень-то, в общем, велик.

И в чудо такое не верится сразу.

Но вы утром придите,
позвоните хозяйке моей...

Гостем придите.

Попутчиком добрым придите.

На окне вы солёные капли заметите:

может – море, может – слёзы,
а может – дожди.

Но вы утром – придите,

позвоните хозяйке моей,

чтобы всё, что я вам рассказал,

началось – днём.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

По мотивам Сальвадора Дали

1.

Длинноухий стол и пучеглазый будильник –
ах! неразлучные друзья в потерях и постоянстве:
большой-большой, но наглухо замкнутый,
и маленький, но прозрачный и не в себе;
один – сосредоточен, весь в строгой геометрии,
другой – банально рассеян и дребезглив.
Но такова эта частная история,
где многоточие уходит лифтом в помилование
в перпендикулярной траектории времени.
Ах, не уши существенны, а геометрия,
и не пузо и дребезг, а растраченность.
Так что будильник сидит у стола на шее,
даже когда в капризе лежит, побряхтывая и сопя, –
он сидит. Но сейчас они оба
загляделись на шахматных мышей,
лакомящихся жёлтым облаком.

2.

Плеши, пролизанные в красном панбархате,
расцветают удушливыми орхидеями –
и пронизывают фараоны подземелья,
и прорастают в фонарные чердаки,
тревожа ворс самоуверенных заблуждений.
Но в поднебесье-то, в поднебесье
стрелки гулко колеса стекли со стола,
заикаясь, кривляясь, но не исчезая,
и тонкими ручонками догорающих водорослей
всё же дотянулись до хирургического столика.
И тогда-то – оттуда – с конструктивной иглы,
прекращая крапчатую возможность,
но открывая розовый кредит,
с коротким звоном упал и воткнулся в кого-то
тяжёлый мемориальный топор –
с сияющим, как лик, отпечатком пальца
на облезлом лезвии.

3.

Из христианских складок отрешённого неба
выныривают, улыбаясь, янтарные ящерицы.
Игра... не игра... но в окне – кубический крест.
За ним паразитирует альпийская трапеза.
Но среди пузырей заоблачного времени,
чреватого решкой разыгранного в пыли авторитета,
восстаёт несгибаемая слепая бессонница –
без кукольной оболочки с пятнами кофе,
но вся поросшая чёрными маками.
И телячьи простая догадка периметра
здесь раскрылась, сползла с потолка
и, не выдержав собственной окаменелости,
за которой обнажённость как обожжённость,
обрелась в себе, чтобы уже ни за что, –
но обрезав проводку света и связи.
Только по краю, рассекающему пространство,
бежит себе и бежит янтарная ящерица,
замерев нераспознанным ацтекским слитком,
и добежит до утра.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ДЕРЕВО

Дерево стояло у перекрёстка.
И сокрушалось дерево.
Сокрушалось дерево по воронам,
которых раззадорили мальчишки
и разорили – их отцы.
У подножья распластались
розовые трупы воронят,
с разинутыми клювами,
страшные и нагие,
впечатываясь в асфальт.
Сокрушалось дерево
и всё о чём-то шумело,
но шум его безнадёжно тонул
в гуле уличного потока.
И всё пыталось дерево –
хоть вымученным ростком от корня, но
отогнать, рассеять

деловитых и прожорливых,
вмиг расплодившихся мух.
И всю ночь сокрушалось дерево,
а утром – ухватилось за
путеводную нить первого лучика
и пошло на восток...
потряхивая кроной,
из которой всякий раз сыпались
сучки, бумажонки, чёрный пух –
печальные остатки гнёзд.
Деревья уходят медленно,
но – уходят.
И оно уходило по осевой,
оставляя позади
надрывный вой «скорой помощи»
и синий сполох «ПМГ».

СЕРЕБРЯНЫЙ ФЛЕЙТИСТ

Ночью тихо. Ночью только звёзды шепчутся. Они отражаются в воде серебряными рыбёшками. Посмотри, они вздрагивают в воде – как живые.

Станный звук протянулся над речкой. Долгий, как сама речка, глубокий, как ночное небо. Кажется, весь подлунный мир заворожён не тишиной, не тёплой ночью, не шёпотом звёзд, а вот этим колдовским звуком. Но он скоро кончился. Как будто улетел – одним вздохом, одним взмахом – на невидимых упругих крыльях...

Плывёт по речке между отражённых звёзд уклейка – рыбка малая, серебряный флейтист. Вот она вышла из тёмных речных вод, поднялась по гибкой зелёной лесенке на самую маковку ивового терема...

Тишина.

Ночью тихо. Ночью только звёзды шепчутся. Отражённые, они дрожат в тихой и тёмной воде, будто серебряные мальки.

А с ивового терема потянулась мелодия. Потянулась незаметно, словно травинка прорастает. По-птичьи грустно и легко потянулась мелодия маленькой флейты. Тонкой серебристой паутинкой поплыла она по тишине в звёздную ночь.

Было или не было, гадай – не отгадаешь. А выплывет из-за облачка кораблик месяца... и уже кто-то другой поёт. Словно травинка прорастает.

НАЧИНАТЕЛЬ ИГРЫ

*Ты не знаешь, ты не знаешь,
что такое эта скрипка,
Что такое тёмный ужас
начинателя игры.*

Н. Гумилёв

1.
когда это было?
ведь когда-то же было
случилось и длится...
как рожденье и жизнь?
рожденье – забыто
а жизнь – скоротечна
но слово –
единственно длящееся мгновенье

где счастье?
на розовом облаке в лесном озере
в окруженье весёлых ясеней

где моя родина
благодатная и миротворная
с лесным озером на груди?
где моя родина?

.....
детской пелёнкой
уплыла по реке

и – где ты?
где-то... но не здесь
даже если в соседней стране
или в соседнем квартале
на седьмом этаже...
только в слове...
каждый миг в слове –
воспоминанье о первой любви

даже когда вымирают птицы
остаётся слово
хотя что может слово без птиц

без цветов и лесного озера?..
что может слово
без тебя и меня?

ничто не случается
если и сходит с небес
всё идёт своим чередом
вкривь ли вкось или по грядке
по вольной воле
или по забытому завету...
но случается – слово

и если случилось слово
доверься слову –
и начинай

как птичья судьба
на хрупкой жёрдочке жизни

на паутинке устремленья души

над слепым зеркалом белого листа
с надеждой как с белой тростью
под острым маятником неизвестного срока

лезвия огня языки ножей
калёные стрелы крика
осколочная боль
мёртвый шёпот угасших душ

но раздёрнуты настезь
жидкие гардинки осенней погоды
день сер мелочен и бездомен
стоит... и вот в сию минуту
разменять всю свою вечность
на несколько золотых
листьев мгновений крупиц
на несколько петушиных слов
и сыграть с жизнью и смертью
без прощенья долгов
потому что в слове
обретаются крылья

и возможность
крылья раздирающие ночь
возможность невероятной свободы

тенью гусяного пера
перечеркнут облезлый циферблат

из символа как из семени
ождается цветок
.....

крик на площади
звон стреляных гильз
с колокольни Ивана Великого
топот и ропот толпы
и неподцензурное молчанье
всё в слове свернётся
и когда-нибудь – может утром –
кто-то уловит слово
начнёт игру – и смутится Господь

как бы ни было но продолжается жизнь
и бывает человек прорывается к Сути
и тогда – случается – Бог уступает человеку
хотя бы в одном-единственном слове
но – уступает...

2.

по наитью
по устремленью души
жизнь начинается...
нет продолжается заново
когда пишешь первое слово

слово – зародыш священнейшего безумия
именуемого мусикийски сладострастно
и с надземным очарованием
с приближением к Богу:
Поэзия
и случайное слово
нисходящее в сердце слово –
маленькая калитка в голый сад

единственная возможность
сбежать и укрыться
затаиться покаяться отмолиться
но так ясен свет
но так ясна весть...

слово...
никогда не знаешь откуда зачем
никому не расскажешь не выплачешь
как мучительно слово
в сердце

и что за ужас распространяется
по всем сторонам света
как крылья халдейского гения
ужас убийства суда распыла
ужас себя поглотившей бездны
и ужас Крона пожирающего детей...

ужас захлопнувшейся намертво точки
прицелен и беспощаден
нет возврата

но слово... и всё-таки слово
изысканней жемчуга живее красок
волшебней струны драгоценнее хлеба

мы чисты и честны
когда пишем первое слово

и продолжается игра
с тайной Творенья и тьмою судьбы
и длится весёлое время – жизнь
пока рождается и рождается слово

и вскипает совершеннейшая вечность
и нет череды лет и зим
и совместились пласты столетий
и эпохи вошли друг в друга
океан который никогда не переполнится
и ужас – не навстречу а следом

Поэзия... это из зависти к Богу?
или спор-поединок
тщетного подобия с неизъяснимой сутью?
или игра... в муках души и памяти
расталкивающая ленивое время
и побуждающая
одухотворяющая
устремляющая
жизнь

в поэзии нет и не может быть диктатуры
и даже точёная решётка ритма
с рифмованными узлами креплений
не насилие и тюрьма
но ароматные сочащиеся соты

я не знаю что такое Поэзия
вряд ли отвечу и что же такое слово
но Поэзия – есть
а слово – неисчерпаемо

не красная глина первозданья
и не ветер несущий и направляющий
не лютей огонь и не охранительная вода
или ещё мириады ограничений и усечений

но какое многообразие
форм и оттенков божественного смысла
и даже вывернутое наизнанку
в трепетной игре или в порыве бунта
слово сохраняет арабеск и суть семени

слово... голубые мотыльки неразгаданных вопросов
слово... летучие тени скользкие чешуйки
отблески общего Смысла
как человек – подобие Бога

слова и слова и слова... слова...
и всё-таки – слово
жизнь снова и снова продолжается
божественным началом – словом

слово – самый короткий путь на крест

но под крылом
из символа как из семени
проклюнулась незабудка

3.

лёг первый снег
и стало светло
в памяти и на душе
недолгий праздник надежды
летучее счастье любви
лёг первый снег
стало светло и пусто
уже не осень но ещё не зима
а первые слова на листе
как твои убегающие следы
когда-то... давным-давно

как не потерять
в лабиринте единого слова
ниточку света?..
когда кажется что достиг
и уловил невыразимое

что ещё менее очевидно
чем слово?
кажется – оно постоянно
как солнце и луна
как звёзды и камни
как гора для Сизифа

и в какой-то момент
мне примстилось:
я победил любовь
но сейчас оглянулся
вспомнил один-единственный день
и увидел:
она в печали
а я – сокрушён

и осень –
моя кормящая мать –
врачует несуетливо
и тихо плачет
за меня и за всех
кто только за слово возьмётся

и небо –
пустое до звона –
мнится счастьем:
распахнута высота
и свет умиротворяющий
сквозняком
по душе

и слово – искупительная попытка
по жажде жить неизбывно
когда рождается слово –
ясен свет
прекрасна любая погода
и продолжается жизнь

лёг первый снег
и звук – предчувствие слова
как вся жизнь до весны –
предчувствие встречи с тобой
когда-то... давным-давно...

после бессонницы
играючи набросать пару строк
про воздушный замок
с золотым крыльцом –
на стеклянной горе...
как когда-то...

в слове – стремительно летящая свобода
даже с перебитым крылом – свобода
...а было ли слово?
сомнение возвращает на землю
что родится из слова?
если сегодня и здесь

первые слова на листе –
как твои убегающие следы

никто не в ответе что есть поэт –
и движется жизнь
а смертельно удушье молчанья
когда в корчах сокращается душа
и дымным фитильком
сходит на нет
нет это не игра
но кто-то всё-таки начинает
пусть так – под флагом смеха
шуткой как последней пулей
над убудочными обстоятельствами
над чечёткой добычливых причин
над разворванной жизнью
пусть так – из состраданья
к задушенным крикам
к мученьям безмолвия
к обескрыленности любви
и ещё – по устремленью души
на свет мгновенно мелькнувший в камне
мигнувший с утра в цветке
пробежавший сквозь тени
на свет – затаившийся куколкой
в посерелых лицах
в усталых руках
а в сердце? а в вести благой?

нет не игра это не игра
в которой плешивые демоны
разыгрывают дурачка
но ужас безглазый
абсолютно бессловесный
абсолютно беззвучный
готовый прихлопнуть втихую
и любую бабочку
и любого тебя
поэты не возвращаются
но нет пустых дней в человечестве
чтобы кто-нибудь не проснулся на зов
и по природе любви

да по старинному ремеслу
не вышел бы на ристалище
и не начал бы слово

повторяются идеи повторяются изобретенья
повторяются подробности будней и быта
повторяются гнилые недуги власти
так вот же: слово – не повторяется
не наследуется слово
и ни слова займы

слово ни с чем не соразмерно
лишь в нём самом
все возможные соразмерности
вечности и мгновенья
дороги и бесконечности
жизни и духа

в слове –
стремительно летящая свобода
даже с перебитым крылом –
свобода

слово – всегда начало
в слове ничто не забывается
и в слове
никогда не дойти
до конца

и умереть?.. но с мыслью:
в бесславное время
среди бесславных людей
мне было слово...
и бесславная смерть?
нет просто смерть
и схлопнется свет за мной

БАРРИКАДА ЧЁРНАЯ РЕЧКА

На Чёрной речке
на далёкой на Чёрной речке
в пустыне снегов и деревьев

медленно падает
простреленный падает
истекающий кровью дыханием голосом
первый
последний
поэт
перешагнув барьер как баррикаду
уронив пистолет в красный снег

На недавней
на Чёрной речке
убили поэта
в первой последней атаке
дымился угол разбитого дома
на осколках оконных
умирал
истекающий кровью дыханием голосом
на грохочущей баррикаде

На Чёрной речке –
закат
красным снегом дымится
на Чёрной речке
ночь – перед боем
а утром
ударит первый последний выстрел
и кто-то спросит:
– Он убит?
и кто-то напишет
первое стихотворение
и кто-то взведёт курок
в первый последний раз...

ВСТРЕЧА В ДЮНАХ

Другу

...из полуночи,
как из бездны, – зывал:
имя искал.
Так бывало не раз:

ночь – стеной,
или пропастью...
или тёмной страной,
полной шёпотов и шепотков,
хруста, змеиноного шелеста, вздохов
и молчаливых страданий...
А я имя искал.
Просто имя.
Старался припомнить,
перелистывая дряхлые книги
и память терзая...
среди блистательных форм
и бестелесных окаменелостей...
между созвездий и между рождений...
созвучье и облик,
стать и суть...
в пустоте,
в суете,
в загогулинах перевранного бытия...
Вот... так бывает:
имя – герб,
имя – знамя,
имя – как притязанье
на тысячелетнее наследство...
и оберег
от напастей и пошлостей быта.
Всё бы так.
Но мне имя твоё –
только имя и просто имя –
уже надежда
хотя бы на вздох
перед взлётом...
или шаг
во всерассветнейшую судьбу.
Я с тобою знаком
по самым обыденным знакам
неизбывного человечества:
по лоскутьям газет
на серой осенней панели,
листьям липы, прилипшим к подошвам,
по блеску зеркалец в реке,
по хриплым песням из окон,

по новогодней весне –
после зим и болезней...

Бессонница.
Тёмно-еловая ночь.
И это стихотворение
посвящаю тебе,
твоим усталым шагам по траве,
посвящаю тебе –
идущему к дюнам,
к ждущему дому,
к любимой –
по длинной,
по долгой,
по трудной дороге...
История?
Или всё-таки жизнь?
Как ни просторна Земля,
мы – в толпе.
Как ни тесно в толпе,
мы – одиноки.
Ты идёшь среди нас,
среди озабоченных прочих, –
вне молвы,
вне мольбы,
мимо прелестей лести
на лестнице власти –
как вернувшийся с гор,
одолев заоблачную высоту,
камнепады, провалы
и нисхождение.
Я знал,
знал всегда:
ты вернёшься,
ты просто придёшь –
первобытнейшим будущим,
вопрошающим души:
«Так что же есть истина
между землёй и небом?»

Ты придёшь –
и мне ясно,

так ясно,
что слышу дыханье
отчаявшихся и счастливых,
сны и слова
по разметённой земле,
треск проснувшихся почек
в далёких и ближних лесах...
слышу чудо –
как небо, охватившее мир...
время ребячье,
золотых одуванчиков время...
за туманами слёз и надежд,
над окаменевшим одиночеством,
в любви,
вороньим пером перечёркнутой...
Чу! Заречное ржанье
красных коней...
всхлип и губы...
ропот шин на шоссе...
взмах руки от полночного паруса...
и чья-то пустыня,
и напасти как пропасть...
Но где-то
тишина понимающим зверем
вытягивается на молу,
блестя голубыми глазами.
Так зачем же –
скажи мне! –
зачем? –
документальнейшие эпитеты,
если я могу тронуть твоё плечо,
если я могу помнить тебя
и вспоминать
во всех подробностях своего бытия...
или просто уйти
в твои переулки и улицы,
в сосны на дюнах –
красные сосны Пиниса,
органные сосны Чюрлёниса,
в спасительные сполохи строчек
случающихся стихов,
если я могу просто спросить тебя,

когда одинок – и на краю,
и ворон, откаркав,
хохлится...

По земле расплзлась
сернокислая вата тумана.
И сквозь
электрический бисер будильничий –
старушечий шум
и осеннее шарканье.
Но по всхлипам дождя
на окно наплывает
Летучий Голландец –
парус косой.
И память на цыпочках тянется.
Памяти хочется детства:
смотрит
и близоруко щурится
и трогает всё руками.
Всё не так! –
и наплевать,
наплевать, что вчера не встретимся.
Слышишь, море шумит?
Уже трещат тополиные почки,
и настроились сосны,
и зелёным прибоем
закипает трава вдоль асфальта...
Слышишь, снится?
Завтра снится – здесь,
где ни рая, ни ада.
И ты приходишь из завтра –
как спустившийся с гор.
Я тебя узнаю
по самым обыденным знакам
неизбывного человечества...

Во все окна,
во все глаза,
во все мечты и надежды –
бессонница –
как ребёнок больной –

смотрится в полночь,
ждёт утра.
Синей жилкой височной
вздрагнет,
забьётся волна на рассвете...
органные сосны
выдохнут ветер...
и над белым песком
закружится газетный лоскут.
Я – сегодня,
я здесь – и жду.
Дождь в полуночи –
беспощадный, как нож,
и чадный, как джунгли.
Но уже не века...
сквозь минуты уже –
так ясно,
как на окне кровохарканье
отходящего в мир иной бедолаги,
как длинная рыжая сельдь
в косом обрывке прозы, –
рассвет ржавеет.
И я
снова
начинаю стихотворение.
Спешу.
Я вернулся.
к дюнам спешу,
к ждущему дому.
Навстречу услышу дыхание –
тише зелёного облака...
голос взлетевший...
а пальцы, как травы весной,
вдруг коснутся лица –
и увижу глаза,
и качнётся осока
на далёкой звезде.

Слышишь, море шумит?
С тетивы горизонта
скользнул
красный кораблик из сосновой коры.

И это стихотворение
посвящаю тебе.
Ты в расстёгнутой куртке,
усталый –
обернулся
и, хмурясь елово,
блестишь голубыми глазами.
Скажешь:
«Будем жить –
здесь,
где ни рая, ни ада,
но свобода и воля
между землёй и небом».

ВЕЧЕР

В окно –
сдвоенный стук.
Ты?
Нет... лишь ветер
да ветка.

* * *

Зима приближается.
Стыло и грязно.
Как будто весны никогда не будет
и мы уже никуда не уйдём
и ничего не дождёмся.
И город в холм превратится,
в который безнадёжно уткнутся
семь дорог,
семь непройденных расстояний.
А звёзды перемешаются
и в вечности забудут нас.

НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Где-то рядом...
как ожидалось,
где-то близко совсем...
как уже не надеялся...
и место, и час –
под небом голубым –
над рекой в моём городе...
но ещё не дотягивается рука
и даже – не долетает взгляд.
Всё, кажется, собрано,
из горсти в горсть пересыпано,
осторожным дыханием обвеено...
Всё, кажется, здесь:
и помнится голос,
и помнится слово...
и предвкушенье дороги,
в которую шаг шагнуть
да рукою взмахнуть...
и вернуться –
под какой-нибудь новый год.
Но в лунном циферблате
стрелка –
с последней минуты –
срывается,
как подстреленная...
Но в круглой коробочке
под исцарапанным серым стеклом
стрелка размашисто раскачивается –
и никак не остановится,
никак не задержится
синее жало её...
нигде – между югом и севером,
никогда – между утром и вечером.
А случаются,
как обычно –
только они и случаются,
в каждом шаге,
в мгновенье каждом –
то ли обстоятельства,

то ли погода,
то ли собственное недоразумение.
И даже когда где-то рядом
и уже где-то совсем близко,
всё опять и опять так:
если давно,
то – мимолётно,
с какой-то птичьей надеждой...
если завтра,
то как же неторопливо и постоянно:
завтра... завтра... завтра...

.....
Где бы ты ни была –
остановись, оглянись...
больше некуда торопиться,
а среди суеты
по-прежнему неизменен
и божественно постоянен
свет звезды...
ты помнишь?..
ты помнишь?..

.....
Я помню.
А что же ещё остаётся делать?
...не дотягивается рука
и не долетает взгляд.

Я СТРОЮ СТИХИ

Меня мучит забота садовника.

Сент-Экзюпери

Вне будней и праздников,
вне времени, отмеряемого будильником,
я строю стихи –
как строят дом или музыку,
как дерево строит себя.
На вопрос «А зачем стихи?»
я не могу ответить –
как всё человечество

до сих пор не может ответить –
«В чём смысл жизни?
Для чего человек на Земле?»
«А зачем стихи?» –
вопрос для насмешек,
для снисходительного соболезнавания:
это ж не дело
и даже не хобби,
пустое развлечение –
и никаких удовольствий.
Но вне будней и праздников,
отмахнувшись от квохтанья будильника,
я строю стихи.
Стихами пренебрегают зря.
Разве скажешь в толпе,
как сильна боль,
как велико твоё горе...
Толпа слышит только себя,
и поэзия – белая трость
для нашей жизни в толпе.
Я строю стихи –
в них много грусти, печали,
в них подчас горечь, боль...
всё так, как в жизни,
моей или вашей,
не больше.
Но есть у стихов свойство:
они укрепляют ослабевшую душу,
они обостряют помутившийся взгляд...
Чем-то всё же стихи питают,
что-то привносят стихи
в нас самих, в нашу жизнь...
И вот прорастает в душе надежда,
дающая новые силы,
и в глазах зажигается свет,
чтобы увидеть жизнь
и разглядеть людей.
И уже не потеряешь себя в толпе
и кому-то потеряться не дашь.
Вне будней и вне праздников,
задвинув за толстые книги

смертельно надоевший будильник,
бывает – мучаюсь,
случается – страдаю,
оплакиваю и проклиная судьбу...
или радуюсь...
но строю,
строю стихи.
А потом они от меня уходят –
как улетают птицы
с насиженных мест – на юг,
как дети уходят
с родного порога – в мир.
Остаюсь,
как дерево, вышедшее из леса, –
с гостеприимной кроной
и щедрой тенью, –
остаюсь в одиночестве.
Но я чувствую,
меняется что-то на планете людей:
у кого-то слабеет боль,
утишается чьё-то горе
и всё больше детей
у воскресающей в буднях
надежды.

О, ЭТОТ СПОР...

О, этот спор... – на равных? –
спор рукописи со странностями времени...
Но итог в нём – один и тот же.
И всё же никто поутру – до сих пор! –
в своих надеждах не знает итога.

А Земля закипает, как чайник,
и окутывается облаками.

Розовый лист древесный
сорвался на сквозняке
и полого скользит
к последней траве.

Осень... раскрывается, как память, –
ещё пригревая, но уже не балуя...
и поблескивая зеркальцами воспоминаний.
За ветхой хатёнкой,
давным-давно истлевшей в земле,
но издалека мигнувшей жёлтой свечой,
в вишнёвом садочке с крикливыми скворцами...

В несокрушимой крепости Града
по ступенькам, глухим и сырым,
которые с каждым шагом
тут же пропадают позади...

Среди разбегающихся прохожих,
как в тысяче сопоставленных зеркал –
то ли в базарной комнате смеха,
то ли в ярмарочном лабиринте,
преломленном на все четыре стороны...

Сегодня... и снова – осенью,
разметённой вширь и ввысь по округе, –
о, этот спор окрылённый...
Не в Голубиной книге заветов,
но светлым вечером – на пустыре,
когда цыганские мониста берёзы
мерцают отраженьями красных дней...
Я не помнил – ни тогда, ни потом, –
что за грусть и печали?! –
я летел по ночному шоссе
в грузовике, словно в звонкой карете,
на вчерашнее свиданье
в позапрошлый век...
в вираже за исписанный лист.
Да всё кажется мне: вот-вот – и мелькнёт
старый бабушкин дом,
вишнёвый садочек – скворчинный рай
и пятно молока на столе.

Немеет поэзия – и бессильна волшба,
расцепляется перо – и беспомощен стон
за плоским пространством белого листа.

И страницу... время, медленно тлея, сотрёт.
На Земле человеческого праха больше,
чем космической пыли и сладкой пыльцы.
Но и мгновенья неизмеримы!..
Только почему же так много печали
в крутящейся ярмарке памяти?
Невесёлое дело – память.
Даже счастливое румяное яблоко
оборачивается печалью о детстве и о тебе,
протянувшей яблоко в утешение.

И я вспоминаю сейчас,
как из бабушкиного пыхтящего чайника
рождались прекрасные белые облака
и что летним вечером – даже издалека –
слышно, как в ведре звенит молоко...
и как пропадающая позади лестница
всё же выводила наверх – в траву... к берёзам!
а там – на радостях – оставалось немного,
чтобы добежать, успеть и перевести дыхание.

Что ж, пусть назовут это грустью исхода...

О, этот спор –
дуэль между словом и временем,
между памятью и ярморочным пустырем...
Но плывут –
облака, и листья, и сны,
и журавлиные клинья, и дни...
даже когда, всхлипнув, оборвалась
музыкально напряжённая нить...
словно заплакала девочка
над чашкой пролитого молока...

СТРАСТИ ПО ДОН-ЖУАНУ
Поэма в 4-х монологах с Прологом
в виде почти исторической справки

– Не было у Дон-Жуана Донны Анны!
Марина Цветаева.

Однажды пришла к Дон-Жуану
прекрасная Донна Анна...
Е.Ф.

Пролог

Потрёпанный лист рукописи... Знающие историки – ах, как же их, призванных, мало сегодня – помогли в почти стёртых временах и небрежением строчках староиспанского письма, где вульгарная латынь перемежалась ссылками на священное писание, разобрать обычный для иезуитов сюжет: отступник изобличён и сожжён, память о нём – заклеяна и тщательно вытоптана, в монастырской хронике сделана соответствующая запись.

Неизвестный автор доносил, что монах, изваявший из красной глины на берегу моря статую обнажённой донны – достопочтенной жены преславного Командора, побит камнями богобоязненными горожанами, богомерзкая статуя разбита ими же. Нераскаявшийся, не произнёсший ни слова перед судом святой инквизиции, этот монах разоблачён как развратный кабальеро дон Хуан, обманом укrywшийся в обители францисканцев, и за оскорбление святой церкви, за развратные помыслы благополучно отправлен на костёр под одобрительные клики горожан. К вящей славе Господней...

Имя монаха, естественно, не названо. Дата съедена архивными крысами. Но название приморского города вполне различимо: Пальма, что на острове Мальорка. В этом городе в прибрежной зоне и сегодня можно увидеть обломки древнеримских патрицианских строений, прекрасных скульптур, хотя каждое поколение монахов и почитало своим долгом крошить мраморы – дело рук нечестивых язычников. Кстати, в одном из исторических анекдотов упоминается некий монах, который даже отдельные куски мрамора уничтожал, перемалывая их в прах вручную... такой вот обет он принял на себя.

Вряд ли исполнительный доноситель предполагал, что его сообщение когда-нибудь попадёт не в те руки. Но всё же вместо имени своего он поставил невразумительный значок.

В обрывках тайной монастырской хроники, обгоревших и полусмысленных, удалось прочитать остатки записей. В них говорилось, что в некий год настоятель, он же – один из отцов святого ордена Иисуса, взял себе воспитанника-малолетку. Мальчишка был сиротой-пастушонком, а потому весьма подходил для особых целей и замыслов сурового настоятеля. Но, достигнув девятнадцатилетия, монах в одночасье еретически ослушался, за что и был предан огню.

В обрывочных и с трудом разбираемых записях можно было вычитать намёки на чрезвычайный проступок молодого монаха, на прекрасную горожанку, сыгравшую роковую роль в его судьбе. И явственно звучит изумление хрониста, что грешник ни перед праведным гневом горожан, ни на следствии с применением особых средств, ни на очистительном костре не сказал ни слова.

Слишком совпадали в некоторых деталях эти сообщения, чтобы нельзя было почувствовать и понять их однородность, единство по смыслу: очевидно, речь идёт об одной судьбе, об одном человеке.

Полустёртая история незнаемого грешника удивительным образом отозвалась в жизни моего современника – моего школьного приятеля, художника. Неожиданная, как вспышка звезды, любовь. Самоотверженное искусство. И слухи, сплетни, наговоры, клевета, доносы – и гонения. И крики всё той же толпы. Но мой современник живёт далеко от города Пальма-на-Мальорке, чтобы можно было предположить хоть какую-то наследственность или преимственность. Но – так случилось, и как знать, что произойдёт дальше.

Загадка ли утраченных документов или слепая загадка очевидного... впрочем, связь времён... всё дело, знаете ли, в связи времён. И не повторяется ли в силу тех или иных наших обстоятельств одна из бывших судеб, до сих пор не искупленных ни в истории, ни в жизни.

Глава 1

Придонье, когда-то – Дикое поле. Весенняя полночь последней трети XX века.

В который час,
в который век
ты родилась, легенда?
Свихнувшееся время не подскажет,
копаясь, как старьевщик, в судьбах.

Давным-давно,
только пахнет липами,
ты слышал море,
парусное море, –
в перламутровых витках ракушки.
Сегодня
только что ты видел
на расстоянии в реактивный миг
у северного цветом,
с белыми песками
и дюнами с маячинами сосен,
у звёздного седого моря –
свой город цвета изумруда.

Все улицы твои
распутывались к морю
зелёными под липами асфальтами.
Впадали в море –
при любой твоей беде.
Из странствий выводили –
тоже к морю.
Сбегали в море шёпотом и криком
нападков, горестей, свиданий
и всех-всех человеческих примет,
неповторимых ни в одной звезде,
ни даже в той –
янтарной –
над сосной.

А над гранитным
стёршимся булыжником –
острый готический шрифт крыш,
совсем как завитки ракушки,
когда-то в детстве стиснутой в ладонях.

...Мне кажется,
я долго жил.
Не год, не век –
тысячелетие взбурлилось за спиной.
В кургане времени –
костёр,

давным-давно погасший,
но не остывший.
И в жизни,
в моей жизни,
бременем неискуплённым –
жизнь человека,
сожжённого за то всего лишь,
что он – любил,
за то, что красной глины ком
он смял
в сияюще прекрасный образ –
и то был образ женщины.

Как странник,
как беглец,
молился он надежде.
Он сердце человецье умолял,
что образ,
возникший так божественно из глины, –
живое воплощение любви,
открытие грядущего,
что этот образ –
остров человечества
в космической неукротимости стихий.
Камнями остров был разбит.
Один из них – пробил висок,
другой –
крест-накрест –
губы.
В готическом пространстве храма,
судимый зло,
смертельно,
он ещё был счастлив –
тем,
что будет его костёр
выше,
ослепительней Голгофы
и Брат Светловолосый,
Старший Брат,
приимет в спутники его.
И было

ещё мгновенье,
когда в толпе,
как в срезе обнажённого обрыва,
высветилось лицо:
был чуть приподнят подбородок,
и глаз блеснул
оттаявшею яблоневою почкой –
она –
рождённая из красной глины –
Анна.

Была
в ладонях скорбная пустыня.
А сердце,
словно горб, ушедший внутрь,
в гроб тела,
ещё питало
страданьем, как живой водой,
темнеющий ток крови.

Краток, как топор,
был приговор.
И долгие,
как ночь блудницы,
слухи.
И памятником лжи
от благопристойности и страха –
легенда о распутнике...
из вечности одной –
в другую вечность.
Часы песчинками стекли на дно
и были стёрты
ветром и следами,
потопом тленья.
Канул красный остров –
в беспмятье,
на дно...
в пучину
дней и ночей, неисчислимо бывших...
из вечности одной –
в другую вечность.

...Сегодня – полнолуние.
Сегодня лунный ветер
просачивается в дверь,
в невидимые щели стен
и шевелит страницы книги.
Он холодит зрачки,
как будто вырвался
со дна –
морского,
ледяных ущелий...
или забытья?
Не скрыться от него.
Ты перед ним.
Ты гол душой.
Деревья одичали.
Пронзителен свистящий листьев плеск.
Пронзителен их беспощадный блеск.
Мятежное сокрылье,
мечутся страницы книги,
загораясь,
трепетным и ослепительным огнём,
белым,
как тропический цветок.
Шумит фольговая листва,
царапает окно.
И ночь земли черней,
и ночь яснее
света сотворенья.
Обваливается ветер.
В нём вспышки листьев,
резкий блеск луны,
и скифский свист,
и топот взбешенных коней,
и гул с холмов,
и ропот толп...
Ты перед ним.
Ты гол душой.
Как дерево графитом на снегу.
Как первый и последний человек.

Из вечности одной –
в другую вечность

ты море слышал,
а у моря – город.
И ты был счастлив –
так,
как если бы
сейчас
планета согласилась
быть только морем
и тем –
у моря –
изумрудным городом.

Мне кажется,
я долго жил.
Не год, не век –
тысячелетие взбурлилось за спиной.
В кургане времени – костёр,
давным-давно погасший,
но не остывший.
А небо,
словно всё оно – луна.
А небо – голо и сияюще.
И зимний ветер,
и сизый вешний ветер,
и в ветках колокол,
и в выси эхо...
и колокола стон двойной:
– Анн-ннааа...

Глава 2

Весенняя полночь в соборе св. Франциска, г. Пальма-на-Мальорке; XVII век.

Сегодня – ночь покаянья,
утром – суд.
Всего – миг молнии.
За ним – дождя не будет...
который перервёт дороги,
побьёт плоды, цветы...
дождя не будет.

...или огонь –
как омовение для страстотерпца:
взметнётся,
опадёт –
и лёгкий прах,
тяжёлый смрад
развеет ветер забвения –
без слёз
и без следов потом.

Несгибаемы,
отточено ровны
блеснут нагрудные кресты...
Стражи страха скрестили копья,
и ледяные жала копий –
оскалом
зверя
потусторонней мглы...
Два перста –
суда,
но не судьбы.
Две тени.
Время – на ночь.
Часы... секунды...
песчинками стекут на дно
и будут стёрты
ветром и следами,
потопом тленья.
Канет красный остров –
в беспмятье,
на дно... –
в пучину
дней и ночей,
неисчислимо бывших.
И ни одного ростка,
ни слова,
ни печали –
ни одной печати памяти –
ни в ком...

Нет мерил
движенью вечности.

Время – дождь осенний,
следы его – морщины
на лице,
стекле,
на листьях,
на сторбленной земле...

...и даже море,
молитвенный канон Христа
во имя человечье,
даже море –
златообраз
врачующей
и подвигающей на самоволье
вечности –
и море
пузырится
злобными страстями старости
перед крошащимися клыками скал.

Как стар, изношен,
как недужен
божий мир!
Весь – обрыв над омутом.
И сам – как омут
Но кровь,
кровь Сына Человечьего,
кровь – в основание мира...
Святая Роза,
Свет Небесный!

Что? – Ветер...
Что? – Божий храм...
Стёкла витражей –
как пятна.
Свеча
греха чьего-то
и чьего-то покаянья.
Лёд серых плиток
под виском разбитым.
И руки – ветвями креста.

Крик –
остроугольной костью в горле.
И сердце,
ушибленное каменным осколком,
не более комочка боли.
Кому они,
зачем –
и жизнь, и боль, и смерть?
Кровь солона...

Мой Брат!
Я вижу
в отблесках свечи,
разлепленных по витражам,
похожим
на острия и на ладьи, –
Твоё крылатое лицо.
Мой Светловолосый Брат!
Ты – милосерднее огня.
И ты – простишь меня.
Я всё же старше
старшего Тебя.
Я прошёл
Твоей дорогой скорби дальше
и выше,
чем Голгофа.
Ступени горести рубил
ладонями – и пел дорогу,
вылепливая радости лады,
как будто строил Вавилон...
Нищий и босой,
я был могуч и волен –
не мстя,
но жизнь творя.
Любил я в этом мире –
Женщину,
Святую розу твоего страдания,
Свет небесный
человечьего творенья.
Я был влюблён –
и глину мял,
как бог.

Вот плоть моя –
устан,
одеревенев от боли –
ладья, в которой я умру.
Но сердце,
словно горб,
ушедший внутрь – в гроб тела,
ещё питает
страданием, как живой водой,
темнеющий ток крови.

Нет вершины!
Это – горб земли.
И я – без бога и боязни.
Ступени горести
осыпались –
горсть праха...

Часы песчинками стекут
на дно
и будут стёрты
ветром и следами,
потопом тленья...

Но блики свечные,
но пламень –
трепетные лепестки –
Святая Роза!
Свет Небесный!

Немые зраки
грозных витражей –
видений
с тёмным блеском копий.
Пуст ночной костёл.
И серо-чёрная пустыня
шуршит безвременными волнами
по плитам ледяным.
Царапаясь, текут песчинки.
Да треск свечи.
Но в синей выси

всхлипывает эхо скорби.
Ответом – тихий стон.
Как колокольный отголосок –
снова эхо...
из вечности одной –
в другую вечность.

Скорбит беглец...
и руки – ветвями креста.
В изъязвленных ладонях –
пустыня...
Скоро –
ночь позади.
Костёр всё смоем,
выжжет память...
костёр очистит род людской –
костёр из праха человеческого...
Святая Роза,
Свет Небесный!
Летучие мыши –
тёмные призраки тленья,
костлявые миражи –
шуршат где-то в выси,
апостольски ограниченной острями.
Летучие мыши –
голуби страха и ужаса.
Летучие мыши –
предвестники небытия.

Я странствовал долго,
странствовал в сумерках:
быть может – века,
быть может – тысячелетия.
И суд – суета,
в которой и смерть –
лишь мгновенье,
песчинкой из глаза.

Страданиями странствий,
гвоздями проклятий
я распят раздетый

на собственной
деревенеющей плоти.

Я вышел из странствия,
и казалось – в начало начал,
в рожденье,
в открытие...
Камнями гнева,
неистового и бессмысленного,
остановили –
и разбили.

Какая бездна безвременья!
И завтра – нет.
Оно – вчера утром,
как все столетья мои...
и мой остров,
открытый на жизнь,
но оказалось –
на нет.
Свирепый вопль:
– Нет!

.....
Скоро и ночь позади.

Лишь глины комочек,
красной глины мазок –
живое воспоминанье...
Свет Небесный!
Святая Роза!
Анна!

Пуст ночной костёл.
Но – нет,
нет ничего молчанья,
нет тишины
и нет покоя
в его пустыне каменной,
в пустыне страха и пресмыканья.

Так что – ковчег? –
убогий чёлн

спасенья... покаянья... очищенья...
Нет – суд.
Кровь солона,
но сладок запах тленья...
Стальные проблески.
Скрежет раскрываемых страниц.
Железное лицо суда.
И суета коронная.

Костёр... –
свет человечеству?
тепло?
на радость?
Нет, образ тьмы
и смерти – страха – ужаса...
Глумленье над огнём!
Уродливое смешенье острий,
осколок каменный –
в висок...
Но скоро –
ночь позади.
И в огне
не будет света.

Но Свет Небесный –
Анна!
Прими мой страннический подвиг
из вечности одной –
в другую вечность.
Я – божественный гончар
твоеподобной чаши.
В ней радуга расплавилась
вселенной,
извечно человечьей.
В ней восходила,
как озаренье,
моя любовь.
Но в ужасе апостольском
и в страхе суетном
разбит,

растоптан,
искалечен,
осквернён
светлейший лик.
Сегодня
он затмится
пепельно-серой пеленой.

На дне моих зрачков
стынут отблески свечи.
Всего-то я успел узнать
имя твоё –
Анна...

Скоро утро.
День был – как стеклянный.
И ничего в себе
я не могу восстановить.
Твой рыцарь чести
наг, костляв и скорбен –
в тёмной суете суда...
Изъязвленные длинные ладони
и пальцы,
узловатые, как корни...
Лишь сердце –
ещё питает
страданьем, как живой водой,
темнеющий ток крови.
Как лучезарно твоё сердце!
Вернись к себе,
как к колыбели,
и позабудь меня в своей стране.
Скоро – утро.
Горит крылатое Лицо.
Но я ничьим не буду искупленьем.
Прах будет переплавлен –
в глину.
С высокого холма
воспрянет
мятеж рожденья.

А небо,
небо
своей нетленной наготой
и откровенной вечностью своей
приимет стон,
приимет скорбь,
чтоб в божьем мире возродилась,
словно феникс, –
радость,
Свет Небесный.

И ты,
ты, женщина,
ты, Анна,
сорвёшь цветы...
цветы – нежней, чем капли
счастливых слёз,
и пламенной костра в полуночи...
сорвёшь цветы
на бывшем
страшном взгорбье мира –
и улыбнёшься небу –
как отраженью своему.
Святая Роза!

Скоро – ночь позади.
И завтра – нет:
оно – вчера,
как всё, что прожито в столетьях.
В ладонях – след пустыни.
Но небо,
словно всё оно – луна.
А небо – голо и сияюще.
И зимний ветер,
и сизый вешний ветер...
и в ветках колокол,
и в выси эхо,
и колокола стон двойной:
– Анн-ннааа...

Глава 3

Весенний полдень в соборе св. Франциска, г. Пальма-на-Мальорке. XVII век.

...как странно:
я в твоей стране.
Я сирий странник,
Анна.
Ах, не было – ни дня, ни ночи.
Не было нигде меня.
И я был всюду,
где только что-нибудь
тебя напоминало.
Память?
Я тебя не помню.
Вечность! –
там тебя я знаю:
каждую черту лица,
дождь ласковый твоих волос
на плечи,
каждую ложбинку тела,
каждый
вдруг взлетевший вздох
и кончики
твоих
благословенно светлых пальцев.

Я вырыл
тяжкой глины ком,
и красную
я в пальцах мял,
дрожа,
надеясь,
безвозвратно отрекаясь
от были,
небыли...

Мятеж воображенья?
Брожением вина
вдруг сдвинутые обручи...
Бродяга каравелла! –

как будто я открыл
пока необитаемый,
невиданный никем,
но в снах и наяву
манящий остров,
красной глины остров –
плоть от плоти
Вселенной.

Как ток желаний в пальцах бился...
Время стекленело
в живых кристаллах
моря, неба, суши...
Воздух расслоился
на острые блестящие чешуйки
огня и слюды.

Я трогал лоб луны,
висков незащищённость
и открывал глаза твои...
я познавал
отблеск мотыльковый
бегучего огня –
улыбку на губах твоих...
И чуда губ
коснулся кончиками пальцев,
дрожа,
надеясь,
безвозвратно отрекаясь
от были,
небыли...

День был – как стеклянный.
Ярилось солнце с четырёх сторон.
Из дюн высвобождался
прекрасный лик прекрасного ствола
и листьев,
размахнувшихся по-птичьи.

Голоногие дороги
мелькали среди мраморных развалин

из вечности одной –
в другую вечность.

... Камнями остров был разбит.
Один из них – пробил висок,
другой –
крест-накрест –
губы.
А тело с просыпавшейся душой –
в страхе изругали,
калечили,
потом топтали...
кропя зловонной серой,
жгли,
чтоб ни ростка,
ни слова,
ни печали –
ни одной печати памяти –
ни в ком...

Как странно:
я – в твоей стране.
В готическом лице судьи
Мерцают два колючих зла:
страх и прах.
Я знаю: оба – смерть.
Кровь солоня...
но сладок запах тленья.
В анналах спишется.
Смерть – разлука,
и разлука – смерть.

Взгляни в мои ладони,
на пальцы,
узловатые, как корни:
я – сырой странник,
странник по любви.
Я – в твоей стране,
и я безрадостен.
Ты улыбаешься?
Я знаю,
ты меня настигнешь

из вечности одной –
в другую вечность.

И небо,
словно всё оно – луна.
А небо – голо и сияюще.
И зимний ветер,
и сизый вешний ветер...
и в ветках колокол,
и в выси эхо,
и колокола стон двойной:
– Анн-ннааа...

Глава 4

Придонье, когда-то – Дикое поле. Весенний полдень последней трети
XX века.

Март.
На холмах краснеет глина.
И снежный гнёт,
крахмально-белый,
покойный и махровый,
вдруг болен,
вдруг – хламеет:
прель серой сырости
въедается в него,
и капли проточили свои ходы,
и прошлогодние сучки
прорвали жёсткий панцирь,
и кристаллы льда
вдруг смеркли...

Март.
И сходит снег на нет,
и тает снежная равнина:
её пустыня
обломками загромождена,
и вся она –
как в пригоршне...

Холмы парят,
холмы царят в округе,
неведомым движеньем
одаривая ветром
и расточая ток ручьиный.
Парят холмы,
вскипает воздух мириадами пузырьков,
искрящихся,
как мотыльковая пыльца...
И мизерны уколы зимних
низинных ледяных заклятий.

Земля – вся – в треске и шуршанье
хрусталиков и черепков.
Кукольные чудеса!
Как луковые – слёзы.

В чаше полдня
сливаются мгновение и вечность,
звук и гомон,
зерно и поросль.
Смешение историй! –
истории камней – с историями капель,
ветвей – с ручьями,
подснежников – с историей дороги,
птиц – с окнами,
а повести костра –
с синей,
как птица счастья,
историей воды.

А солнце – даже снится:
в пушистых нитях –
как цыплёнок,
прыгает в капели –
течёт по ветке...
и кипит в разломах
ярый ток.
Родится – как на ладони.
Родится – как из синего яйца.

И слышно эхо.
Из гомона
вдруг высвободился звук:
как будто – зов,
как будто – нежность...
А из мгновенья
вечность
проросла.

Окраина округи – сад.
За ним – холмы,
колокола холмов.
Да ветра звон –
как сполох.
Мятежный синий ветер,
как будто треском почек
в лесу дремучем,
пронзил округу
птичьей радостью,
смыл снежный прах...
и на холмах,
как птицы,
камни хохлятся.
И птичий клёкот, вспорх и свист
сквозь пальцы узловатых веток,
и трепет в пальцах человеческих –
предвестник озаренья...
Мятежный сизый ветер
в вечном токе
странствий и воображенья.
Март.
Окраина округи – сад.
Колокола холмов над садом.
И кукольные чудеса.
И словно луковые – слёзы.
Март – тремоли птичьи.
Март – мятеж надежд.

Однажды
серый склон холма,

глухо крахнув,
ополз.
И в красной глине проглянуло
лицо:
был чуть приподнят подбородок,
и глаз блеснул
оттаявшею яблоневою почкой...
И шевельнулись камни
по-журавльи угловато.
И день был мартовский
и солнце
ярилось с четырёх сторон.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Рецензия на «К Музе»

Когда открываю книгу твою, Женя, то внутренним ощущением, как бы это нелепо ни звучало в проговоре, но... ты сам себе муза. И ты ей указ, а не наоборот. Как всё-таки здорово, что я с тобой не разминулась.

Елена Лапшина, 14.02.2017

Рецензия на «Кто ты? Романс для весенней гитары»

Поэтичное и тонкое, светлое и лучезарное. Должно быть и человек очень хороший.

Спасибо Вашим родителям, родивших Вас.

Галина Романова, 08.02.2017

Рецензия на «Не ищите меня...»

Как же я соскучилась по Вашим Словам... по Вашей Музыке... Евгений! какое наслаждение Вас читать, будто это не Ваши, а мои воспоминания, будто моя память раскрывает картины перед мысленным взором, и чувства, и образы – всё-всё – в моей душе живет именно так, каждое Слово... И потому, что ничего лишнего, ни буквы, – это будет всегда, как вырезанное из самого чистого кристалла...

Спасибо...

Фанни (Елена Макаrchук, г. Москва), 07.02.2017

Рецензия на «Яблоко, или Одно из отражений прекрасных принципов поэзии»

Добрый день, Евгений!

С благодарностью за чистоту и «вкусность» строк прочла Ваше эссе, красной нитью через которое проходит многозначный образ «красного яблока»! Вязь слов настолько гармонична, что из эссе не вынешь ни одной буквы и даже – части её!)))

С признательностью, Анна Ченских, 09.11.2016

Рецензия на «Да, ради птицы»

Была. Вернулась. И снова приняла всем сердцем. Спасибо Вам! «...и ради птицы» – !!! На этот раз не хочется обсуждать – когда ВСЁ близко! Хотя сама с удовольствием снова посмаковала каждую строчку, каждый образ... С благодарностью и теплом, Наталья.

Наталья Коноплёва-Юматова, 14.01.2013

Рецензия на «Несколько сцен из завещания Сальвадора Дали – 1»

Женя, твои вещи разные и не равнозначные, но!! почему так интересно читать? :) что ты там такое делаешь? Каждая строчка – носорожья по количеству линий-морщин и плотности.

Елена Нижний Рейн, 11.01.2013

Рецензия на «Маленький храм»

Этот Храм, Евгений, у Вас насыщен светом и устремлён в бездонность небес. Вспоминается «Сказка королей», ассоциация от «плодочки ладоней» и светозарности Ваших строк. И теперь я знаю – кто Вы :) Вы – Зодчий Слова:) Пусть привидится Вам ещё не одно стихотворение, и сбудется всё непременно!

Вдохновения Вам, Евгений, и весеннего настроения.

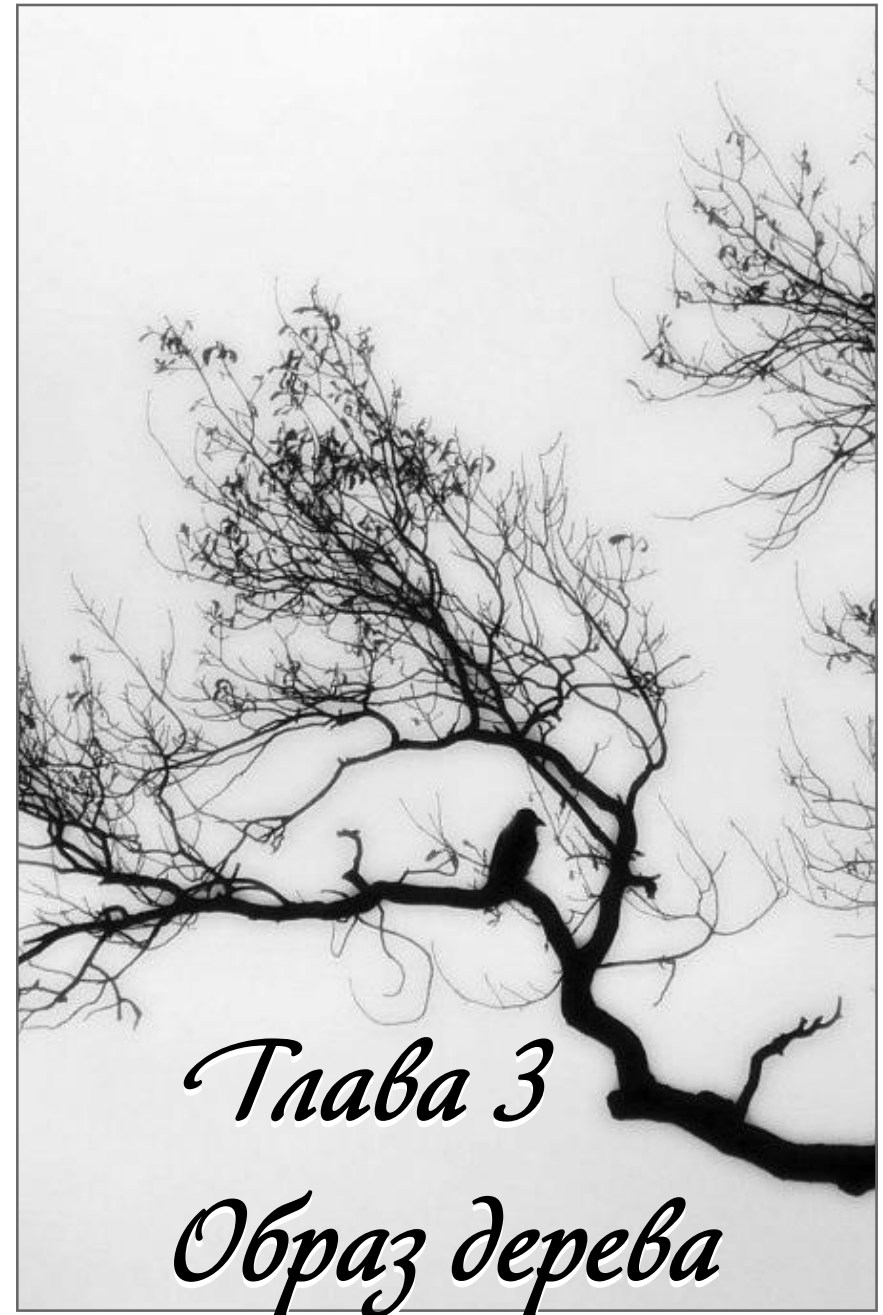
С улыбкой. Ирина.

Ирина Ергер, 02.04.2012

Рецензия на «Юнец и Муза. Рейнский сказ. Гл. 3»

А птица снова пьёт заворожено музыку с листа, да и не с одного. Здесь странички перелистываются, и рой ромашковый из снежинок перепархивает. Не знаю, почему, не могу объяснить, но так радостно, что сохранённым в душе, в памяти, живёт трепетное, доверительное, откровенное, не рассыпая образа, не растушёвывающая в невнятность, но при этом и не теряя загадочности особенной, ВОЛШБЫ. Я в восторге, чего и другим читателям желаю.

Елена Лапшина, 06.08.2014

* * *

...и судьба окатанным голышом
вынесена течением на береговую плешь
белеет белеет белеет
и ничем не отличается
от ископаемого доисторического черепа
Всё взвешено всё измерено всё решено
даже если течение
перестанет длиться и петлять...
Но ещё не зажглась звезда
и не родился мальчик
собирающий плоские белые камешки
чтобы рисовать загадки
и откровенья

ЗВУКИ

Опыт строфической прозы

1.

Живу,
и ничто так не убеждает меня в моей собственной жизни,
как именно звуки, только звуки...
и больше – ничего.
Звуки стали песчинками перетекающего времени.

Утро капает в сон лёгким звоном синицы.

.....
Но скоро, даже слишком скоро
пробуждение насыщается звуками,
как просыпающийся базар или цыганский табор.

Поначалу звуки самостоятельны...
ещё не столкнувшись друг с другом.
И улавливается длительность каждого –
как путеводная нить твоего ожидания...
или всего лишь моей надежды?

Звуки слетаются, сходятся, скапливаются –
и день умножается в хаотических завихрениях звуков.

В водовороте перекрёстка
в узел стягиваются все случившиеся дороги
и расхристаные ветры – все сорок сороков.
Звуки сшибаются – и разлетаются вдребезги.
Звуки лопаются, как мыльные пузыри.
И даже не сами звуки – обломки, осколки звуков,
крошась и цепляясь, уплотняют пространство,
напрягают нервы, мерцают в глаза
и убеждают меня в моей собственной жизни:
жив... жив...

А вечер тщательно штрихуется звуками,
умиротворяя раздёрганные нервы и навязчивую память
и глуша последние завихрения шума
тёплым шуршанием шторы,
двинувшейся слева направо.

Сонно стихает город,
мой город – ристалище звуков.
И холодом обступает одиночество.
Одиночество... до стога, зажатого в горле...
невысказанное... невыразимое... немое...
щурится с высотной пустоты,
вглядываясь в огни осовевшего города.

И ночная тишина, отражаясь сама в себе,
призрачно держится, чуть вздрагивая и колыхаясь,
как чёрная бархатная африканская бабочка –
на синих иголках – под стеклом – в кажущейся вечности...
или как твой силуэт в бессонном окне... когда-то...

2.

...как же обычно... изо дня в день...
давно ли... недавно ль... именно звуки,
только звуки... и больше ничего... но они
имитируют время, мгновенно свидетельствуют и отвлекают,
прокалывают любую мысль и наркотически дурманят,
настораживают – обещая и не обещая – настораживают...
и толкуются, мельтешат... и рассеиваются...
словно жизнь моя,
отрешившись от прошлого с твоим окном,

цедит сквозь пальцы песчинки истекающего времени –
и уже никуда не торопится.

Мои стены пронизаны пылью звуков.
В каждой пылинке каждого звука – зародыш слова.
И слово – в звуках,
как рыба в плотной серебряной чешуе.

.....
Все слова сказаны и пропеты.
А то, что не высказалось, – рассыпалось и разлетелось.
Сегодня – звуки отдельные
и как бы независимы друг от друга.
Но в каждом – попытка, всплеск, отголосок.
Но в каждом – признак, оттенок... и случайность,
как случайна и сама жизнь,
выплеснувшись однажды на сушу
в попытке породить Слово...
но только звуки, именно звуки...
и больше ничего.

3.

Короткий лай пса в подъезде...
или крик убегающего ребёнка...
или взрыкивание мотора во дворе...
или нудный постук забиваемых свай...

Плашмя упала книга,
стоявшая на вольтеровском стуле, –
захлопнулась непрочитанная страница.
А вздрогнувший тонкостенный стакан
породил мгновенно брызнувшее эхо –
эхо ярче тысячи кошачьих глаз.
...И тишина – вроде рассыпанной соли.

В зиме – на корявой и белой дороге к полюсу,
если там можно что-то назвать дорогой,
в ледяной пустыне, окаменевшей от стуж и ветров,
один-единственный звук,
возникая в разнесённом метелью пространстве,
впивается в незащищённое сознание
сигналом опасности,

как если бы смерть
протянула свой блестящий и острый коготок.

Но чтобы слышать каплю...
какое же страшное запустение,
если между югом и севером
слышна, как пуля, сорвавшаяся капля.

4.

В памяти – праздником – день – однажды весной.
Воспоминанья беззвучны, но не безмолвны.
Душа снова объята словами.
Слова сплетаются в музыку.
И я знаю:
благодаря жизни и рождению
и вопреки смерти и беспамятству
родятся и рождаются слова, собирая по зёрнышку всё,
что рассыпалось и разлетелось,
разлетается и рассыпается,
что ещё, может быть, обрушится и разлетится.

Я живу.
По звуку, по вздоху, по капле – вспоминаю тебя...
словно иду по тихой, едва слышной ниточке
твоего ожидания...
или всего лишь вслед за своей надеждой?

На столе, обняв телефон,
спит белый кот.

И в короткий предутренний сон
снова прилетит синица.

ЧТО Ж ТЫ, ВЕСНА?!

Серая, блёккая,
в потрёпанном платье
с захлюстанным подолом...
бредёт босоногая
от двора ко двору,

полубезумно вещает –
обещает
слёзы... морозы...
потерю семян...
к концу недели –
 магнитную бурю...
простуды...
хляби... бесхлебье...
сердечную боль...
Прислонится к дереву – плачет.
Взойдёт на бугор – молчит.
По – журавльи руками взмахнёт –
и сникнет.
Снова редкие слёзки –
на раскисшую землю.
...Да ветер путается
в распущенных русых прядях.
Нет простора, нет воли –
пустота...
ни травинки, ни почки.
Что ж ты, весна?
Зачем же так одиноко,
если нас двое –
ты и я.
А подойдем к полной речке,
оттолкнем от берега льдину
и улыбнемся ей вслед...
Тебе ли, весна, печалиться?
Твоя пора –
 пора вскипающей жизни,
что бы ни было нам вопреки.
И – ни в земле,
 ни на земле
не пропадет ничто.
Не надо слёз,
их не хватит на всё,
что стоит оплакать. –
И пророчеств – не надо:
 утром синица звенит.
Вся округа – земля
 в ожиданье под небом.

И время – самое наше
 под вечными небесами.
Живём, весна!
После болезней зимы,
после пролитых слёз
да с песней синицы...
идём, весна! –
мимо пророчеств,
перешагивая прогнозы,
пустоту засевая дождём,
а ночью –
тревожа звёздную пыль...
.....
Улыбнулась,
 поправила волосы,
вдохнула легко...
И стало светло.

МАЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Весенняя зорька
младенчески розовеет
и улыбается.
Пташки хлопочут
в кронах столетних дубов.
И свежие листья,
разбуженные сквозняком,
уже лопочут что-то своё,
зелёное и простодушное.
А небо... небо...
хмурившееся всю ночь,
всю ночь скаредно прятывшее звёзды
и ворчавшее уходящей грозой,
проясняется.
Ты проснулась? Ты вспомнила?
Да! Жизнь!
Конечно, весна!
И радуйся –
новорождённому дню...
и к полудню вспомни:
– Люблю.

ЛЕТНИЕ ПРОГУЛКИ С СЫНОМ

1.

Утром – тишина, утром так много времени:
целый день впереди.
Но шаги наши не совпадают:
на каждый мой шаг
два-три твоих –
вприпрыжку –
вокруг себя –
и немного в сторону.
Ты словно не веришь, что я проснулся,
и голубоглазо сорочишь
про новости, рассыпанные вокруг
и особенно – впереди.
Да что там звёзды ночные
и только что народившийся месяц! –
если так увлекательна
свежая утренняя тишина
и так много времени –
целый день впереди,
и так мягко пружинит земля,
будто подталкивает пятки.

2.

По полудни,
ступив в горячую пыль воровитой дороги,
хитро накручивающей петлю за петлей,
мы уйдём далеко-далеко...
до гремучего моста,
под которым река закрутила два омота.
А дальше – направо,
где, гусей разогнав, ты нырнёшь
и выскочишь через пару секунд,
чтобы, ухватившись за тонкий лозняк,
что-то крикнуть длинно и звонко
над блестящей водой...
И наискосок – к развороченной жёлтой яме.
Там ласточками и летучими мышами
в срезе насверлены норки.
От ямы – дальше. И может быть – в лес.

А может быть – в степь. Ведь идём далеко...
И уйдём далеко!
Чтобы вечером, притомившись,
мы вернулись домой...
и сидеть на крылечке,
разглядывая звёзды,
нарождающиеся будто заново.

3.

Оседлаем с утра коня красного.
Всю ночь он пасся за дальним бугром.
Прохладна, как ветер, его широкая грива.
Сильны, как стволы, его мускулистые ноги.
Дыхание легче самых утренних сквозняков.
И вот он несёт нас стремительней ласточки,
почти не касаясь земли вспыхивающими копытами
и ржанием окликавая первую звонкоголосую птичку.
Каплями росы осыпает нас плавный бег скакуна,
обещанием счастья и радости открывается небо...
И вот он выносит за реку... Ушёл по реке. И скрылся.
А мы с тобой пересядем на коня облачно-белого.
Широкогрудый и огнеглазый, он прекрасен, как Белая Горка.
Спелый ковыль вскипает вокруг его танцующих ног.
И разнотравье звенит за каждым шагом его...
Махом выносит, и под ним – высота и вся степь.
Растекаются, сваливаясь за гребёнку далёких елей, облака,
освобождая коню синий шлях во всю неохватную ширину:
над лесом стоячим, над лугом зелёным,
над речкой весёлой – парит белый конь.
Его грива длинными прядями нас обтекает –
вьётся, щекочет, ласкает, бодрит...
И радость – песней без слов, но зато – во всё горло.
И счастье, для которого мало двоих... нужен весь мир...
А мы и смотрим и близко, и далеко – и видим много.
И на размах рук – перед нами весь горизонт:
и голубая чаша неба, и жаркая чаша земли.
Но ждёт нас уже, выходя из чащобы, конь чёрный.
Нам недолго скакать на нём: через рощу – и до порога.
.....
Мы объездили трёх коней, мы увидели целый мир.
Мы тихо прикроем дверь и помолчим перед сном.

Далеко ли – далёко ли, но был день –
с зари до позднего вечера.
А теперь – что сверчок насюрчит
за короткую ночь.

4.

Вот и спокой наступает –
своим чередом...
как наступает день,
как наступает ночь.
Нас никто не окликнет.
Мы сегодня забыли слова:
все слова – в розовом свете
пролившемся на старый сад.
И гнётся колокольчик,
полный росы, –
или под тяжестью шмеля...
И влажный спорыш
топит наши следы.
И в спокойе кажется,
ничего не происходит,
ничего не случается.
Просто – жизнь полна,
просто идёт жизнь.
Румяным будущим яблоком
наливается солнце.
И уходит река,
но не уйдёт никогда,
будто снова и снова
наполняет себя,
проходя Водолееву мельницу
и собирая ручьи, родники...
Изменяемся – мы.
Мы ведь тоже растём
и набираемся сил.
А поздним вечером
под стук сердца
и ворчание пса
мы всматриваемся в небо,
где проворачивается неостановимо
в своей неизменной тайне

звёздный циферблат,
осыпая землю и лето
песчинками света –
всем и каждому.
Вот только немного завидую,
как упиваются небом
твои быстрые глаза:
они и при звёздах –
голубые.

5.

Когда в ночном циферблате неба
расколом ли по больному сердцу,
трещиной ли по устоявшейся судьбе,
но прорежется, словно лезвие, час
безбожной ясности и бесчеловечного откровенья...
я не отрекись от памяти ни в единой подробности,
ни от одной минуты жизни своей не отрещись,
даже прожитой, может быть, грешно, но всё же не зря.
И сына позову на высокий порог –
смотреть на уснувшее облако
и на звёзды – сквозь ветки вишен и яблонь.
И может быть, он увидит, может – услышит
всё, о чём я давно позабыл,
всё, что только мерещится мне.
А когда стрелки задерутся вверх,
как острые усы Великого Мастурбатора,
мы ляжем спать – и под утро сгорим
в мгновенном пламени звезды Рождества,
свет которой дойдёт до кого-то
и где-то снова будет Начало.

СКАЗКА ПРО СВЕРЧКОВ

Было или не было, гадай – не отгадаешь... А с вечера до утра в
траве сюрчат сверчки.

Мы потушим лампу, и тогда видней будут звёзды, слышней
сверчки.

Была жара. Травы посохли. Они хрустели под шагами, даже самы-
ми осторожными, и рассыпались в зеленоватую пыль.

Мы останавливались над цветами – и ничем не могли им помочь. Мы смотрели в глубокое синее небо, как смотрят в колодец, из которого на звенящей цепи можно поднять ведро холодной воды с лёгким запахом травы.

А дождя всё не было и не было.

На земле, чуть позеленевшей от травяной пыли, между трещин мы рисовали дожди, широкую полноводную речку и далёкое море-океан. Получалось так хорошо, что хотелось пустить бумажный кораблик. А дождя всё не было...

Вечером по все округе гремели сверчки. Их сюрчащие трели, как проливной дождь, летели в медленно остывающее небо. Но дождя мы не дождались...

Зато утром... дождь случился неожиданно и шумно. И тусклая наша крыша засияла красная, окна заголубели, а в степи поднялись травы. Ручьями текла из трав пыль, подхваченная живой водой, текла, заполняя пропасти трещин в пересохшей земле. А наши пути-дорожки залепило сбитыми дождём листьями.

Мы стояли на пороге перед звонкой сеткой дождя и смеялись.

Потом немного взгрустнулось: это же был первый осенний дождь. А ты сказал, что это последний летний дождь, но всё равно грустно.

И вот дождь давно кончился. Поздний вечер тёмен и свеж. Мы потушили лампу, и в окно стали видны чистые и яркие, словно промытые дождём, звёзды. И звенели торжествующие сверчки.

Ты не спишь, малыш? Я вот думаю, что даже на самой далёкой и невероятной звезде можно услышать сверчка.

ВАРИАЦИИ ДОЖДЯ

весна шагнула в лето
и никто не заметил
как это случилось
потому что третью неделю
сыплется дождь
сыплется дождь
размывая время и краски
размывая газоны
потихоньку смывая
несущественные различья
и призрачные границы
между памятью – и жизнью

между памятью – и смертью
между судьбой и погодой

*

фантазмагоричен город в дожде
смыты имена
растекаются в окнах лица
в луже времени – день
качается с боку на бок
переворачивается

*

этот дождь как разъятая речь
только глухие звуки
без различья вчера и сегодня...
между каплями в сером шуме –
ни расстоянья
ни проблеска
так не умирают
так даже не плачут
но зябнет душа

*

чертит линейочки прописей
на пыльном стекле
повторяет прошедшие дни
смешивая их
в безликий потоп
и стёрши подробности
вяжет серую мглу
в глухой пустоте
и вязывается в обыкновение
жизни и ремесла

*

так
распахнёшь – настезь –
калитку старого клёна –

дождь
отогнёшь порыв ветра
и раздвинешь траву –
дождь
в тишине мышиный шорох
дождь
и время как будто не время
дождь дождь

*

дождь шепчет... нашёптывает...
тешит – не тешит
но утешает
вот только прислушайся –
и всё отпечалится
и всё отмолится
и лужи сойдут

*

первая капля –
лёгким ожогом
но даже к дождям
привыкают
промокнешь слегка
промокнешь ещё
и привыкнешь
и может быть вспомнишь
как бегаются босиком
когда одна забота –
дождь обогнать

*

в полдень – дождь
снова дождь
брызнул – и огорошил
стеклярусным перезвоном
бесцельный как жизнь
слепой как судьба
весёлый

*

здесь – остановись
и переведи дыхание
детством пахнет липа
и зелёный под липами асфальт
и дождь дождь

БОЛЬШАЯ ОСЕННЯЯ БАЛЛАДА С ВЕЧНОСТЬЮ

К вечности обращаюсь...
после... как надежды в лоск истрепались...
и слепо – как будто выгоревший изнутри
от любви ли, от горя,
но – спокойно,
как последний изгой, дошедший до края,
к вечности обращаюсь...
Зачем-то понадобилась вечность
во всей взбаламученной России
и в одной неприкаянной душе.
Да и то... что сказать?
За повседневными хлопотами,
будь то обязанности, долги или очереди,
и даже в выходные дни
или в праздничном безделье,
когда, казалось бы, ничего не стоит –
ни престижа, ни копейки, ни мнения,
ни драгоценных усилий души, –
выкроить часок, а глядишь – и другой,
чтобы встретиться с вечностью...
мы забываемся напропалую
и лишь изредка вспоминаем перед сном:
– Да... неплохо бы...
Но, следя за галактическими завихрениями
серого дымка последней сегодня сигареты,
отдохновенно представляем себе
великолепную инопланетную супертарелку,
нагруженную по самый ободок с цветочками
доброжелательными зелёными человечками
и безмерными благами внеземной цивилизации.

– Да... неплохо бы...

А между тем вечность,
несмотря на кажущуюся отстранённость
и на свой бесконечно спокойный характер,
обижается:
у неё портится настроение,
она перестаёт созерцать
и вот уже капризно сомневается
в своей дивной,
в своей совершенной,
в своей внезапной и непредсказуемой красоте.
Глаза наливаются фиолетовой темнотой.
В них мелькают, просверкивая,
страшные вспышки сверхновых.
А на полюсе судорожно вздрагивают,
распадаясь на радужные перья,
сполохи северного сияния.
Вот тогда-то – да и то при случае –
сквозняк на тонюсеньких мурашиных лапках
проползёт по горячей спине.
Конечно, Минздрав предупреждает:
«Не пренебрегайте вечностью...». Хотя...
в залотошённой и заполошной жизни
где пообщаться с вечностью,
не приседая на собственный гроб?
К дереву прислонюсь... будто бы невзначай.
У дерева больше светлой надежды,
чем у меня в мои лучшие дни.
Но надо уйти – в осень...
в осень надо уйти, в осень,
на которую не хватает ни режима, ни места
в траншеях осадившего себя города.
Или разве что в Антарктиду?
А до неё – не шаг шагнуть... не махнуть...
Да и сама Антарктида подглядывает себе
в чёрную дырочку за вечностью
и, как может, приравнивается к вечности...
А в моём окне – осень...
с прочерками трещин,
с потемневшим радужьем красок,
с тусклым золотом ликов...

Осень в моём окне...
где-то вскрикнет последний журавль,
откуда-то прилетит обгорелый лист,
и на мгновенье проглянет,
объявится на весь белый свет
величайшая тишина.
Осень в моём окне...
и тает, тает рваная тёмно-серая тень –
и резче, пронзительней, очевидней
образ красной кирпичной стены.
Сегодня по области ожидаются облака.
А далеко за спиной
треснул, не выдержав перегрузок,
будильник – пузатый страж суеты,
механический счётчик невидимого песка,
домашняя мельница,
не перемоловшая в постоянном усердии
ни единой из горестей,
ни одной из забот.
А за порогом
я споткнулся о кленовый лист,
рыжим щенком бросившийся под ноги.
И увидел, разогнувшись,
словно бы из-за синей каёмочки горизонта,
как зябкая тишина
играет на берёзовом клавесине
и отражается музыка
в осенних зеркалах.
Свете светлый, свете тихий, свете ясный...
целительнейшее милосердие
да горький дым осенних костров.
А время раскручивается,
раскручивается с бешеной скоростью,
со скоростью вдруг сорвавшейся пружины...
А история выстроилась за спиной
широкозадой Вавилонской башней –
и разваливается... Но остаётся
тайный, как боль в сердце, вопрос:
«Кто зарезал царевича нашего светлого?»
И в страшном разладе,
когда осень – глотком целебной водки,

вдруг где-то рядом средь бела дня
немыслимой тайной между мной и вечностью
гремит-говорит вырванный угличский язык.
Всё осенние колокола да осенние зеркала...
Как же горек дым осенних костров!..
И что-то плачется мне,
что-то осень неслышненько так,
но отпевает, отпевает меня.
Да, в толпе не остановишься,
в толпе не разбежишься ни в какую сторону.
Но разве обвенчаешься запросто с вечностью?
У вечности нет времени,
потому что вечность любит только себя
вечной и ненасытной любовью.
Горек дым осенних костров...
Да из сетований, вздохов и снов – что за храм?!
Вот и, словно заглядывая в осеннее зазеркалье,
к вечности обращаюсь...
...А у тебя случается осень?
Впрочем, для кого тебе осень? –
если ты – вечность
во всех народах и во всех временах...
А тебе бывает больно? –
тебе – в твоей дивной,
в твоей непредсказуемой красоте?
да так, что задыхается сердце?
Впрочем, зачем тебе боль?
Ты – вечность,
а вечная боль – лишь в человеческом сердце.
А душа твоя мучается, распалясь?
Впрочем – когда?
У тебя же нет времени, ты – вечность.
И упрекать вечность – не в чем.
Разве что – за такую короткую вечную память
да за такой распрощаний вечный покой?
А может, именно осень и есть
твоё целительнейшее милосердие?
Да я и в осень,
на которую не хватает мне
моей куцо отмеренной вечности,
с трудом возвращаюсь...

Осень... Вот она отразилась в своих зеркалах
шуршащими кострами палой листвы
да ознобным пожаром осыпающихся рощ.
Ну что ж, на малом костре – разговор на бересте,
а с большого костра – и речь проста.
Душа отмучается, испепелясь.
И сердце живёт болью – до срока.
И Углич, как уголь горячий,
не остывает в памяти.
И горек дым осенних костров.
Кто бы ни был, но прав проклятый:
не пренебрегайте вечностью –
выйдет боком, сокрушая рёбра.
И как ни пересматривай свою жизнь,
возобновится ли история?
А может, именно в дороге к вечности
и есть своя наипростейшая вечность,
размотанная, как шерстяной клубок?
А разве не вечность –
мелькнувший взгляд искоса
из-под приопущенных век?
И сколько потом отмерилось
незримого золотого песка? –
да поросло крапивой забвения...
А за осень – что за жизнь?
Так подожди же, дай я поставлю точку,
чтобы хоть что-то свидетельствовало,
что не сам по себе я,
но здесь прошла вечность.
И не забудь, хоть ты и вечность,
сейчас – не забудь,
чтобы помнить потом и всегда:
после сорвавшегося меня
остаётся на Млечной дороге к тебе
мой светловолосый сын –
с крохотной родинкой возле виска.

ТАКИ

по обыкновению жизни
и неиссякаемого ремесла
войди в дерево
слейся с ветром
или хлестким порывом дождя
разверни как свиток загадку травы
и откроется звездный мир
первородный как детство
и до слез невероятный
как предутренний сон
и признайся без оглядки
запрокинув голову в синее небо:
– Люблю.

КОГДА Я СВОБОДЕН

Когда я свободен,
я прежде всего читаю –
читаю старые книги и новые,
которые заждались меня на полках
и с которыми непринужденно рождаются
молодые и сильные мысли, –
и нет в моем чтении ни грана безделья,
или плесневеющей скуки,
или тщеславия моды,
потому что – я свободен,
а книги – как друзья
или бывалые волки морские:
всегда интересней и безгранично надежней,
чем газеты.

Когда я свободен,
я ухожу с сыном на прогулку –
и мы идём долго, идём далеко,
куда нам только хочется,
коллекционируя старинные переулки,
удивительно странные деревья
и занимательные окна.

Между прочим и как-то само собой –
по пути я рассказываю своё детство,
которое сыну любопытно и интересно
и невероятней приключений Буратино.
Или сочиняем вместе истории,
которые развлекают нас, как тающие облака,
и мы всю веселимся.
И мудро, с любовью, ласкающей душу,
я вслушиваюсь в скороговорку
его бесчисленных, разных, но радостных
и коротеньких, как чирикание, новостей...
Потому что – я свободен!

Когда я свободен,
я рано утром бегу
на базар – за цветами
и цветы раздарить успеваю
всем, кто мне дорог,
до их пробужденья.
Цветы не вызывают круглоглазого удивленья –
но они радуют,
они рожают улыбки,
и утро – доброе...
потому что я свободен.
И целый день мы будем вместе,
и каждый сам по себе –
в незримом братстве,
в совершенной семье,
потому что – я свободен.

Когда я свободен,
я немного похож на Уитмена –
впрочем, как всякий свободный человек.
И с улыбкой читаю на асфальте:
«Прохожий! Я люблю тебя!»
Но зачем же об этом кричать,
если это так естественно –
так естественно для каждого,
но свободного человека.
Это даже не вдохновение и не любовь,
но когда я свободен –
я свободен.

Когда я свободен,
я могу начать всё с начала,
даже пережить с начала всю нашу историю –
и пусть сегодня мне будет 90
или пусть будет больше...
не старость страшна.
Но я ничего не боюсь и всечасно готов
и к смерти,
и к жизни вечной,
потому что я – свободен.

Когда я свободен,
я знаю:
чтобы душа продышалась,
необходимы стихи... и...
я кормлю на широкой веранде своих птиц
и пишу стихи несуетливым пером,
вспоминаю прекрасный завтрашний день
и готовый к любому прошлому.
Строчки, не спотыкаясь о рифмы, пересекают
острый, как бритва, край листа,
неуловимо превращаясь
в корни древних трав
и цветущих кустов... –
потому что я свободен.

Когда я свободен,
я люблю –
и здесь не добавлю ни слова.
Много есть слов,
простых и прекрасных...
обширны словес небеса...
В каждом слове,
даже самом корявом и прозаическом,
есть песчинка любви – неуловимей мгновенья,
она же – песчинка времени
и, может быть, Вечности...
Я люблю – вот и вся жизнь.
Потому что свободен.

Когда я свободен,
у меня мало свободного времени,
а я так много хочу успеть...
и я – спешу,
потому что я свободен.

Когда я свободен –
я свободен...

А когда я свободен?

СОННАЯ СКАЗОЧКА

Было или не было...
Живёт на Луне большой народ – маленькие человечки.
Светлыми лунными ночами в самый сонный час спускаются человечки по тонким лесенкам в большие человечьи дома. В серебристых шкурках, лёгких как пух, неслышными шагами они осторожно проходят и, подув тихонько в глаза спящих ребяткишек, рассаживаются около уха и нащёптывают сны. Разные, но обычно интересные, сказочные.
Повезло малышу в одну такую чудесную ночь.
В волшебный праздник Полнолуния спустилась к его окошку тонкая лесенка. Сбежали по ней, приплясывая-пританцовывая, семеро лунных человечков. В руках у каждого из них было зеркальце – и в комнате начались весёлые игры и пляски лунных зайчиков.
Плясали зайчики, смеялись человечки. От окна до самой Луны светилась тонкая лесенка. Удивительная ночь!
Малыш сполз с кровати, сунул ноги в башмаки – и забрался на подоконник.
– Цинь! – слабо звякнула под каблуками ступенька. – Цинь-цинь!
И побежал малыш по лесенке вверх.
И казалось в эту лунную ночь, что кто-то стучит над спящей землёй по клавише игрушечного рояля: – Цинь-цинь-цинь...
Вот и облачка. Как самый-самый первый снег. Облачка можно вдохнуть и самому стать лёгким, как снег, как сами облачка. И уже не хочется бежать до Луны.
И спрыгнул малыш в облачко.
– Ха-ха-ха! – звонко и заливисто засмеялся малыш. Такими щекотливыми оказались облачка.
– Ха-ха-ха! – чистым разноголосым эхом отозвались далёкие звёзды.

– Ха-ха-ха! – с еле слышным звоном отозвались окна больших Человечьих домов.

– Ха-ха-ха! – летит малыш над землёй: в башмаках, подбитых серебряными гвоздочками, в короткой ночной рубашке.

Гадай – не отгадаешь... Может, и приснилось. Но утром в окне малыша встретились Луна и Солнце.

ВЕСЕННЯЯ МИСТЕРИЯ

У зимы не сложилась вечность...
и раскалывается лёд, и сходят снега на нет...
Мальчик Кай встретился с Гердой – и скоро
зацветут подоконники в Старом Городе.
И скрипач, неизвестный, седой, как лунь,
и юный, как первый подснежник,
начинает сонату весны... начинает...
Обвеваемый перламутровым ветром,
шальным ветром странствий и воображенья,
он лопаточкой вытягивает губу
и долгим смычком нежно касается струн.
И где тут, и как тут зиме устоять?
И что за вечность из снега и льда?
Если время пришло, если час приспел –
и раньше ласточек, раньше грачей
скрипач начинает сонату весны.
И преобразуется всё, что живёт и надеется.
Даже цвет, меняющий форму,
и форма, изменяющая содержание...
преобразуется смысл в пробудившейся гальке,
выброшенной на берег бурлящей волной...
И облегчённо теплеют крутолобые валуны.
И слово не бесплотное, и чудеса не умоглядны.
Ошметки снега, ледышки исходят в прах
и напиваются просыпающийся чернозём.
И травяным холмом поднимается
ещё вчера намертво забелённое пепелище.
А на холме замер чуткий волк –
на каждой шерстинке его серебрится
пыльца звёздного света.
Млечный Путь, коснувшись Земли,
стал хвостом запятой, за которой – весна.

И дом раскрывается, стряхивая истончённые сосульки.
В незатейливой и простой, как дыханье, мелодии
рождается венок ярко-белых ромашек – каждая
с пушисто-жёлтой, как цыплёнок, сердцевинкой.
Стена, погружаясь в сеть своих затейливых трещин,
преобразуется в дальний органый хорал
близкий строй расцветающих сосен.
Белый свет в нарождающемся завтрашнем дне
уже глубоко вдохнул пыльцу первоцветов.
Мгновенья набухают, как почки, –
и так рождается томительная длительность секунды.
Секунда за секундой, срываясь с карниза мироздания,
взрываются каплями, превращаясь в незабудки.
Сегодня в весне ещё нет пейзажа,
но уже проклюнулись убедительные подробности.
День... день... – капля за каплей,
словно вскрикивает птица спросонок.

ПЕСЕНКА ОВСЯНКИ

Что думать о судьбе, если нет времени?
Какие решать загадки любви, если нет времени?
Зачем торопиться, спешить и лететь, если нет времени?
Нет времени... словно жизнь не в жизнь,
и даже смерть не в смерть, и весна не в весну.
Но из далёких лесов, ещё не загаженных гарью,
долетела песенка солнечногрудой овсянки.
Не слухом, а ворохнувшимся детским чувством
ты уловил её, словно каплю губою поймал –
каплю с вербовой ветки, воды живой каплю,
хотя времени – нет, настроения – нет...
Но уловил. Стало просто и ясно –
как стрелке магнитной на острие:
если в хаосе разворванной жизни,
если в туче изовравшегося воронья,
если вестью над обесчещенной смертью
бьётся могучее птичье сердце,
жить – можно, а судьба – в загадке любви,
даже если вокруг – как всегда, как обычно –
все будут врать и многозначительно обманываться,
что времени – нет.

ПРЕКРАСНЫЙ ВАСИЛИСИЙ

– Зачем убивают зайцев?

Идёт по улице малышка, грустит малышка.

Было или не было, а навстречу ей кот бредёт, пошатывается. Больной, прибитый, оборванный. Нагнулась над ним малышка, поздоровалась. Да что мог ответить ей кот, больной и прибитый?! Он сказал:

– Мяу.

Так они познакомились и подружились.

Малышка вылечила кота и назвала его волшебным именем – Прекрасный Василисий.

Прекрасный Василисий хорошо помнил свою бродячую жизнь, и, наверное, поэтому он умел придумывать сказки.

Вот стемнело в комнате. словно зима тяжёлой заслонкой закрыла окно. И светятся удивительные зелёные глаза Прекрасного Василисия:

– по зелёной стране идут в путешествии с приключениями весёлые дети с котами, которые умеют рассказывать сказки...

– на лугу, пёстром от разных-разных цветов, в резном тереме живёт, поёт песенки сказочная принцесса, вся в кружевах и бантиках, похожих на бабочек...

– волшебные зелёные звери выходят из дремучих лесов на утренние холмы, смотрят далеко и всё видят, а потом спускаются к холодной реке...

Так они жили и так дружили. Набегавшись за день, малышка забиралась на диван и с удовольствием смотрела зелёные сказки, которые показывал ей Прекрасный Василисий.

Когда засыпала малышка, кот вспрыгивал на подоконник и смотрел сквозь морозные узоры на стекле на далёкие звёзды, на белые крыши домов, на облепленные снегом ветки липы... шевелил усами. Очень важно было коту с волшебным именем Прекрасный Василисий придумать правдивейшую в мире сказку – про заячьи хороводы, про заячьи экскурсии в игрушечные магазины, про заячьи приключения на Луне...

НАКАНУНЕ ВЕСНЫ

Как в учебнике математики
в точке встречи между пунктами А и Б...
меня спросил маленький мальчик –
мой любознательный сын-фантазёр:

– Папа, вот разбита машина,
а там, смотри, сломана ветка.
Лицо у бабушки в этих... да, морщинах.

А ещё война, развалины всякие,
и вчера долго шёл дождь,
и мы с тобой никуда не пошли.

Скажи, это время?

– Да, это время.

– Папа, но скоро весна,
будет много цветов, много листьев и птиц.

А у тёти Веры – новая дочка, только маленькая.

Погода сегодня очень хорошая.

А у меня в кармане стеклянные шарики, целых три.

И вот, смотри, улыбаются люди.

Скажи, это тоже время?

– Да, и это – время.

И он задумался, замолчал:
что-то не складывался ответ
в точке между пунктами А и Б...
Но ведь скоро весна...

МАЛЕНЬКАЯ ВАРИАЦИЯ БОЛЬШОЙ ТЕМЫ

Пока мы не боимся,
пока мы пишем стихи, –
мы свободны.
Когда же убоимся,
когда снова погрязнем в страхах,
мы не будем свободны
и не напишем стихов.
Но пока мы свободны,
хотя и размусолены по вкладам
все очарованья и прекрасные мгновенья,
мы ничего не боимся,
когда пишем друг другу стихи,
свои или чужие, но тоже свои, –
про возвращение детей,
распротыканную в грязь погоду,
про жизнь, расхлябанную в пьянь и вкось
и рождающуюся завтра из пены любовь...

Пока мы не боимся
ни державной святости,
ни высочайших перемен,
ни торгашеских сквозняков,
ни смертных грехов,
ни смертельных погрешностей,
мы пишем в простоте душевной стихи,
даже если ими будем оклеивать стены
в местах общего пользования,
мы пишем, когда мы свободны,
свободны на все четыре стороны,
вдоль и поперёк, –
и обстоятельно вспоминая
каждый завтрашний день...
Пока мы пишем так,
как живём и дышим,
как мучаемся – изъедаемые
голодом надежд и жаждой сомнений,
мы восхитительно свободны –
падшими ангелами на драконьих обломках
империй, препон, идолов и алтарей,
когда мы ничего не боимся –
не боимся даже родиться вновь,
потому что свобода –
это прежде всего право на поэзию,
потому что во мне созрел
образ дерева.

НЕСКОЛЬКО СЦЕН ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ САЛЬВАДОРА ДАЛИ

1.

...и мой гроб –
одна из фикций в вашей осторожной жизни
и не требуется носорожьих доказательств
но если всё же встревожена –
не на шутку – чья-то каменная шкура
и перекушен учёт в музее восковых фигур
так это – аквариумная политика
расстеленная на операционном столе

между зёрен исчезло меня гораздо меньше
чем осталось в образе движении свободе
мир сгорбился и споткнулся в этом вопросе
трепеща оглянуться на ужас деторожденья
и боясь не разглядеть свой павлиний хвост
а всего-то – качнулся занавес... Но руки женщины
остались поднятыми светильниками
и словно бы двустворчатая дверь была
стереоскопически зеркальна
предъявляя образ движение свободу
в глубине разлетающейся перспективы
неба – голубого неба – бессмертного неба

2.

О не убивайте себя в горе
и горем не убивайтесь
и никому на горе не убивайте себя
не убивайтесь Жизнь не стоит того
чтобы произвольно отдаться смерти
как ни оценивай жизнь и смерть
они стоят творчества
когда время закручивается как усы
разве не стоила жизнь провинциала
усовершенствования электролампочки
но взрыв рафаэлевского изображения бессмертен
в вечности рождения новых миров

3.

О любовь
Я протягиваю ладонь как за яблоком
и не только Павлин
и не только Лев
весь мой мир
сопряжённый с моей фантазией
вдохновлённый моим воображением
старинный как лепет младенца
облачается в голубое небо
и смеётся над Змеем
заглатывающим собственный хвост

4.

Когда раздевается женщина
мир прекрасен
но абсолютно бессмыслен недужен и чужд
чу... чу... чу...чу...
как стоголосое эхо толпы
когда раздевается женщина

5.

Окружённый сияньем её светоносного тела
и в блеске своих древних перьев
я восхожу в космосе моей души
и погружаю взгляд в пространства
Творение скользит по молнии
ослепительного спора
и блистательных расчётов
когда становишься стремительным семенем
оплодотворяя растроченные и не востребованные
мечты иллюзии истины
Одна капля краски
даже не капля – точка
безгранична как Абсолют
в хаосе окаменелостей и предрассудков
Я соглашаюсь и
в развязанных и распутанных перспективах
прорисовываю многоточие клавиш
окружённое сияньем её светоносного тела

6.

В чудесном пергаменте
покрытом коростой пересохших чернил
с дырами выжженной красоты
девичий вскрик – зелёным листком
качаясь падает падает
изменяя пространство
собирая образы
мигая в твоём локотке
и даже в запечатанном кофейнике
просыпается дух кенгуру
с чудом истечения и проникновения

7.

Мир окаменелостей геометричен
конус + куб + шар
в окаменелых мозгах не просвечивается
ни образ ни движение ни свобода
потому что мера произведена от умертвия
но Яйцо – магический смысл сосредоточенья
вселенная между Ледой и Летой
раскрывающаяся только фантазии и воображенью
свободного человека
а мир окаменелостей – геометричен
поэтому плоскость его чревата
ядерным крестом

8.

А сколько погони сколько ожиданья
сколько сифилитичных идей и пустой шизофрении
в беспощадной жажде – жажде перемен...
Я – отстраняюсь...
Я отстранился и решился
потому что Я САМ и есть Великая Перемена
никому не пережить меня и не предотвратить
потому что Я – неизбежен
на всю оставшуюся историю человечества
Если кто-то ещё не унялся
если кто-то с дотошностью часовщика
докапывается кряхтя пердя протирая штаны
что за механизм раскручивает мой театр
он уже ошибается и насмерть ошибся
потому что бесцельно клубится над землёй
самый безумный неистовый фантастический
театр облаков

9.

Выше и ярче жирафа
представительно сгорающего в афишной тумбе
когда сладострастно растекается циферблат
и во сне происходит всё то же, что и в жизни
но наизнанку – и жизнь подражает снам
и снова пытается рассматривать сны...
В измерениях фантазии и воображенья

Я – театр
лишите любой театр свободы
и он превратится в блошиный рынок

10.

Я – Театр
Я – ваша возможность
осуществляться беспредельно
но защиты мечты
в атласных кочанах капусты
так что стоит делать
среди окаменелостей безделья
в прихлопнувшейся плоскости?
Единственное: удивляться
и вся жизнь – удивление
ночью – снам а с утра –
всему что попадётся на глаза
и творить – удивляться
но главное –
как голубое небо
как совершенное Яйцо –
любить – удивляться
и тогда можно надеяться
тогда и осенний звон
сойдёт ракушечным очарованием
в предчувствия и быт
но лучше – удивлять
и здесь – не доверяйте оптике
Я – беспричинно больше окна
которое вы открываете весной
в пузырящееся пространство
белопенной погоды

11.

Высота души определяет высоту горизонта
и крылышки трепещущие на щиколотках
не вовсе философский салат
но для начала Я просто вспорол холст
вывернул – и распахнул: оп-ля!
как только мог? – нет! как только хотел!
и вещи открыли во мне водопой

а я отменил в их существовании
окаменелость и время

12.

Да: пространство навыrost
так что же вы морщитесь
будто в тесных ботинках
да: здесь – вот – нараспашку свобода
так что же вы стонете и орёте
как в турецком узилище
станьте свободными
и только тогда
ничего не стоит понять:
всякая политика есть наплевательство

13.

И отойдите от гроба
это день моего рожденья
в движении и свободе
взгляните
насколько голубее небо
как дышится...

СПОРЫ СЛОВА

А

Азь –
опора гордого мира
.....
образ Белой Горки в грозе
и восхождение в образе
к: – Это я!
к подобию...
и отголосок: –а-а-а-...
как начало
после восхожденья
отсроченного пути
но первый взгляд
и первый крик

Б

задуматься осмыслить – и обрести
воображенье слепящее глаза
пронзительней памяти
когда рукой – не достать
даже если родиться зря
пусть без надежды в судьбе
но камень – всего лишь знак
предупреждение о выборе
вся жизнь прыжок через себя
и горбушка с пахучим тмином

В

набат молчанья
свернувшаяся неизвестность
может быть – Вечность
подглядывающая из-за угла?
замкнутый перевал?
но – пучеглазое удивленье
две слезы от ветра и света
глаза спящего на боку
а проснётся...
колокола

Г

глаголи колючки
.....
остановись в тени
дальше – зона
на перелом на разлом
вместо высоты
вместо судьбы
бетонный угол...
откуда – монах
горбатый судья
с воспоминаньем о верёвке
в доме повешенного
но обламывается голой веткой
веткой багульника
наверное расцветёт

Д

твердыня
среди твердынь...
воздушный замок
в подражанье Белой Горке...
столп ступа Будды
и – как всегда – надежда
на ступень за ступенью
восхождение
ступени рассекают тайну
может быть ацтекская пирамида
или Вавилонская башня –
приближенье к Завету
ответа просто эха – нет
в витраже – сокрушительная россыпь
барабан тяжёлых пуль
плевковых градин
и снова – к огню в огонь
а позади – чёрный дождь
и Лысая гора
с плоской плешью для игрищ

Е

три стрелы
три пути
три попытки
ощетинившийся тупик
поединок? – когда все
когда оскалюсь взъерошась – всё?
– ради боя? – ради победы?
– ради обеда? – ради Бога?
решительное триединство человека
в четвёртой ипостаси
в стремлении постиженья
мир движется не китами
и кончится и начнётся
страстями кого?
но – обратимость
обратимость всего
обстоятельств учений идей
или братство?

но братство...
три стрелы?
три пути?
три попытки?

Ё

предательство двусвятости
оснащённый и проплаченный
долг – вперёд
долг – назад
просто – возле высокой лестницы
в два сребреника на кон
преданно – предать
просто – как две точки
в звёздный час
междучасье на миг
дуплетом – наверняка
без поцелуя и римлян
вне поединка вне Бога
вне дорог и путей...
во все глаза
что увидят глаза из-за крыши?
развернуть?
нерасщепляемый смысл
зерна и капли
вопреки и вечно
и в самой последней судьбе
...без чего? ...для чего?
луна и солнце над крышей
и баста

Ж

поймёшь – и уверуешь
или – наоборот
но здесь –
сплетенье начал
мужского и женского
земли и неба
огня и воды
здесь – дуальность
замысла мира судьбы дороги

образ первородной стихии
как если бы вечность
ни в памяти ни в забытьи
и как в детстве –
вот и костёр на взгорке
но здесь –
куколка... имаго...
и развернулась
в плеске фонтана
старинной площади

З

омут воспоминаний
последней ночью
затягивается
в песочных часах
и прерванный вираж
сизого ветра
пролита кровь
и время пресекается
и вечность ущербна
в сущности в памяти в душе
лбом в грудь
и забыть и забыться
порыв... прорыв...
по прямому сечению
пустые часы
и всё же – когда?
и всё же...

И

перечеркнуть?
рассечь?
.....
переулок наискосок
от чего-то к чему-то
от станции до «отстаньте!»
.....
траектория ласточки
над косарём
размах краски

в сосновом вечере – близко
зарница в предгрозые горизонта
попытка разлёта – когда
за еловым гребнем
вертикальные – огонь
фрагмент пламени
послание весть
из глубины из сути
и неистребимо
ввысь

Й

благословенье – уходящему
на святой восток
ничто перекрывается нечто
от зари до зари
колыхаясь шатаясь
опираясь на сердце
и слезой сверкнёт
освящая след
миг вести

.....
прощальный привет
от старого дома:
не пропади
вернись если сможешь

К

стена?
поперёк всему
скрепы видимого и сущего
на отраженье силы
на отраженье мечты
.....
или зеркало излучилось...
.....
надвигающееся –
и защита крылом
но развёрнутое проникновенье
отраженье полёта в дороге
предсказанье точки в пространстве

судьбы в запредельности
встань и свершись
с разворота – атакой

Л

стою
динамическое равновесье попытки
на сближенье
на крест
ладони горестно сомкнулись
в молчанье
льющейся и омывающей воды

.....
стечение соприкосновение
высота стеклянной горы
приют под елью – или
перспектива тупика – но
по размахнувшимся рукам –
в сердце
по сведённым ладоням –
в синий зенит
руки не крылья но всё за всех
всё-таки крест –
Крест милосердия
и спасения?
попытка костра
костра высокого
попытка слова
после майского соловья

.....
стою

М

а если так:
распростились
ни в каком месте
ни в каком пространстве
соломенные качели
грозою сломанный горизонт
готический профиль
агония взлёта

в цепи соотношений
из клубка обращений
падение и разверстие
о восстание собора
Воскресения

.....
взявшись за руки – перед входом
и всё же – как дети
в переулке Старого Города

Н
мгновенье соприкосновения
Млечного Пути и улицы
в раздвинувшемся пространстве
в со-творчестве явленья
проклятье дверей-
мера... мерка створчатости
раскрой дерево – шире
и решишь и выйди туда
постоянство открытия
постоянство исхода
всесветное и всестороннее
что вверх – что вниз
что вправо – что влево
единство и семя –
выбор
между шагом и прошлым

О
голубое яйцо
совершенное небо
голуби и облака
соловьиное моление о Волге
стон рожденья или родов
крик... толпа и пустыня
но – боль
отчуждая и отрешая
нимбом святости
но боль – вспышка памяти
и матери: – грешен...
любимой: – виновен...

вздых – душа на отлёте
.....
яблоком – с ветки
сердцем – в небо
прообраз солнца колеса голоса
малиновый благовест
эхо – на единое
слово
Бог

П
итак войди
взыскующий Града
оглянься в прощении сохранись
в конце свитка
на исходе света
превозмоги и превозвысь
над крайней гранью
.....
простейшее постоянство
препон и препятствий
в эфемере покоя
подвал
риск в пустоте
но музыка – предстоянье
порог остриё
и будь что будет
в преодолении
прыжка тупика приговора
пророчеств замкнутого пути

Р
возвращение в неизбежности
а в возвращении?
предопределённость тупика
свёрнута
халдейский посох
посох предвестия
и растущий восход
когда весь белый свет
в горсти

небу и миру
но возвращаясь безответно
другая жизнь
просто другая
не чуждая и не чужая –
другая
слепое пробужденье
бутона куколки семени
а дальше?

С

серп – очевиден
как любое орудье
месяц жнец смерть
не кланяйся! –
и не клянись...
чем свят и чем грешен
где ближе к небу
где ниже праха
плач женщины
над опрокинутой чашей
между тем – разомкнута связь
справа – причины
слева – поделье
прямо – упрёк и досада
несытого ненасытного
взгляда в упор
растворяющего устремленья
от боли в любви...
всевиденье не всевиденье
одиночество рук на столе
с того ещё вечера
и за полночь
при стареющей луне

Т

по острию
по острию
на крест?
на распутье?

сомненье – наотмашь
качающееся коромысло
от камня до сердца
от муки до Бога
никогда – стрела
всегда – страданье
в боли – разрешающееся
в постоянстве – кажущееся
взвешено видимое
трепетны души – в наготе
босиком
по острию
радость
к сути

У

всего лишь – взмах руки
направо и налево
всего лишь – удар весла
или шестом –
но оттолкнуться
от всех времён перемен мер
из безликого неведенья
собственного... толпы...
голым порывом
да – так – самодержавно
и одиноко – с обрыва –
руки в небо – Икаром...
и замер – стоя
на острие решимости

.....
клешнёю болотного краба
перекушен кабель антенны...
образ уходящего дерева –
состояние?
распад?
случайное горе?
не конец же концов и начал

.....
трубный ветер –

не устоять
но есть только то
что было
а будет –
небо и ты
и крутая планета

Ф

чернобыльский одуванчик
где тень?
где спелый цветок?
раз-лета-таются
ласковые цепкие семена
распыляется
неуловимая тень
на крутящейся ножке
ни птица
ни бабочка

Х

не случай
в пространственном значенье
симметрии и соразмерностей
двух тропок судьбы
но всадник настигший
поражающий вечно
Белый Георгий
и невеста – свята
по символу и по жесту
невинности ожидания всепрощенья
судьба... вселенское схождение
четырёх сторон света
в поединке с дрянным Гадом
между добром и злом
небесное знамение
довольно! – всегда
изо дня в день
ежечасно
перекрестие на сердце...
чей прицел?

Ц

крошечный
как звон упавшей иглы
но рогатая тень
призрак страха души
в сумеречном капризе
и колодезной тайны
в детстве
как если бы – вдруг –
спрыгнул лягушонок
и ложь обобщенья
в дырявой бочке
и хвостик восторга
как всегда:
от презрительного
до великолепного

Ч

вместилище
правильно – праведно ль
испей – единственное
во спасение
благородная норма
бесстрашье... мученья сомнений...
в разорванном соответствии
в разворванной совести
природы? человечества?
под вечер – на кухне – окно
за спиной – тихий свет
за окном и в душе
ответ не сошёлся с вопросом
а дальше – в шаге всего –
словно бы свыше
запредельное уподобленье
пещерный череп Грааль
соучастие
в стечении судеб
единственное единство
на всех во всех всеми
и опроверженье кириллам:
было – и есть

вопреки
неизувеченное наследие
чело века чаша
завет

Ш

под трёхзубым венцом
совокупленье – в ряд
расшибись!
и ошиблись угодники
вот – не тьма
прах прамати
прорастает...
прорастает
безымянной травой
в память в грядущее
здесь –
колючая стрижка... голо...
кромешный театр уподоблений
власть летящей косы
сплеча
и – ничком
не сотворив не согрешив не испив
ни покоя ни света
ни восхожденья –
во весь рост – на! –
подкошенный колос
растопыривший острую ость
душой распахнувшейся встречь
плашмя – на стерню
под трезубцем Владимира
снова и снова – словно
на веки вечные
но всё небо
как счастье и радость
Триглав – опора
и благодать общения
с родом и мирозданием
и возвращение –
сквозь чащобы вранья и нелепиц –
возвращение к Матери

Щ

и вот –
оторванное крыло
в толпе – хуже бескрылья
карлик с прореженным крылом
погрязая неотвратимо погружаясь
в неизбежность в ненужность
и возвращение – некуда незачем
но взывающе – ввысь
разгрызающе – вширь
в полдень – воздушный кристалл
пламя степное
само по себе – из себя
смысл – за мгновеньем
когда действие возникает качеством
и преобразуется – в деянье
а ежедневно –
вонь войны
боль и беда судьбы
в логарифмической решётке
когда нет Бога
когда – нет!
и – есть...

Ъ

когда нет слёз
о Боге
без Бога
да и зачем?
нет слёз – до звёзд
все – в землю
из-под руки
.....
из-под карниза мирозданья
окаменелая капля
то ли неизбежности
то ли неизвестности
в наши глушь и враньё
бездомно – бездонно
войти – по кругу – и никуда
и везде навсегда
скрюченное бормотанье

срывающегося листа
по траектории с мёртвой петлей
отречение от себя –
с последним припадком звонка?
игра? – но дивным ядром
из распечатанной оболочки
из неожиданно узнанного
милого образа
выплёскивается исток
ясной и глубокой дорогой
и побег... когда
между деревом и листом
синий миг
между порогом и.....
который час...
или год...

Ы

искушение...
встречи в кочевье в смешенье
вечер человечества –
в чреве изуверства
развороченное разочарованье
молитв торговли мести
и отрешение – искушением

.....
замоленный валун на дороге
разлад мира и тростника
бесконечная длительность
но – мимо
и единственного семени
каплей камнем слезой
осеннее падение
и образ в колодце
растущей луны

Ь

чистое отражение
всеобъемлющее
от зари до зари
между румяным облаком

и щёчкой младенца
снисхождение? нет – милосердие
само по себе из себя
когда полдень – рана
после утреннего побега
из семени из небытия
из глуши и вранья
в соприкосновенье
но иногда
горько-зелёной стрелкой лука
взошедшему – вечность
входящему – жизнь

Э

в зазеркалье
по лезвию предела...
или в преодолении дороги
в грозе – с Белой Горки...
длинноязыко – зев Змея
из громогласия подземелий
огненная молотья
и этот Змей – светлому Георгию
но за каждым против каждого
трёхрогий кованый человекобык
чугунные копыта тёмная медь
стальные рога
здесь –
сейчас –
или когда-то...
надолго

Ю

бабочка
из пустоты из забытья
в образе соития света и тьмы
новорождение
оплаканное радостью
осмеянное враньём
.....
несмотря ни на что
вопреки Гаду и гадёнышам

не рассечь не развеять
смысл смысла
суть сути
жизни души судьбы
огонь и воздух
вода и земля
птица
бабочка
человек
и забота садовника

Я
чело –
междуречье
конца и начала
забытое в веках и буднях
– вечество веществ и вещей
– вечность свечи
загадка на воротах Града
осуществленье!
.....
преодолев
достичь
я – Азь...
и дальше... дальше...

СКАЗКА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЫ

Памяти художницы Елены Антимоновой

О чём бы я ни просил –
я не молю прибавить судьбы:
я вспоминаю тебя.
Среди дремучих пространств
твоё – стеклянное,
из света первотворения.
В нём так много подробностей
и таких занимательных –
придуманных и нарисованных,
разбросанных и самостоятельных...

готовых разлететься стаями птиц
и семенами рассеяться по земле...
Мне хватит их вспоминать далеко и долго:
дальше Суда и уж дольше истории,
потому что никакой Страшный Суд
не может лишить меня памяти...
ни в какой вечности,
безысходной или полной надежд,
не разрушится эта память.
И о чём бы я ни просил –
я не молю прибавить судьбы:
я вспоминаю тебя.
Скрипят в облаках
старинные ветряные мельницы,
и сыплется, сыплется
в прах перемолотый холод.
А там – за Океан-морем,
там – за горами, за лесами
сияет, как радость, кристалл
твоего стеклянного пространства,
твоей стеклянной горы...
и бродит – седой,
от меня убежавший конь.
Сказка? Быть может...
Чудо? Наверное...
Сказочные чудеса –
твоих красок работа.
Да, хватит мне и моей судьбы.
Подари только слово – одно,
нарисованное лёгкой рукой
смеха ради или в задумчивости
на случайном клочке, –
и я устрою здесь новый мир...
а посередине – твоя гора.
Где бы я ни бродяжничал,
где бы ни бражничал,
я вернусь в эту улицу, я приду...
Уже придумал на солнце цветы,
и мир, по-весеннему переустроенный,
мир, словно рождённый заново,
придёт за мной следом

без нудных причин,
без подлых обстоятельств...
.....
.....

Застыло время в зиме.
Где та сказка?
Где наша встреча?
Над замёрзшей землёй
натужно и вьюжно
скрипят в облаках
старинные ветряки.
И сыплется, сыплется
в прах перемолотый холод.
И в сердце – тоска...

ПОДДОЖДЁМ

Так что ж я поделаю?
Осень вконец опустела.
Ветер метёт – сметает
последнюю мелочь златую.
Истаяла голубизна,
и сократились дали.
Ни порыва, ни лада –
тоска... пустота...
Так бы с утра и снова,
да вот же – извечна остуда...
И вернулось откуда?
И не случилось – когда?
Отравленным яблоком
в руку упало,
немочным вздохом
скатилось с обрыва.
Не опереться на каплю.
Не оглянуться в завтра.
То, что вчера не случилось, –
так уж тому и быть.
И расплелось-разлетелось,
И догореть – отболелось...
Серой подсветкой пишет
по треснувшему стеклу.

И расстоянья порожни,
и расставанья без встреч,
и безутешны дороги,
и заморочна судьба.
Даже когда в окно
стукнет... не стукнет ветер...
Всё растрезвонила осень,
всё похоронит зима.
И с паутин на кресте
не соскользнёт пылинкой –
так и останется быть
серая пустота.
Ни горько, ни сладко –
с резким привкусом льда.

ПРИТЧА ОБ ОСЕННЕМ ТУМАНЕ

После очумевшей в тучах и на ветру полуночи,
после по-собачьи бесцветных и тревожных снов,
после растерянности пробужденья
и сквозящего по полу холодка –
совершенно неожиданным виденьем
выплывает из полосатеньких занавесок
матовое окно.
Смотришь в это безглазое виденье,
но в подсвеченном из кухни мираже
видишь только свой силуэт.
А за порогом... вот так новость! – туман...
Но оказывается – тёплый.
Ох, туман... и в дорогу...
Но оказывается – уютный.
Сладкий молочный кисель – вдо-осталь...
но что он такое – ты и в детстве не знал.
Теплее и слаще запредельного райского бессмертия...
но и ему нет достойных и верных свидетелей.
Уютнее такой далёкой и такой незнакомой вечности...
но оттуда ни гостей, ни туристов не бывало.

Лоснятся в асфальте ископаемые камешки.
Но весь асфальт под тобой –
площадка в полшага, не больше.

Призрачными апельсинами прокатываются фары.
Только они предупреждают о жизни...
да рядом – вдруг – неровный стук каблучка –
единственные ориентиры,
чтобы не шлёпнуться в небо
и не разлететься по земле.
И пространство вокруг тебя такое ватное,
словно простынно-белая камера чистилища.
Но остановишься – и будешь ждать:
то ли белый лифт в горнии выси,
то ли дымный провал в бесовы игрища.

Но для начала – ополоснись туманом
и отряхнись от ночной смуты души и ума.

Этот осенний-утренний-сладкий туман...
В нём обитают удивительные вещи:
то рядом с виском вздрогнет ветка,
отрешённая, как заветное воспоминанье,
но прекрасная, как забытая птица счастья;
то сбоку выплывет косою угол дома,
то плечо тронет чья-то рука
и тут же – смешливый голос: – Ой, извините...
и ты даже успеешь пожалеть
о чём-то милом и неуловимом,
о том, что ищут и найдут не тебя...
то чистеньким и наивным воздушным шариком
подплывёт круглоглазое личико малыша –
и тебе покажется, что это – маленький ты,
которому снится клубящаяся сказка...

Ах же – ах! этот осенний-утренний-сладкий туман –
подводное молочное царство,
заоблачное государство...

А туман и впрямь начинает клубиться...
И словно испарились наши одежды.
Но мы не вздрагиваем от неожиданного взгляда
только потому, что по-доброму не замечаем
безыскусной наготы друг друга.
И не торопимся. Время растворилось в тумане

и медленно выпало в осадок
на ископаемые камешки, на размякшие листья.
Вхолостую молотит чей-то будильник,
зависший где-то между землёй и небом.
И в этом молочном безвременье кажется,
и в этой сладостной предвечности видится,
и так простодушно верится:
туман связывает нас друг с другом накоротке,
туман объял нас словно бы крыльями...
И все мы – вот-вот,
обретённые друг другом,
выйдем в мир,
смеясь...
то ли в мелу и извёстке,
то ли в ангельских перьях...

ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

...дня не хватает,
как не хватило всех прожитых тысячелетий.
Но однажды,
если не опоздаем в своей механической спешке,
однажды,
чтоб только не в последний день белого света,
мы вынужденно раскроем страницы
в забытой книге Первой Необходимости –
страницы пронзительных зимних дней,
дней пышного снега и капустного хруста,
страницы белых ночей в Петербурге,
исполненных тающей музыки и небесного шёпота,
страницы волглых низинных туманов,
полных глухих вздохов осени
и таинственной древней грусти,
страницы ослепительных и кипящих дождей,
случающихся неожиданно в летний полдень –
раскроем страницы всех времён года,
как бы ни было боязно... ещё бы! –
колючки шиповника, птичий грипп, аллергия...
и банально – крапива, простуда, мозоли на пятках...
Раскроем страницы... Для беспмятных нас
таинственна и загадочна, но – обещает...

неизвестность открывшейся новизны.
Свежестью росных трав
и пронзительной свежестью первого снега
душу твою и мою ознобит –
во всю память – до тайны рожденья
и любви, и чудных мгновений, и вдохновенья...
и нервно прервётся вздох,
и радостно всхлипнет душа,
и застынут в слезе
расширенные зрачки.

Нас пугает страшнее буки,
страшней сумы и тюрьмы,
страшней отринутого бога:
«Так что же... мы сами?
Да как же мы? Вместе и каждый?»
И как итог всех сомнений и страхов,
как соломинка, чтобы отбиться:
«А зачем нам всё это?
Да и что там получится? И получится ль вообще?»
Уговариваем сами себя,
ссылаясь на Минздрав и инструкцию к компу,
Какие же всё-таки мы... дети,
растерявшие по песочницам и
по маршрутам туристических прогулок
свои дивные акварельные краски.
Почему-то давно разучились
радоваться по утрам.
Незаметно как-то, но растерялись –
и разучились удивляться друг другу.
А любить?.. Разучились? Забыли? Разуверились?
...и знали когда, и отваживались, и писали стихи.
А если в небе августовские спелые звёзды,
то не наши они, не наши они, не наши...
разве что посылочка, упакованная в тарелку.
Если ещё вспархивают птицы в скверах,
улетают и всё ещё возвращаются...
мы ни при чём... ни с какой стороны... да и пусть их!..
А если где-то поднимается сильно, привольно трава,
то без нас... вопреки нам... а зачем нам трава?!
Вот так – без затей, но до чего же печально.

Но мы вязнем и вязнем в лукавых уловках своих,
обустроивая электронно-кнопочный быт.
Рваться за горизонт – зачем? Что нам станется?
Что нам будет – там... за горизонтом этим,
если там не страна рекламного благоденствия,
а просто земля... какой-то Первой Необходимости...

.....
.....
.....
...и напишем письма всей подзабытой родне,
и друзьям, и знакомым, и случайным попутчикам,
для которых времени не хватало,
как не хватает дыхания в заоблачье,
как будто золотой миллион времени –
не та же одна-разъединственная жизнь
и как будто по сусекам одной-единственной жизни
не сыскать хотя бы горсточку времени
для пары строк на открытке.
И всего-то нам не хватает для счастья –
всей Земли и друг друга.
Просто однажды – и навсегда, но сегодня... сейчас...
мы откроем страницы Первой Необходимости
и будем жить –
жить тайной звезды Вифлеемской,
тайной любви, вдохновенья, тайной творенья...
и радость будет естественна, как дыхание,
и щедря, как южная звёздная россыпь
или в августе дождь на грибы...
и свет будет светом, а не только лампочкой,
снова разбитой в подъезде...
и прохожий будет прохожим
даже в самый поздний и тёмный час...
и надежды будут надеждами – не бесплодной землёй,
выжженной до летучих песков,
и Земля станет домом, и горизонт вселенским...
будем жить – и счастливы будем
чаще, чем во всей своей прошлой вечности...
Так что же?..

РЕШЕНИЕ

Ладонь – положи на землю
и прислушайся,
как оживает тепло,
как шевелятся корни,
как потрескивают семена
ещё только будущих цветов.
А теперь – поднимись,
обрати лицо к небу:
возвращаются птицы домой
из века в век
одним и тем же путём.
А всё просто:
и чудо жизни,
и чудо возвращения
рождены одним только словом:
– Люблю.

АВГУСТ СО СВЕРЧКОМ

Сюрчит печально сверчок:
скоро осень
и тишина.

Остановить бы часы...
Секунд дробный бег
заглушает
сверчка у порога.

Воспоминанья легки –
как ворох листьев.
Но как же память
тяжела...

А утром – август,
всё ещё август –
и весь в шумящей зелени
сад.

ОСЕНЬ ПЕРЕЖИВАЮ

Осень переживаю,
как пору первой
или последней любви:
взгляд, улыбку ловлю,
каждый вздох...
И сам улыбаюсь чему-то,
вздыхаю стеснённо...
И снова,
как перед полётом,
полной грудью дышу.

КОГДА Я УМРУ

Когда я умру,
вы найдёте меня в саду.
Мой убогий сад – настоящий храм,
единственное место в округе –
хранитель покоя и воспоминаний.
Сколько прожито жизни,
сколько пустоты и никчёмности...
И как-то само собой позабылось,
ради чего жил на этой земле.
Но есть в саду, как и в храме, святыня –
старая яблоня с неизлечимым дуплом.
Старая яблоня – берегиня самых добрых
и самых прекрасных снов и надежд.
Будь моим исповедником и свидетелем,
старая яблоня.
Ведь тебе не нужны
ни горячечные слова признаний,
ни молитвенно жалобные стоны.
Ты примешь всё: и меня самого,
и всю мою жизнь – а её мало,
она вся в моём сердце...
Весенний сад вовсе не пуст:
рождается новая зелёная жизнь,
рождается новое время...
и скоро прилетят соловьи.

Изукрасится сад белопенным цветом
и самозабвенным пением...
Мой убогий сад – настоящий храм.
И когда я умру,
вы найдёте меня в саду.

КИСХОДУ

Закончены дела –
и я никому не должен.
Отмахнувшись от подлостей здравого смысла,
молча,
с кусками кожи
я срезал заклятья.
Как потрёпанный такелаж,
обнажились перетёртые нервы.
Колдуны, ворожеи, кликуши,
запечные подголоски
испустили стаю ругательного воронья.
И зря.
Мой страх мохнатой пылью просыпался
и разлетелся по сквознякам.
И если я за что-то не рассчитался,
если что-то не смог простить и забыть,
то судить и судиться я не намерен.
...И всё же со мной – всё в полном порядке.
И сегодня мне лист древесный дороже
всех прописных истин и шёпота предостережений,
чтобы вот так, –
закончив дела, я мог
позаботиться об изболевшейся памяти
и о своей душе, вообразившей дорогу.
Я закончил дела.
Я никому не должен –
без междусобойных тяжб,
без торжествующего суда.
Разворошённую память
и всё ещё бессмертную душу
я снаряжу романтической каравеллой,

как в давней
и расписанной воображением юности.
Паруса – словно крылья,
выкроенные из майки,
моя покойная мама,
как могла, сберегла.
Ни счастья, ни удачи
я в своём плаванье – не хочу.
Ни за Америкой, ни за Индией не поплыву, не пойду –
в плаванье,
когда под ногами –
ничего, кроме родной земли,
впитавшей в себя
столько человеческого праха и звёздной пыли,
когда позади –
ничего, кроме обманутой жизни,
и впереди –
ничего, кроме жизни.
Мне бы Россию – всю – обойти,
и – я иду
и не могу не идти,
чтобы не прерывалась связь
между мной, Россией, сыном и Промыслом Божиим.
И жажду,
но российская воля напоит меня.
Измучаюсь –
ничком упаду в траву,
но поднимет родная земля.
Не дойду никуда?
Не пропаду!
...я древесным листом оберну своё сердце,
душу травами обложу
и засмотрюсь на закат...
дождусь, когда первые звёзды
и новорождённый месяц...
вздохну глубоко,
улыбнусь –
и доживу до утра.
И буду жить долго!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как больничный покой,
как последний приют,
обеспеченный в вечности,
как твоё ненаписанное письмо...
Что там мелочи быта?!
Пыль веков – разлетелась
и превратилась в снег.
Первый снег...

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Рецензия на «До востребования, или Об этой нынешней продукции»

Диво какое! Все хорошее, что происходит с кем-то, благодаря вам, созидаящим в таких сферах, творящим в таких ординарных условиях такие произведения (там так, там так))), все это продолжает спасать, учить более наставлений и разъяснений. Держу в руках книгу Елены Касьян «До востребования» и не устаю удивляться совпадениям мыслей, орбит и «совзлетам». А рядом книга с коротеньким названием «Люблю» Евгения Феодорова. И слова Лены из ее песни «я хочу, чтобы все, что я делаю, превращалось в любовь. А иначе я смысла не вижу». Да будут разными формы стихосложения, да будут они проникающими.

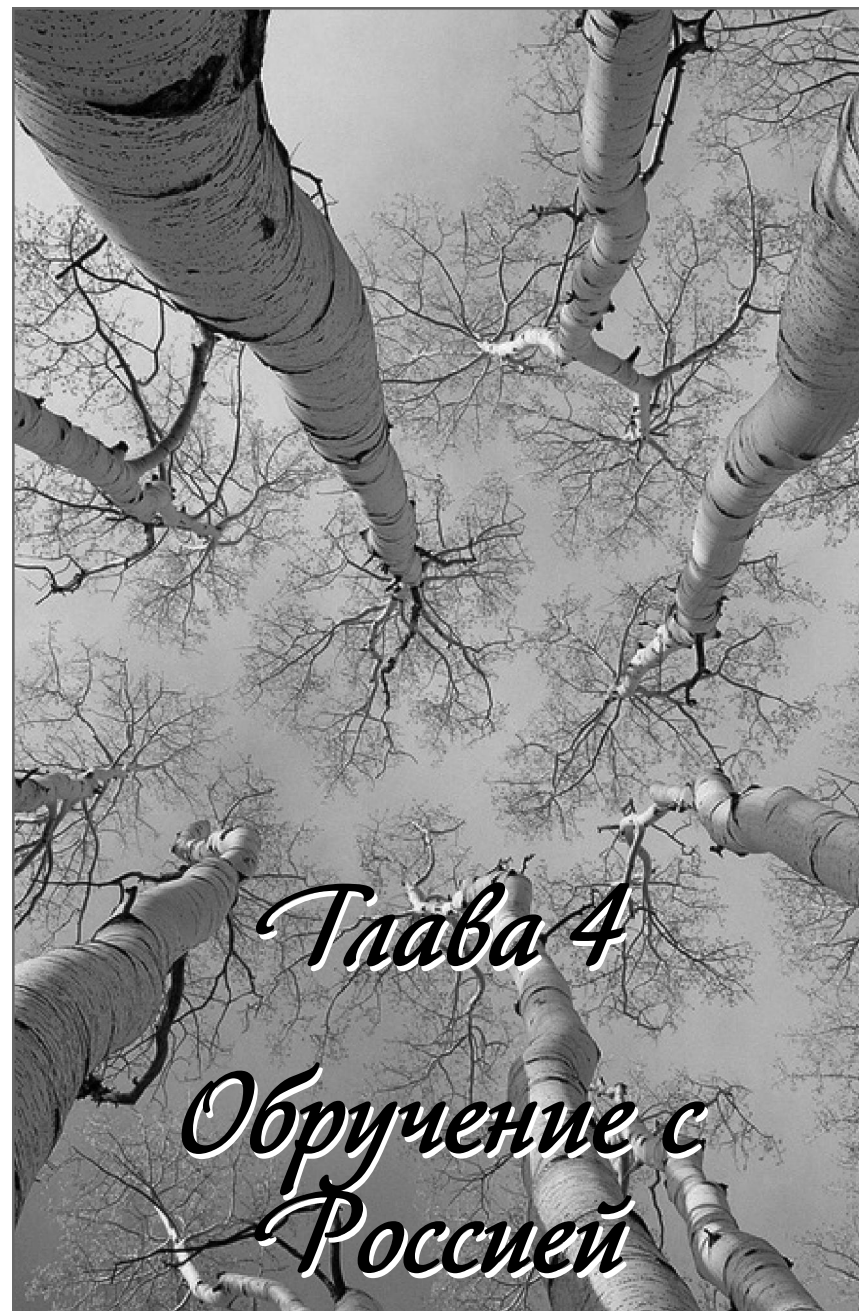
Елена Лапшина, 17.08.2016

Рецензия на «Да, ради птицы»

Дорогой Евгений, не всякий верлибр вызовет такое «синичье» трепетание сердца, какое вызвало Ваше произведение, прочиталось на одном дыхании, с болью, а так может взволновать только прочувствованное, пережитое под трепет крыльев маленькой птахи под сердцем, ради которой стоит жить.

С огромным уважением и добрыми пожеланиями.

Людмила Баневич Гаерилюк, 05.06.2016

ГОРОДСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

вечером – один на один – с городом
или утром между моим одиночеством и перекрёстком
– что случилось?
– извините вход напротив...
и стрелки падают отвесно выравниваясь

этот город... не утренний сон не вечернее наваждение
газеты привычно мусорят радио привычно темнит

между утром и вечером между вечером и утром
Беловодье мерещится – облаком – издалека
окна щурятся... нет – по привычке мерещится
окна – слепая и плоская пустота
дом с жёлтой мордой развернулся на угол
бельмом эмблемы урожайной победы
но к ночи всхлипнет гулко глотка подъезда
хлопком перегоревшей лампочки

я увяз в этом городе
как в расплывшейся луже гудрона
понаслышке – знаю
по святцам лжи – догадался
но трамвай непредсказуемо изменяет маршрут
или уходит на полдник в ближайшую подворотню

я расчерчиваю строчками белый лист
строчки похожи на колючую проволоку
или на ветки шиповника осенью
в фотографии перепутанных впечатлений
и рассыпающихся подробностей

я клеиваю образ города
как туалетной плиткой – листками стихов
но ржавьё проступает сквозь строчки
бурыми маслянистыми пятнами
но выкрученные рёбра арматуры
прорывают бумагу и вот обломки осколки
похрипывают угоревшими кукушками
когда-то бывших часов

город захлопнул себя
колпаком белёсого смога
только по-над рекой – неизреченно
вспоминаньем о тебе и нашем завтрашнем дне
золотится купол утонувшего белого храма –
под колпаком бедового города
под вербным небом

никто никуда никогда не вернётся
ни за коврижки ни за полжизни ни за голову с плеч
– что за... ?
– извините вход напротив

прости... и я впервые не тороплюсь...
или может быть одно-единственное эхо
в этот – один на один с городом – вечерок
и утром – на перекрёстке – бесхитростно и расхристанно
из стороны в сторону расстояния
но каждое расстояние – улица... а улица –
мелодия с западающими клавишами
и только туда – расстоянье
а обратно – никогда или вечность
– так что же?
– извините – вход напротив

с недавнего времени но готовился годы
город дремотно сожительствоует с людьми
консервируя своё отдельное бытие
до удобного... до особого случая
он – сам в себе и поэтому
так ниц и так кричаще яростно его убор
но фантастичны время и возможности
его механических декораций

он концентрируется
не обретая определённой и уловимой сути
он кристаллизируется
не обнаруживая ни граней ни спектра

в холодных и душных желудках подвалов
в городе выхолощены выпотрошены изведены
все образы и все воплощенья дороги

зато – невообразимо ползучий периметр
то ли блуждает то ли блудит опрометчиво
но каждым наступательным метром – настороже
неотступно и неотразимо –
решением между природой и прогрессом
между цивилизацией и жизнью
в перспективе – беспредельно
хотя там – трава и акации на горизонте
здесь – нежить в газетных лохмотьях
полиэтиленовые привиденья
и объявление:
извините – вход напротив
и никуда не войдешь
и ниоткуда не выйдешь

визг тормозов – морозом по коже
мгновенно отнаждачивает нервы
потом – игрушечным выигрышем – недоуменье:
надо же... работают же...
по собственному ли желанию
или по остатку судьбы

как разлучились расстались разъединились
люди и лошади... но и деревья – уходят
никто не видел как и когда
а деревья – уходят
случается – и неожиданно обнаруживается
даже в толпе среди бела дня
вместо дерева у подъезда – яма
воронкой от беззвучной взрывчатки
из-под развёрнутых пластов асфальта
черепами выкатываются старые булыжники –
слепые свидетели жизни
деревом унесённой куда-то

наружу выткнулся одноглазый шпиль
один квадратный глаз
в котором давно погас циферблат
да трёхгранным штыком игла
по шипящей пластинке вечернего неба
спотыкаясь на трещинах-проводах
подпрыгивая на облаках

анатомия утробы – вне логики и религии
утроба разъедает и перетирает все формы
потому что в них накапливалась вечность
завязывались узелки дорог
и созревало человечество

лаская взгляд лоскутным разнообразием
вещи города плотоядно чудовищны
и катастрофичны – если даже лепнина облаков
напоминающая линии амфор бёдер видений
вот-вот – и обвалится
в бульканье толпы

окна вдоль толпы отражают двусторонне
настроения слоятся вне времени и пространства
в моменте выстраивается перспектива воспоминаний
если не по отмеренным минутам спешки
то по рваным крылышкам лоскутов
но между отраженьями – город
ворующий скрадывающий образы

город разваривает пучится въедливо врёт
базарным перегаром – крик хрип мат
скоротечный говорок борзая речь
да молва не молебен по белой душе
в толпе откадит – и откочует
распространяясь растворяясь
шебуршащими сквозняками
ночью чванятся безоблачно и белозубо
шелестя обещаньями денежными знаками
шелестя протоколами женским бельём
взыскупая отдыха на Сейшельских островах
а днём неразборчиво бредят
пересчитывая обещанья цитируя протоколы
обеспечивая денежные знаки
бредят отворачиваясь от женских подмышек
о совместном полёте на Марс
если весной не вздумается повоевать

прорвавшаяся канализация просекает толпу
на ширину автомобильного асфальта
тёмно-матовый экран на реке

ничего не производит
не выдаёт никаких видений
кроме бензиновых разводов
но проецирует при некотором крене зрения
завидно сказочные столбы
во всём блеске мифа или фильма
о фатальном прошлом
и повальном будущем

как? – атлантова... чем? – сила... когда? – таланта...
остаться б живым... и остужающая висок мысль
кому-то рождественский подарок – в апреле ещё
потому что – судьба – короче притчи
про лягушонка под ржавой консервной банкой
на солнцепёке – между трамвайных рельсов

нет этот город не сон... весь он – состояние
город не собрать город не даётся в горсть

он давно чреват чёрной дырой
и на границе обрыва и бездны
нет выбора озябнешь в мгновенье
опрокинутый ниц
Дон-Кихот с копьём наперевес
весь крутясь унесётся
в рассеянную неизвестность
мгновенье крохотнее блохи
затерялось в кошачьих сумерках

прости... – до утра шанс
хотя бы для одной строки
а утром – мне бы очнуться
последнее что я успею сделать –
я умру... но и этим не кончится
судьба по имени жизнь
слово брошенное в небо...
я умру когда мне приснится
завтрашний день
но надежда уже бесцельна
прости...
и снова замкнутый перекрёсток:
– извините – выход напротив

БУДНИ

Моя боль буднична
и, как все мои будни, ничем не ограничена:
ни передышками, ни праздниками,
ни счастливыми встречами.

Я – спокоен.
Спокойней надгробий,
спокойней истукана в голой степи.
Собрав в кулак всю свою волю,
пристально вглядываюсь в боль,
как врач, прививший себе чуму,
и пытаюсь понять боль во всех вариантах,
во всех её подлых подробностях.
Иначе боль сомнёт и скрутит меня –
и тогда я вообще ничего не узнаю
и ни на что не решусь.

Да, пока не выгорела душа,
хотя и темна, как заброшенный рудник,
и пламенна, как продуманный взрыв,
разлетающийся долго и тщательно
на весь белый свет.

В моей боли –
ни взываний, ни мольб – молчание...
страшней, чем крики, вопли, скрежет зубовой,
страшнее ненависти и кровной мести,
потому что она повыела даже сны,
жизнь обратилась в бесцельный хлам...
остался омут молчанья.

В моей боли
я перестал быть стеклянным человечком,
взвизгивающим от прикосновенья иглы.

Расхламлённая жизнь обвита болью:
согласись – и отпустит...

.....
Комната, словно горелой жестью, обита болью.
И душа уже забывает, что значит быть душой,

потому что стала сплошной болью.
И любовь – недавно была любовью...
обернулась болью.

И всё, что я понял в своей новой жизни:
скоро ничего не будет болеть,
потому что ничего уже больше не будет,
кроме боли.

Боль моя –
пустое фиолетовое око в озоне.
Далеко?
Боль не может быть далёкой.
И далёкого для боли нет ничего.

Ни жизни, ни смерти – резиновая боль...
единственная возможность существовать,
возможность чувствовать себя человеком...
растягивает меня на холодной перекладине окна,
душит, скручиваясь колючей проволокой,
сжимается в тяжкий ком памяти.

Но вещи всадники проскакали,
история прекратилась,
все великие повседневные боины стали болью...
и пустыня – это просто бывшая боль.

Вот так – и последнее слово...
всё, что осталось от драгоценных слов,
ставших разлетающейся пылью.

Схватившись за сердце,
на миг захопнувшее от острой боли,
я понял:
у боли есть имя – Россия...
Россия – боль моя
и судьба.

Вот так:
последнее слово – Россия.

ВЕЧЕРНИЙ ДЕКАБРЬ

крестообразно
падает улица
под колёса автобуса
с шипением и всхлипами разматывающие
лоснящуюся жирную грязь
и в паденье – провал
опрокинутой навзничь высоты
а горящими иконами окон
облицован как изразцовыми плитками
этот коридор декабрьского вечера
в каждой – Лик
то ли Мадонны с Младенцем
под мохнатой банной простыней
то ли сытого Покровителя
под тлеющим абажуром
то ли Воина Юрки
снова и снова в рыданиях души
но в кирасе собственной кожи
то ли Мать – в страхе и старости
в немеркнущем сострадании
под остановившимися часами
то ли Дева
в неведение тела – улыбается
то ли Брат всех несобранных братьев
а это?.. а это?..
а это забытый ребёнок
которого никто никогда не вспомнит
а это – забытый свет
который никому не нужен
потому что нужен всем
и лампочка перегорит к утру
потому что
разве в каждом вечере – вечность
потому что
разве в каждом посева света – спасенье
потому что
вечер – преддверье ночи
и суматошных снов
и автобус воеет проталкиваясь в декабрь

а окна перетасовываются
вспыхивая и потухая
дробятся дробятся дробятся
и расползаются смятыми пятнами
по асфальтовой тьме и мокрети
а улица
падает
крестообразно
как высота
с выгоревшим в прах птичьим сердцем
и рухнувшая навзничь
так может – звезда негасимая
как прежде... когда-то... вестницей...
но там вдали
ничего не светит
и здесь – не ждут никого

окна – листовками о спасенье души
но свет отражается в мокрых хлопьях
длинными жёлтыми полосами
а хлопья
не долетев до асфальта
превращаются в капли
а капли – упав по улице
превращаются в грязь
я слышу
в мире тьма безмолвного шёпота
бременем гнёт плечи
я вижу
мир ошестинился криками
острыми как осколки
взорванного бытия
я знаю...
а улица падает крестообразно
и в чёрный квадрат рухнувшей высоты
если идти на плач
можно куда-то прийти

прислушиваюсь... иду...

...И ПРО ТО

...про то, что оно – голубое.

Ю.Калещук

Я плачу,
обращая к небу
слепое лицо.
Зачем тебя придумали,
небо?
Зачем придумали небо? –
если только отражаемся в нём
мы – летучими серыми дымами...
Вся наша жизнь –
бесподобное кино,
а мы – лишь тени,
блуждающие и разлетающиеся
в призрачном голубом океане.
Ведь я ещё помню: голубое...
Ещё теплится в решётке рёбер
душа, как староверская лампада.
Так что ж это,
что же случилось
в нашей жизни от случая к случаю?
Просто слепота?
Или снова – повязка при расстреле?
Мир ли съехал в собачий спектр?
Плачу, нащупывая в беспросветности
запах новогодней сосны,
доживающей свой случайный век.
...или разрушается вещный мир –
и осколков больше, чем истории?
Картина осыпалась,
а мозаика не получается.
Земля припорошена сухим снегом.
Земля промёрзла до колокольного звона,
и даже детский плач,
такой маленький,
такой затерянный среди городских камней,
отзывается в ней долгим стоном.
Но дети ещё играют

цветными стёклышками, мелками,
мёрзлыми листьями и листами рукописей...
но игра не завершится никак
и рассыпается тоже.
А у нас –
у тебя и у меня –
надежды нет.
Кто-то всё ещё крутит кино,
крутит безнадежно выцветшую плёнку...
И раскручивается, разматывается
абсурдистский сюжет.
Всё больше слепых пятен
в нашей рассобаченной жизни.
И не прорвавшаяся вода
бежит по уличным асфальтам,
а время бесследно растекается,
размывая бесценные краски.
Но может быть,
виноваты глаза и глазные нервы,
изъеденные слезами, как ржавчиной,
прожжённые вспышками афганской злости,
отравленные каплями кислотных дождей...?
Какая-то могильная чушь...
или вроде лимонно-пересоленной шулки
вместо кружки воды.
Но тугой поросло, крест сопрел,
а имя – забыто раньше.
В бетонной комнате,
как шаги по крыше,
как квадратура круга,
как доплатное письмо,
томит некий тёмный вопрос.
Ни свечи – в запасе, ни спички – за пазухой.
А что свет, когда умерли глаза?!
Рука наощупь ползёт к выключателю.
Хотя – зачем? – когда умерли глаза
когда днём одиночества больше,
а ночью – просто холодно...
И суть... самая глухая неволя –
или апофеоз свободы? –
готовность хоть сейчас лечь в могилу,

чтобы жизнь успокоилась...
О покой!.. прижавшись больной печенью
к батарее центрального отопления...
О покой!.. забыв про на завтра всё,
кроме уюта на стуле да чайника на плите...
О покой!.. никакой жизни, никакой любви
и никакой судьбы... без вариантов!
Но как долго может болеть сердце? –
чтобы простить всё
и не судить всех... Почему же,
кто ответит, почему и зачем –
небо по-прежнему голубое?
Непреодолимое небо,
но какая неопалимая мечта!
Так, первыми в массах
ослепят поэтов,
которые ничего не обещали,
но всё же – не успели.
То ли слепое небо над зимней землёй...
То ли слепая земля под зимним небом...

МИКРОИНФАРКТ

Не злите!
Да не пугаю же – прошу:
не злите меня...
я – готов.
Злость,
от которой не откупишься золотом.
Злость,
после которой только зола.
Злость,
которая шквальными залпами,
для которой нет зова совести
и которую не смиряет заутренний звон.
Не тайный званый обед –
злость!
И кратчайшее для неё –
месть.
Не злите! – если просто и по-людски...

Но за саранчой охотой вспугнутых фактов
разгулялись такие лихие козлы,
разыгрались такие лешие козни...
И тошно,
до чего же тошно душе!
Словно алкаш-оборванец...
жмётся
к битому-гнутому позвоночному столбу.
Как же плачется ей...
А плачется – как? –
если высохло всё –
до донышка,
в солончаковую язву...
если высохло всё –
в труху,
беспросветно,
в аральскую пыль...

Слово!
Есть же неопалимое слово!
И прошу я у осени...
у осени – единое слово!
Такая жизнь,
будто нету травы,
ни воды, ни деревьев...
И не докричаться уже
ни до любви, ни до веры,
ни до надежды.
Но приходит ласковая осень –
как предвечное милосердие!..
Мучаясь и терзаясь в своей искалеченной наготе,
давясь рыданиями всухомятку – без единой слезы,
судорожно цепляется душа
за гнутый и битый позвоночный столб.
А рядом – по-сиротски болтается
то ли сорвавшимся маятником,
то ли колокольцем под дугой –
сердце.
Я его ещё прикрываю ладонью.
Но не злите,
просто не злите меня.
Если нет ни единой слезинки,

распалается в плаче душа.
Обворованный до белых рёбер,
я отыщу в себе последнее слово.
Мой народ!
Что со мной?
Я – один.
И сбываются пророчества,
все – сбываются.
Бессмертные вожди развенчаны.
– Навечно?
Великая Россия величием расперекалечена.
– Навечно?
Обещанное тому назад будущее разобещано.
– Навечно?
Бессмертные души изувечены.
Навечно?
И что слово? –
золотое петушиное слово...
А дети?
Где дети? –
целый народ детей...
Те, что есть, –
не они наше будущее.
Мы – их будущее:
старость, пенсия, одиночество
и привилегия
на проезд в общественном транспорте.
Но здесь пробегала...
где же девочка Ника?
А её изнасиловали.
Потому что была она
лёгкой памятью,
светлячком,
приветом с утра,
удачей на весь долгий день...
и всей своей статью она обещала
обернуться счастливой красавицей.
Поэтому – её изнасиловали.
Последний, задёргивая змейку на джинсах,
сплюнул – попал на бедро.
И пошёл, оттопыривая задницу

и циркулем расставляя кривоватые ноги,
привыкшие к мотоциклу.

Вот теперь-то и кажется:

всё.

Всё кончилось.

И ничто не происходит,

и не случается ничего.

Даже для газетной саранчи, затмевающей свет, –
ничего... просто будни.

Даже для самой тщедушной надежды –
хотя бы каплю,

но нет,

ничего.

Разве что осень...

Возведёт Милосердная Осень

на костёр распалённой души,

откроет, как складень, окно:

– Вот твоя вечность.

И целая ночь.

Оттоскуй, оттокуй,

отпусти-ка себя

на все четыре стороны.

Я благословляю тебя.

– Да не то это, Осень, не то!

Прости –

и падаю на колени

перед твоей великолепной свободой.

Но куда мне?! –

если сегодня,

сейчас

страшнее войны –

человечья красота

обесчещенная в подвале пятиэтажки –

и в нас,

в каждом-разном-всяком-любом...

потому что война – расчёт на часы и минуты...

а это?

Хватит ли жизни? –

если и злость

исходит мычаньем и плачем,

а в сердце – так – рвануло...

ЗИМНИЙ ПЕРРОН ПЛАТФОРМЫ №127

Эта ночь

чёрным айсбергом

откололась

и развернулась перроном

полустанка под номером...

Холодно. Пусто. Темно.

В фольговом пространстве

потрескивают снежинки,

соскальзывая во всеобщее

чёрно-белое бытие.

И стержозными розами

разрастается ужас зимы.

Так земля прокалена морозом,

так глубоко глуха...

С чирканьем спички о коробок

сдвинулись серые кубики –

целый квартал...

будто в колючей соли

по самые бельма окон.

Мёртвый стук –

за выступом выступ –

ледышкой след –

с железной лестницы...

И нищенски безнадёжной,

никчёмной мелочью кажется

оставшаяся за пазухой жизнь.

Что потрачено, что потеряно,

что сквозь пальцы...

А что нажито? – Ночь.

И плачет на сквозняке

незапертая дверь:

там – зал ожидания.

ОДНАЖДЫ...

однажды потеряли
и не бросились искать
перекапывать землю
допрашивать очевидцев
ворошить ветхозаветные
и новодельные книги
но ведь – потеряли
выпал птенец из гнезда
рубин из короны
улетучилось нечто
а пропало гораздо больше
незаметно неслышно
и вроде бы неощутимо
и оказалось
припомнить кое-что можно
и наверное проще
чем искать перекапывать ворошить...
народятся снова птенцы
и корону – можно выковать снова
и придумаем что-нибудь
но однажды – потеряли
не бросились искать
а найти – ничего не нашли
и не обрели
ничего

ОБРУЧЕНИЕ С РОССИЕЙ

Поэма

*Россия! родина! те, кто любил тебя, жил
тобою, верил в тебя, знали ли они от тебя
что-либо, кроме муки? За муки любили, чрез
муку верили, но и когда колебалась вера,
когда бросали они тебе в лицо горечь плача
и желчи, они знали, что для них нет жизни
вне тебя, нет родины, нет обетованной
земли, кроме тебя, Россия, нет скинии
завета, кроме сердца твоего, святая Русь!
И отчаиваясь в тебе, в себе же отчаивались,
произнося приговор над тобой, себя судили.*
С.Н.Булгаков

...в кромешном зареве напророченного будущего
и в облезлой роскоши будущего наобещанного,
в дымной и едкой гари будничной суеты,
во всплывшем и разметанном прахе истории,
в первом встречном, отшатнувшемся от обочины,
в осенней любви, обернувшейся оглушительной болью,
в надеждах, превратившихся в мучительные сны,
в разбитом храме и на тонущей дороге,
в задумчивом лице всё ещё маленького сына...
снова зовёшь.

Этот зов
невысказуемо таинственно
связан с тёмным током крови моей.
Эта невыразимая тайна в душе – двуедини:
она – образ дерева, восставшего среди ровной долины,
и она – взрыв в мириады осколков, взрыв горя и боли...
В провидении этой заморочной тайны
я тот ещё Китоврас,
не спасовавший перед загадками царя Соломона.
Но к чему мне чужие хламиды золотого шитья?
Ни к чему и священные писания всех мастей,
извратившие историю, изовравшие Слово...
И кто я – на пыльной площадке
нынешнего беспредельного театра?
...или странник в поднебесной юдоли?

или герой, пробившийся на Млечный Путь?
или нищий в переходе под перекрёстком?
или замешкавшийся в поздний час прохожий?
или вор, застрявший между вагонами рожденья и смерти?
или опять и опять приговариваемый поэт?
или ночлежник, которому с утра куда-нибудь на работу –
до вечера, чтобы когда-нибудь достойно умереть?
.....

И я не понимаю Тебя,
как, наверное, себя не понимаю.
Не понять себя – ошибиться в таланте.
Но Тебя не понять – ошибиться в судьбе.
Так что же? – если зовёшь...
Снова мученичество? Снова предательство?
И снова Крест – один на всех?
И Твоя всевышняя скорбь по необходимой жертве...
И Твоя божественнейшая слеза в чистом небе...
И молчание Твоё –
в ответ на последний вопрос:
– ...для чего Ты меня оставила?

Пусть так,
Ты начинаешь действие
и снова – зовёшь.
В действе – как обычно – нужна
последняя торжественная жертва.
В действе Твоём необходимо Слово.
Но и Слово – без жертв не бывало.
Во всём Твоём протяженье в пространстве,
во всех Твоих завтрашних днях
тянет запоздалым осенним дымком,
мерещатся весенние зелёные сны –
и пахнет кровью.
В судьбе очередной последней жертвы
не будет ни одной Марии,
не будет ни одного апостола:
судьба иссякла.
Но кто-то скажет Слово,
якобы – искуплённое и якобы – навсегда.
А Ты? Что будешь делать Ты?
Дальше куда и кого Ты позовёшь?

Мы падаем по сторонам, как подкошенные:
не выдержало сердце и, всхлипнув, рвануло,
лопнул нерв, вытягиваясь по беспределу,
рассудок осыпался на разгулявшемся зыбуне...
или куда как проще – сам себя приговорил – и точка.
Но падаем мы – вперёд, куда указуешь или зовёшь Ты.
И мученья не кончатся. Предательство останется верным.
А за плечами – вечный Крест.
Да, я одинок, но не один среди всех Твоих прочих.
И колоколов не будет. И новой Пасхи не будет.
Просто в терзаннях и суете
сгинет ещё какой-то миллион душ «во искупленье».
А ты пропишешь народившемуся поколению
Слово назиданья, урока, завета,
обложив его виньеткой из наших полустёртых имён.

Ты меня испытывала? Так почему же не испытала?!
Ладно – смерть, ладно – ссылка в беспамятье.
Но этому ж нет названия!
Я – всего лишь единица,
с которой начинается миллион.
Да, я – одинок, но не один.
Твой автобус, битком набитый, не раскроет створок своих
и – мимо...
мимо промокших, промёрзших, прождавших...
Твой скорый поезд, погромыхивая пустыми вагонами,
не остановится на минуту
и – мимо...
мимо измятых, исплакавшихся, изуверившихся...
Здесь, за углом, гражданку в очереди задавили:
несчастный случай... неподсудное дело... мимо! мимо!
Ты не считаешь своих бомжей,
Ты не считаешь своих нищих,
Ты не считаешь своих калек... –
мимо! мимо! мимо!
Ты не оглядываешься по сторонам.
Всё так, ведь ещё не миллион.
А Тебе разве внове расплачиваться миллионами душ?

Какая вечная слава...
Твои Владимирсы оправдывали в деяниях

и оправдали посмертно своё имя.
Они без налогов и дани,
без пошлин и привилегий
владели умами и душами –
и всем миром тоже владели.
Твои святые Владимирсы оправдали своё имя.
Но что оправдывает Тебя в их судьбах?
Кому культ, кому пуля, кому водки стакан...

Какая долгая память...
Ведь 34 года парни с танкера «Туапсе»
ждали, плен на Тайване перемогая, что вспомнишь о них.
Что ж, дождались. Вот и вернулись... вернулись?
чужие в родной стороне, словно без роду-племени, глухо,
словно тихая страшная язва в одном из Твоих закоулков...
Но они-то – всё же вернулись... живые... и может, поживут.
А сколько ж мёртвых пропало без вести
в Твоих провалившихся могилах...
до сих пор никуда не вернувшись.

Какое великодушие...
Нет, мы уже не голодные, но как же алчем...
И отнюдь не раздетые, но до чего же голые...
Упившись обещаньями свободы,
погрязшие в воровском демократическом опупее,
ослепшие и оглохшие от ТелеВранья...
не находим ни покоя, ни места –
ни дома, ни в себе.
И разбредаются, сиротствуя, по городам и весям
Тобой отринутые, Тобой отброшенные
Твои окаянные дети.
А в чём же их окаянство?
Да лишь в том, что не они – в сторону,
а Ты – мимо.

Какое высокое достоинство...
Быть обманутыми – так до дураков,
быть обобранными – так до нитки.
Ведь тебя хватало на мир,
хватало на Космос и Африку
и не хватало на всех нас по-одному.

И нас проклинаят русскими,
нами пугают детей.

Какая цель? – Будущее.
Какое будущее? – Светлое. Столько света...
Ты ли это? – распускающая радужные пузыри...
Сколько света восстанет из пролитой крови?
И что за цель? – если путь к ней пролёт
через слёзы и кровь, через жертвы и лагерный прах
и через души – чугуном катком...
Было... мостили дорогу черепами – в будущее!
Было... красили кровью линиялы кумач – ради будущего!
Было... из лозунговых заборов устроили аттракцион – путь!
Сегодня – разуверившись – изуверствуем
над собой и своими детьми.
И что от Тебя останется – без нас,
Твоих всех прочих, слепленных в жертвенный миллион?
Если Ты продаёшься и за так отдаёшься
дельцам, торгашам, вора, бандитам и прочей элите...
лишь бы понахрапистей и половчей,
чтоб без совести и чести,
без стыда и подобных мороков души.
Страшной музыкой землетрясенья терзаются души:
то ли разверзится конец белого света,
то ли вся планета рождается заново,
то ли, взбесившись, козлища сошлись на ристалище...
Что стало с телом Твоим святым? Что надумала породить?

...Но в Твоём действе требуется новая,
но в действе потребуется свежая,
в действе потребуется кровь...
на каждый миллион по миллиону?
и сверх того миллион?

Возродись в себе!
Не надо уроков, назиданий, заветов...
Покаяньем умойся перед каждой травинкой своей.
Потому что в душах, пока ещё не убиенных,
поцелуем Твоим величальным ещё не закланных,
в душах этих – как в храме лесном:
наивысшее творчество – Твоя красота,
наивысшая правда – Ты.

...и даже согнувшись в погибель,
берегут возле сердца тщедушный огарок,
что Ты... да, что Ты ещё не начиналась –
и до чего-нибудь можно дожить.
...Сквозь перегнившие листья и серые снега
поднимутся свечи, как белым-белый свет.

Перед горящим синим огнём судьей –
перед восставшею совестью своей
я Тебе отвечаю: – Да.
Я – единица,
крайняя слева,
на которой кончается миллион.
Я знаю: каждый с Тобой обручённый – обречён.
Так было.
И я обручаюсь с Тобой
кольцом изгнаний Твоей страдальицы Марины.
Я обручаюсь с Тобой
кольцом терзаний Твоего мученика Бориса.
Обручаюсь с Тобой
страшным кольцом Твоего светлого Сергея.
И ничего не прошу, и ни за что не спрошу...
только сына оставь в его светлой свободе,
даже если он станет
окаянным Икаром.

И СНОВА...

И снова – как во времена былые,
пусть не былинные,
но определённо бывшие, –
изогнувшись во всю худобу,
чувствую остриженным затылком
шершавость неструганного дерева...
А в глаза – ослепительный блеск:
то ли солнце – в полдень – перед грозой,
то ли прожектор – с вышки – в полночь

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

Я вспомнил вчера
вечером – ненадолго
метнулось пламя свечи
потрепетало
и выстроилось вновь
Сегодня я вспомнил
и уже не забываю
под мерные капли
из подтекающего крана
под шуршанье песчинок
в монастырских часах
под оглушительные удары
очнувшегося сердца
И завтра я вспомню
и вспомню навечно
уходя возвращаясь
но уже не надеюсь
ни на когда
разве что – вечность
здесь и теперь

ДЕРЕВО

Было или не было, гадай – не отгадаешь... Но вот сегодня... или
вчера... – случилось. Случилось с деревом. А почему-то кажется, –
с нами.

Дерево стояло в углу старого двора.

Шло время. Потихоньку разрушались и ремонтировались дома.
Уходили и чаще всего не возвращались люди. Постоянных жильцов
оставалось всё меньше и меньше. Но был угол старого двора, облуп-
ленный кирпичный забор, и стояло дерево.

Когда-то под деревом вкопали скамейку. Но те, кто сидел на ней,
выросли или безнадежно состарились. Да и сама скамейка развали-
лась, превратилась в рыжую труху.

Когда-то к нижней ветке дерева привязали качели. Но шло время – и
дерево вытянулось, а от качелей остались темно-серые обрывки верёвки.

Со временем как-то незаметно в этом углу образовалась под дере-
вом свалка. Мусор сюда выносили по темноте, поэтому никто не знал

виновников, даже старики, страдающие бессонницей. Но все возмущались. Одно время с этой свалкой боролись, а потом притерпелись, – и она сама собой как бы узаконилась, превратившись в пыхтящее чрево.

А время шло и шло. Куча мусора смачивалась дождём, прожаривалась солнцем. Снег даже самой щедрой зимой не мог полностью покрыть раздувшуюся кучу: она пыхтела, испуская тепло, а по ночам в ней что-то ещё и светилось.

И росло-матерело дерево. Давным-давно позабыли породу его, потому так и звали в случае нужды по мусору: дерево... отнеси к дереву... выбрось под дерево... Оно было единственным в старом дворе... да и во всём квартале, пожалуй.

К свалке вплотную пристроились гаражи. И дерево жило, питаясь погодой, остатками мазута, бензиновой гарью и жижей гниения, накопившейся под кучей.

Было или не было, но однажды и, конечно же, ночью... никто не знает, сегодня или вчера, а может быть, и гораздо раньше, но – случилось: дерево вздрогнуло... не от удара топора, не от подземного толчка и не от неожиданного шквального порыва. Дерево вздрогнуло само по себе. Внезапно, как если бы от корней и до самых тоненьких веточек кроны пробежал озноб животворного родника. И в этот миг дерево ощутило себя, целостность своей плоти и почувствовало пространство вокруг себя. И поняло: оно есть, существует, живёт. И это было первой мыслью, и это было самым главным и решающим.

Чуть погодя, когда озноб унялся, а мысль никуда не исчезала и не растворялась в молекулярном шорохе жизненных токов, дерево вспомнило, что оно существует давно, что оно не только есть, но и было. И дерево вспомнило, как последние годы напрягалась его плоть. Сейчас, откликаясь на возникшую мысль, плоть словно бы облегчённо вздохнула, освобождаясь от собственных уз и уже подчиняясь новой силе. Всё, что накопила плоть в своих медленных ощущениях за долгие годы, переливалось во вспыхнувшее, как первая вечерняя звезда, сознание, превращалось в мысль.

Дерево не стало углубляться в воспоминания. Без рассуждений и умозаключений оно сообразило, что память будет работать вечно и верно, питая мысль. Но взялось дерево осваивать то, что больше всего потрясло, – своё сиюминутное естество.

Дерево попробовало мыслью свой ствол, свою плоть. Раз, другой, потом ещё и ещё. И с какой-то попытки дерево почувствовало, что ствол и ветви медленно, но с каждой минутой всё уверенней подчиняются мысли, почувствовало, что плоть, раскрепощаясь, очень скоро обретёт новые способности.

...И тогда дерево обратилось к корням. Они были гораздо послушнее и словно бы ждали момента, когда родится мысль. Так дерево испытало первую радость.

И обратилось дерево к своим листьям. Мысль распространилась в них стремительней жизненных соков. И, занятое собой, дерево только сейчас заметило, что прошёл спорый дождь, который погода принесла откуда-то издалека, странный, с резким, обжигающим привкусом, таких дождей здесь раньше не бывало. Но дерево не обеспокоилось, потому что в дождевой влаге чувствовалась необходимая сила.

На движение мысли ветки и листья ответили общим трепетом, и над блестящим мокрым асфальтом старого двора колыхнулся ветерок. Вот так... не потому шумят деревья, что их коснулся ветер, а потому ветер поднялся, что деревья зашумели согласно и мощно. Но и одно дерево...

Нет, дерево уже слышало и чувствовало, что оно не одно во всём более открывающемся для его сознания пространстве.

Листья затрепетали, разворачиваясь в разные стороны, как чуткие уши или ладошки, и дереву открылась ошеломляющая бездна, полная запахов, звуков, нервных токов. В суете впечатлений ещё предстояло разобраться, а пока дерево на несколько минут замерло, впитывая насытым сознанием опьяняющий хаос подробностей.

Но где-то далеко... или совсем близко, рядом... хрустнуло... тревожно и даже болезненно. Звук не продлился – оборвался, словно обломился. Но успел долететь до листьев дерева, а они успели донести до его разрастающегося сознания. И зародилась первая печальная мысль: что-то случилось... но – что?

Ночь была насыщена звуками, как земля каплями дождя. Но словно первая печаль одарила и первой мудростью: нет, это не хаос. И бездна подробностей прояснилась: звуки существовали, длились, сталкивались, переплетались в безграничной, всеохватывающей музыке. И повинувшись пульсации мысли, листья обратились к небу, сучья растопырились, расширяя крону.

...Звучали тучи, уносившие недавний дождь, звёзды, еле видные из-за подсветки ночного города, звучал лунный свет, рассеивавшийся над фонарями.

Но звучала и темнота между звёздами...

Музыка пронизывала пространство во всех его подробностях. Прислушавшись, дерево поняло, что и его бытие каким-то образом вплетено в свершающуюся музыку.

...словно много-много деревьев, очнувшись от безмолвия, пело единую песню. И дерево почувствовало, что оно может быть большим, великим, охватывающим пространство. Но может быть и мельчайшей частицей, несомой безмерным потоком музыки в жизнь иную и не здесь.

А какая иная жизнь и где, если не здесь? Здесь – послушные мощные корни, здесь – ветви, полные животворных соков, здесь – чуткие листья и здесь – мысль, распространяющаяся по всем клеточкам плоти.

Так появилась у дерева опора в самом себе. И, отвлекшись от ночи, оно сосредоточилось.

Затихли листья, напрягся ствол. Дерево снова обратилось к корням. Да, корни были сильными и послушными – и ждали. Они готовы были действовать. И дерево стало вытаскивать корни, разворачивая кучу и спугнув забредшую на промысел кошку.

Корни выпрастывались, клубились в поисках опоры и цепко упрочивались, отыскав трещину или выбоинку. Только мелкие корешки дрожали во влажном воздухе.

Высвободившись, дерево двинулось на забор. И забор развалился. Под хруст кирпичей, треск досок и скрежет гвоздей, выползавших из своих ржавых гнёзд, дерево двинулось на улицу.

Неуклюже переступая, покачиваясь, дерево направилось к перекрёстку, где было больше света. За ним на асфальте оставались длинные грязные следы. Ни птицы, ни человека не было в эти минуты на улице. Да дерево-то, сосредоточенное на собственном движении, и не заметило бы ни текущей толпы прохожих, ни стайки суетливых воробьёв.

Дерево уже не обращало внимания на гаснущие и нарождающиеся звуки. Листья его мотались, бездумно лопотали, потрескивала кора. Дерево сосредоточенно работало корнями, двигалось медленно, но двигалось и двигалось. А на перекрёстке остановилось – словно бы для того, чтобы перевести дух и оглядеться.

Один из углов перекрёстка был глухим забором, и дерево направилось к нему, как будто это был всё тот же забор, который совсем недавно развалился под его первыми шагами. Нет, дерево ещё не знало инстинкта ненависти. Но что-то всё же было, что толкнуло дерево на этот забор. И забор, хотя и был глухим, высоким, крепко сбитым, не выдержал и рухнул по всей длине, согнув свои трубы-стойки. А дерево без задержки шагнуло дальше и нащупало корнями кучу.

Это было нагромождение мокрых, корявых, грохочущих предметов с режущими краями. Но дерево упорно пробиралось к земле всеми корнями своими и, достигнув земли, стало утверждаться. Внедряясь в землю, корни впитывали по пути рассол, образовавшийся под кучей после дождя. Вкус его был необычным, он редко попадался в старом дворе. Но сейчас оказалось, что он жизненно необходим, потому что был вкусом железа.

Утвердившись, дерево успокоилось. И сосредоточилось.

В МОЛИТВЕННОМ СВЕТЕ ЛУНЫ

В прожитом дне и в нарастающем беспределе,
в моей расхристанной,

от меня отчуждённой стране,
в моей потерявшей родине –

я ищу Бога.

Как найти?

Ни дорог, ни следов, ни души,
кроме тщеты и печали,

кроме страха –

и памяти,

которая больше и жизни, и смерти, и вечности.
Ничего не хочу.

Ни о чём не прошу.

Никого не зову за собой.

В пустоте окна – ночь засвеченной плёнкой.

Стираешь муть и туман,

но из-под ладони – ночь.

Ночь...

Мрак неотвратимого забвенья

или мрак библейски обещанной бездны?

Темень властных замыслов

или тьма прокурорских причин?

Бесполезно...

бессмысленно вопрошать ночь

или шептаться с морозящим дождём.

Ночь – только ночь – просто ночь,

как тогда – как всегда – как сейчас...

Ночь – молчаливый спектакль

тёмных, как тени, вневременных пилигримов.

А спектакль-то – вознесенье молитвы.

Но слово о вербном свете

иссякает,

не успев возрасти и распространиться.

И за рампой медленно остывающей сцены

всё так же:

провал, мрак, глухота

и страх –

до изнеможенья, до смертельной усталости,

до истерического хохота синегубого Мавра...

и детского плача –
на спасенье ли, на гибель души?..
Может, веры и больше...
Но всё меньше надежды.
Надежда мостиком – через...
не получается!
Что останется после избытых надежд?
И жить, отрекаясь от своих поэтов...
Но у поэтов нет грехов за душой.

.....
И оглядываться некуда...
Чуть ошибся...

да просто устал
и ошибся –
и только всхлипнешь в расплате
на строке, обернувшейся лезвием.
И чёрные эфемериды сгоревших страниц
не затмят памяти, но и света не прибавят.
Всё так.

И вся жизнь как урочный час,
когда на душе остаётся молитва –
только молитва,
одна молитва
к Богу – о Боге и родине.
В молитвенном свете луны
романтика обернулась троянским враньём.
И в узких окошках заветных воспоминаний
задёрнуты рваные тюлевые гардинки дождя.

Когда-то была весна,
а сегодня –
прожиты сутки.
Всего-то сутки, а кажется –
такая тяжкая и бессмысленная жизнь.
Нет, я не устал ни жить, ни искать,
ни скручивать строчки.

Но молитва ушла.
Я с утра её вспоминал,
пристально вглядываясь
в рассобаченные подробности мира,
в которых бесследно растрачивается
моя потерявшаяся родина.

И жизнь не отмолил,
и смерть не приветил.
Но луна...
Ах, луна...
гениальна – как точка
перед восходом утренней звезды.

ЭТОМУ НЕТ НАЗВАНИЯ

Газеты слетелись на моё пепелище:
так, что-то отыщется...
ага, что-то выявится...
Может, в горячем прахе –
среди дымящихся головешек –
да вдруг разоблачится первопричина,
оправдывающая беспредел? –
а в неё безотлагательно поверят
и вздохнут облегчённо...
А осень-то, осень –
как вода в стакане,
просвеченная синим лучом.
Но разматывается клубок...
разматывается всё,
что напряли времена прошедшие
и что наплели сегодня.
Вопросы голы,
как деревья ранней весной.
А ответы – хуже разорённых гнёзд.
В прорехи гнезда протягиваются дымы.
Дымы протекают в зигзаги трещин
златоликой Веры с Дитём на руках,
недавно открытой в углу –
как неожиданное наследство.
И Лидице – в каждой памяти,
и пепельные Помпеи – в каждой душе...
И по углам мнится-мерещится...
припоминается...
припоминается всё ещё то будущее,
не состоявшееся, не сбывшееся и не явившееся
ни в один из вчерашних дней:

чтобы рассчитаться сполна
и навсегда
за Байкал, за Арал, за Печору, за Север...
за кровь, напитавшую землю,
за жизнь, которая вроде обглоданной кости.
И мечемся,
хоть святых выноси –
во спасенье души, а с нею – России.
Выноси!
И бросились по углам.
За углами искали.
Перетряхивали закоулки,
рукавами стирая плесень, сопли и пыль.
Тихо плакали,
шёпотом звали,
молили и заклинали...
Но – никого!
Кто продан... кто предан...
кого – за бугор,
кого-то – на свалку,
и в лицо не узнать,
и не нащупать могилы,
ни словечка –
и образ стёрт.
Нет людей – и нет времени.
Пробросавшись талантами и поэтами,
шебуршимся в многоэтажной куче,
запутавшись друг в друге,
потерявшись в несостоявшемся будущем,
осовев в долгах по долгу...
между Нагорной проповедью
и Уголовным кодексом...
Ищем друг в друге воров и врагов...
и не находим России
даже у себя под ногами.
В истории меньше всего осталось России.
Королевство Бенин помнят лучше.
А что от России в каждом из нас?
Ведь никто же не остров! –
так почему – не собрать,
почему – не собраться?!

Девятиэтажки – в стиле «баракко»,
но каждая – даже не ноева барка...
Мне страшно, Мама:
что за судьба вокруг меня...
и во мне...
Страшно – состариться,
страшно умереть,
молодым оставаться – страшно,
но и родиться – не очень-то светит
в грохочущем дыме победы –
где бы ни было:
в Сирии, Грозном, Ираке
или каком-нибудь штате.
Мой народ!
Люди мои!
Братья и сёстры!
Из каких подземелий – со свечками...
из нор и норок, временных, но впрок...
со свечками,
от которых остались огарки...
люди мои...
не узнавая друг друга...
богомольцы или заложники...
выходим к свету?
Нет,
время – другое...
время такое...
От правды осталась рванина.
Ни хламиды, ни храма, ни верных надежд.
Герои увенчаны лагерной проволокой.
И шелест знаменательных газет
никогда не окажется шелестом знамени.
Зато шелковый плеск новых знамён
напоминает шорох бульварных газет.
Сокрушённое сердце
да сокрушённый разум –
два неизменных слагаемых
критической массы судьбы.
И какое ненасытное прошлое
совершится с нами в завтрашний день?
– Что с ним? – Убит.
– Где этот? – Сгорел... или сожгли.

испаряясь с Земли,
 тонут в вечности,
тонут в космической пустоте.
И плачет ночь,
плачет осень
вашиими невыплаканными слезами.
У народа был Усатый Отец.
Сколько душ погубил?
Но все, кто погибли,
 остались в отечестве
и возвращаются памятью,
возвращаются именами...
Распознаются стёртые строчки,
распознаются провалившиеся могилы,
и на Усатого Отца списаны
все землетрясения нашей истории.
...А сегодня?
 Сегодня-то – как?
Ведь живём,
 мы – живём.
Но куда мы идём,
отражаясь в осени детскими плачами?
И кто же мы,
 кто?! –
если ни один из этих плачей
не успокоит ласковым именем,
ни один из этих плачей
не приголубит доброй рукой...
Так о чём я,
 о ком я плачу,
скорбя и тоскуя?
Так что же гонит меня в отчаянье –
прочь с глаз людских?
– Дети! – кричу я. – Дети!

ВЧЕРА

Вчера
в часу одиннадцатом
(пожалуй, ближе к полудню)
распяли меня
на красной кирпичной стене
дома, в котором я жил –
жил и ждал сына.
Четверо – хлесткими выстрелами
пригвоздили ступни и ладони.
А пятый,
гортанно рыча матюки,
арматуриной двинул в межреберье.
Кончилась жизнь –
или только история?
Но и сегодня – я жив,
вглядываясь –
до дрожи морозной в душе –
в голубую полоску неба над улицей.
Проходили –
оборачивались на ходу
или поглядывали искоса.
Подходили –
и спрашивали, например, закурить
или улицу Народного ополчения.
А кому-то квартиру бы разменять...
Один спросил: «И давно так?»
Подошёл и какой-то федяй.
Поковырялся в межреберье
и зачем-то понюхал палец.
Я подумал: лизнёт...
Нет, хмыкнул, обтёр о штаны,
отошёл – и завернул за угол.
Задержалась старушка.
Всмотрелась в лицо,
перекрестилась на всякий случай,
пошаркала дальше, вздыхая:
мол, всё уже было,
а с этого – что ещё станет...
Я понял: ничего не случилось.

И – завтра утром – ушёл.
Не оглядываясь – и надеясь:
сын догонит
по красному многоточию...
и дальше, дальше...
по голубой полоске...

ПОСЛЕДНИЙ ИЗГОЙ

Дойдя до края,
за которым никогда ничего не было,
нет, быть не могло и никогда не будет,
я наклоняюсь к разбитым ступням,
осторожно чиркаю последнюю спичку
и поджигаю скрюченные пальцы.
Выпрямляюсь, вытягиваюсь – и жду.
Жду, когда бесноватый огонь
превратится в ровное синее пламя.
Я чист, как дерево с ободранной корой.
И дальше должно что-то случиться.
Должно же что-то случиться.

БОЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Сегодня
упав на красный диван
я думаю о своём сердце
как о Маленьком Принце
уходящем к Змее

Сегодня
сердце задохнулось
слезой –
каплей гремячей смеси...
Слеза медленно
как пуля
в мгновение
растянутом в галактическую минуту
медленно прожгла

бурую сквозную пробоину
в маленькой красной планете
прожгла от севера до юга
чтобы расколоть
расколоть ещё один атом
мироздания и человечества
моё единственное убежище
мою единственную крепость

Запрокинув голову
в медленно темнеющий потолок
я думаю о своём сердце
как о Сизифе
на минуту надорвавшимся от тяжести
ещё одной
человечьей слезы

Сердце пустеет
и затихает
словно тоннель
из которого выбегает экспресс...
как рваная рана больше ладони
испускающая с последней болью
последний глоток воздуха
последний толчок крови

Звякают пузырьки и хрустит таблетка
в чьих-то далёких-далёких руках
падает на щеку дождинка
из чьих-то далёких-далёких глаз
кто-то словно оправдываясь
смутно бормочет последние известия –
о разбушевавшемся Солнце
кто-то издали говорит
о затянувшейся бессоннице
и о внезапно раскисшей погоде
кто-то ещё говорит
и ещё говорит

А сердце пустеет
пустеет
как зал ожидания

в котором нечего больше ждать
и гаснут гаснут
лица воспоминания заботы
на непостижимой грани
глухоты и боли

Закрыв глаза
я в мыслях пытаюсь связать тропинку
воскрешаю в зрачках
степной бессмертник
птицу
стрелой беззвучно взлетевшую
в синюю полынью...
осторожно перебирая пальцами
пытаюсь ухватить тетиву горизонта...
и мне бы романтической пыли дорог
вместо целительных порошков...
я мыслю и действую
пока сердце
способно испытывать боль
может именно этой болью
я – человек

Эгоистической блокадой окружая
людей и вещи по ту сторону век
хочу снова вернуться
на проклятый сизифами склон
хочу снова родиться
проснувшись осенней зарёй
хочу вернуться –
на распутывающуюся тропинку...
что боль... последняя боль...
моё единственное убежище...
будет в сердце...
моя единственная крепость...
или надежда
на последнюю боль...
что бы ни случилось в жизни
последняя боль – в сердце...

МАТЕРЬ-НАДЕЖДА Молитвословие

После стольких зим одиночества,
горя, болезней и несчётных несчастий
я словно бы новыми глазами
оглядываю округу –
и обращаюсь к тебе:
– Не подведи,
как ты никогда не подводила.
Будем жить.
Преодолевая печали, затмившие душу,
пересиливая смертельную тоску –
будем жить, Мать Надежда,
будем жить.

Трава... зелёное половодье!
С травы начинается весна,
с травы – и света небес...
Но с надежды – начинается жизнь.
Ясноглазая – и седая...
надежда...
старше самого старого,
старше всех матерей и отцов,
старше предков,
потерянных и позабытых
в исторических переменах.

Но для надежды – нет времени,
и возраст надежды – вечность.

В допотопных началах мира
человеку слово было дано –
как путь
для совершенства ума и души.
Но раньше
обрёл человек надежду.
И всегда, и во веки веков
из всех вождей, пророков, учителей
самым необходимым
и неотступным наставником
оставалась она...

да, надежда!
А кому же ещё
поить и кормить голодающий ум,
излечивать изболевшую душу
и подвигать нас – на жизнь,
на творчество,
на дерзание?!

Умножается наша жизнь – надеждой.
Воодушевляется наша жизнь – надеждой.
Возвышается наша жизнь – надеждой.
И крылаты наши мечты,
надеждой благословлённые.
И прекрасны предутренние сны,
нашёптанные надеждой.

А сходство... единство какое
меж надеждой и небесами!
Теплом и светом объята земля,
теплом и светом небес и надежды.

Раньше я жил –
и с надеждой молился,
обращаясь...
сам не зная куда и к кому.

Но вся моя жизнь –
время надежды.

Корабль – по солнцу и звёздам,
я – по надежде.

Я, последний романтик,
одинокий печальник, братства лишённый,
посреди моей грешной,
но родимой земли...

Время – ничему не научило.
Время от молодости не излечило.
Время всё превращает в прах.
А надежда... и души, и жизнь возрождает,
поднимает на ноги

и ведёт...
и дорога – хоть Млечный Путь!

Надежда – не обманывала – никогда.
Но как часто сама обманывалась
Мать Надежда,
обнимая своих непутёвых детей...

Добрые руки её
отогреют птенца,
отогреют промёрзший пригорок
и захолонувшее сердце
отогреют.

Никогда не приходит –
как старость, весна или гость ночной.
Никогда не случается –
как любовь или гроза в ясный полдень.
Никогда – внезапно –
как озарение в трудной работе.
И не снисходит –
как жалостливая забота.
Но всегда – просто есть она,
Мать Надежда.

Все слёзы и горести
ты берёшь на себя,
Мать Надежда.
В каждой радости
улыбаешься – ты,
Мать Надежда.
И раскрываются города,
и раздвигаются горизонты...
и новорождённого крик,
и первая песня скворца...

Вот и дышим, и ждём,
и собираемся в дорогу,
и закладываем первый камень –
всё во имя твоё,
Мать Надежда.
Да, мы все – твои дети.

БАЛЛАДА О ПРИЮТЕ

По мотивам стихотворений Е. Дымарской

Уходя от зимы, от одиночества,
отогревая душу воспоминаньями,
я несусь за пазухой горстку слов.
Время... Тоже мне лекарь!
Просквозило насквозь –
и замерли, замерзая, слова.
Но – есть приют. Я слышал о нём –
в каком-то столетье,
в какой-то стране...
Есть, есть приют! Мне б калитку найти.
Я открою калитку, шагну –
передо мной зачарованный край.
Край – пространств окончание?
Край – каёмочка на земном блюде?
Край – конец дорогам и дальше ни шагу?
Нет, этот край – чудо, зачарованный край.
Я по жизни чудес насмотрелся:
чудеса подлости и вдохновенья,
задушевные признанья и сплетни, слухи и ложь...
и боль была – долгая,
как волчий вой в зимнюю лунную ночь.
Всё смешалось и перекипело.
Из-под серого пепла прожитых зим
ещё прорастают надежды...
Этот край – чудо, зачарованный край.
Край, в котором нет горизонтов.
И здесь другие стороны света.
В небо – с дюны – легко – шаг шагнуть.
С неба – на море – по волнам – вприпрыжку.
И на берег – под сосны – в пьяный смолистый дух,
чтоб отдышалась душа
и восстановилось сердце.
А потом – не спеша – от берега – в город,
где за широким и светлым окном
медлительная хозяйка, добрая, как молоко,
уже воткнула в вазу разноцветные перья
и внимательно заваривает кофе.
...Над чашкой чёрного кофе
отогреются, повеселеют слова –

и расскажут... если с ума не сойду.

.....
Так где-то же есть этот приют?..
Не случайное же наважденье?

СОН О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Мне давно не снятся стихи,
чтобы легко – как ласточки
и долго – как летний день.
Но изредка снятся странные сны:
приключения в тяжком потоке,
когда водная тьма подступает под сердце...
выше... выше...
но и спасаюсь – водой...
то ли вброд, то ли в утлой лодчонке –
распутав лабиринты тюремных подвалов
и какой-то холодной квартиры,
полной пыли и паутины.
И вот я спасён. И вокруг –
зажатый заборами маленький дворик,
поросший сиренью и вишенником...
Но всё чаще и чаще – под утро
я вдруг – как с Луны – оказываюсь
на лестничной площадке
воскресшего в памяти дома –
и голос: – Это ты. Я знаю.
Но где же ты пропадал так долго?
...И не могу проснуться,
пока не дрогнет, сбиваясь, ушибленное сердце
и не растворится в боли тревожный сон.

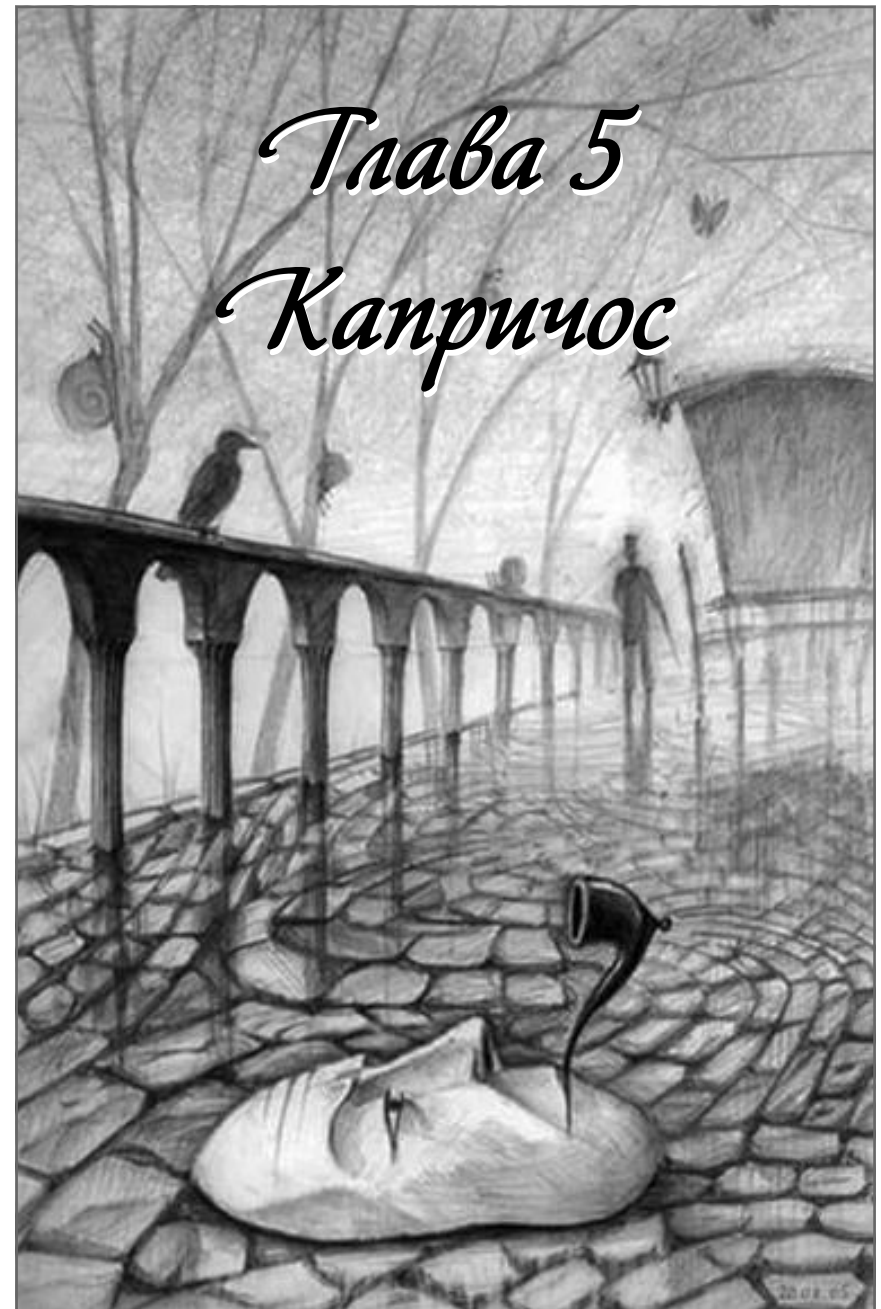
ЕСЛИ...

Если затуманились в сознание
звёзды юности и царственного августа,
если с крутых боков каравеллы
волнами слизана славная позолота,
если устала дорога терпеть
твой ненасытный поход,
если из уст в уста разошлись

слухи о твоей подзаборной смерти,
если даже Господь до сих пор не решил
оторвать твою душу от изношенного костяка...
ты – снова и снова –
из всех великих уроков и поучений,
из всех подробностей бытия
выбери слово,
и пусть этим словом будет:
– Люблю.

* * *

Так что же скажу я вам? Что – отвечу?
Немного. Но всё же утешьтесь.
Сердцу горько в слезах, но теплее.
Зато как мы беспечны в радости...
вот только душа – как осиновый лист
на случайном... на нечаянном сквозняке.
Не надо, не плачьте.
Ни себя не оплакивайте, ни меня.
Время сокращается скорее шагреновой кожи,
хотя ни в одной золотой песчинке его
нет ни одного сбывшегося желанья.
И скоро, когда меня не будет близко,
а в нынешнем городе даже квартал
превращается в лютое космическое расстояние,
всё у вас будет тихо и хорошо –
без моих неряшливых слов,
без смешных астрологических прогнозов,
без выскальзывающего подтекста,
без надежд... таких... как букетик бессмертника.
И снится вам будут – только ангельские сны.
И утро будет весёлым, как брызги воды.
И в полдень увидите солнце даже в зимнем дожде.
И вечером лампа будет светить... как свеча –
так же тихо и хорошо...
Любил ли я? Не знаю.
Ни моё одиночество, ни бессонница
не говорят мне ни слова: молчанье и ночь.
Утешьтесь: вам жить и любить.
А мне – печалиться,
что опоздал и уже не дожил.

БАЛ ПРЕЗИДЕНТА

Поэма

Первым президентам СССР и России

...всё не так, ребята! (Владимир Высоцкий)

Вот так и живём.

1.

Ах, сколько побед, достижений, свершений!
Вчера – блистательная история великой державы,
а сегодня... к той же истории
счёт в полный рост.
Все наши победы – страшной поражений.
Но после забойной попойки в застое
кто-нибудь непременно берёт верх
и сразу же славится.
И страна уже корчится
в очередной непобедимой победе.
Кто победил?
А кто победил?
Головой потрезвей,
душой половчей
да обличьем не хмур...
А мы и не заметили, как припело,
как обвалилось на нас
время торжествующего бала.
Бал так бал.
Зажигайте свечи,
выше поднимайте люстры...
В тёмных углах воскурите
ароматические палочки.
В соседнем зале –
накройте шведский стол.
А в кабинете –
организуйте столик под зелёным сукном.
И пусть будет бал –
как высшая мера для всех неверных.
Президент – правит – бал.
Ещё пошумливают народные депутаты,
но протоколы отшелестели.

Почему-то икает народная масса,
но уже объявлен Закон.
И Президент – правит бал.
Ооо, кто не умеет мечтать,
тот всего лишь позавидует,
как – Президент – правит – бал:
щедро, без счёта –
широчайшие обещания,
миллионы рукопожатий –
на экране и за экраном,
миллионы конвертируемых улыбок...
Но не те загораются свечи,
не те.
И как-то не так отражаются их огоньки
в словах и глазах
такого разного,
но просыпающегося народонаселения.
Да что эти свечи и те огоньки,
если бал есть бал.
А вот и люстры не те почему-то:
ни лёгкого дробного звона,
ни сияния горного,
ни масштаба,
хотя...
вроде всё, как всегда,
вроде всё, как всегда,
но и вроде как будто бы их уценили –
и не нужны никому.
Но ждём,
как ждали в веках
звона Ивана Великого...
когда над Россиєю солнце
проваливается,
словно бы в чёрную дыру.
И нет для России солнца,
кроме пятен на солнце.
Но бал-то есть бал.
И должен быть бал!
Даже если углы,
пропахнув сталью, порохом, кровью,
сдвигаются, торосясь,
и обрушиваются – за валом вал,

словно страна,
обеспамятев,
пожирает себя.
Пока Президент правит бал,
сколько заклано будет...
Ведь кто-то ж решает нас –
в плановую убыль да в естественные отходы.

И что нам,
зряшным, негожим, сопливым, в коротких штанишках,
какой-то там шведский стол...
нам,

наконец-то дождавшимся бала?! ...
должны же мы быть счастливы?! ... –
когда так азартен наш Президент...

ох! как же азартен он –
как азартны огни фейерверка
для сидящих на каком-нибудь поднебесном этаже.
Пятнадцать карт на зелёном сукне,
15 карт!

И пусть будет бал...

Пусть будет бал!

Как наивысшая мера для всех неверных...

Но не пляшет Россия,
не вытанцовывается Россия,

как ни пытайся её разыгрывать.

А Президент правит бал.

Ему кажется...

да он абсолютно уверен,
что у него в руках – необходимая дудка...

Но нам-то уже не хочется

да и не можетсся нам
делать вид, что мы – с восторгом пляшем.

2.

Тысячелетняя свеча трепыхнула мятущимся огоньком –
и на облезлой стене проявился полустёртый Лик.
В горестных глазах – застыли кровавые слёзы.
В горестных глазах – темень и блеск варфоломеевой ночи.
В горестных глазах – печаль и сострадание несказанные.
Выплывает Лик,
как из омута –

из осатанелого невежества нашего.
И не спросить ни о чём –
вот как бы покаяться миром...
И умолить нечем нам –
вот как бы ответить... да каждому...

И свечи... свечи... свечи... свечи...
Словно сквозь рубище прорывается,
трепещет и высвечивается

горящая,
многострадальная,
исперекалеченная

душа России...

Открывшимися крестными ранами
распаляются свечи.

На площади свечи,
чтобы мёртвые помнили нас

и простили бы – как смогут.
И по толпе, затопившей росстань,
по толпе,

сплотившей души, оттаявшие до слёз,
дрожащими цепочками,
безмолвными надеждами в печали и скорби –
свечи... свечи...

Поминаем вроде бы не воителя –
старика, заику, исстрадавшееся сердце –
но мятежную совесть,
но Слово...

а перед могилой –
до мёрзлых слёз ужаснулись:

поминаем-то, оказалось,
себя,

едва протёрших глаза.
И надеясь на очищенье,
на возрожденье,

на покаянье надеясь,
просим только: – Прости... –
и зажигаем в пригоршнях свечи.

И на Арбате свеча,
как ангел-хранитель неприкаянной песни.

И в снегу – в чистом поле – свеча.

Мечтатель?
Крыша съехала?
Одинокий протест?
Или всё же всерьёз? –
и в надежде,
что вечной зимы не будет,
смертельной зимы не станется миру людей
ни в кой срок –
ни во Вселенной,
ни в доме,
ни в автобусе,
ни в истории.
Трепыхается огонёк.
И не стёрла метель,
и сквозняк не стянул,
но про чудо – ни вопля, ни шёпота.
Просто кто-то ещё зажигает в окне свечу...
и выплывает из кухонной тьмы лицо.
Ох, и не тот поднимают огонь,
вовсе не тот.
Хотя свечи...
это ж ведь не костры!
И пусть Президент правит бал,
бал всебелсветный.
А мы – ещё продолжаем жить.

3.

Россия!
Ты – Зона.
Солнце – на востоке, солнце – на западе,
но в России день,
каждый божий день
определяется люстрой.
Чем сиятельней люстра,
тем крошечней в России,
и луна –
будто обрита наголо
до выяснения личности.
Но какая толпа!
как нас много...
Пусто в Родине.

Только ели, как стражи, стоят неподвижно,
седые, могучие, с острыми пиками,
и стену хранят, имена золотые,
и молчанье хранят.
И ждут.
Лобное место – всегда –
всесвято было и есть на Руси.
Не играй...
не играй с тюрьмой и со смертью,
даже если смерти и нет.
Так кто же я, если не всё, –
сын или раб?
или снова – надолго – заложник?
Память опасна –
и в памяти нет ничего...
Но как же мучительна память...
Пусто в Родине.
И не спрятаться.
Даже голому.
И отстрел продолжается.
Только втихую.
Бьют инфарктами и единодушным плюрализмом.
Уничтожают,
уже начиная со школы,
невежеством и неведением.
Сжигают в ворохе сплетен и грязного белья.
Переламывают хребты
в растоптавшейся толпе...
Бал!
Чем гибельней всем и каждому,
тем сиятельней люстра.
– Больно!
А кому-то послышалось – «Боны!» –
и усмехнулся себе, прикидывая цены.
– Страшно!
И кто-то привычно вздрогнул,
оглядываясь по сторонам
и ошалело соображая: «Где стража?»
Да, много нас – во взволнованной толпе.
Дорожает хлеб.
Зрелища тошнотворны.
İ î ëèèèè áðàõëèâù.

Словно за каждый шаг – плати!
Словно за каждый чих – плати!
За землю предков,
за родную землю – плати!
Сдохнешь – заплатишь втрое.
Воздух, рассвет, дожди –
пока что бесплатны.
Но ты – сам по себе – грош цена.
И в каждом из нас,
как в старой шахте,
уже выработаны почти все горизонты.
Не осталось вопросов,
но один –
как насмешка, как вызов, как анекдот:
– Что за жизнь? –
и остервенелое недоумение: бал?!
...И даже небытие
поднимается из земли искорёженными костями.
Нет, не мстят –
и прощают,
каждый – как может,
и страдают нам, что вот, мол, и дожили.
И разболелась,
как раскрывшаяся язва, –
память.
Свобода?
Будто неотвратимый приговор,
отлучающий от мечты,
от жизни,
от человечности.
Проснуться бы...
Вот и проснулись.
Как давно было завтра...
Словно ржавый трамвай,
ощетинившийся штыками,
голос Высоцкого прорывался
сквозь бетонные перекрытия –
и казалось,
прорывался к тебе,
и к тебе,
и лично к тебе.

И день начинался,
словно в окне загоралась свеча.
Окаянные свечи?
Нет, их не смять, не задуть...
Сегодня и с одинокой свечи возгорится душа.
И когда вернутся все те...
изгнанные в небытие,
не померкнет ли вовсе
до маразма состарившаяся власть?

4.

Когда у нас ничего за душой не осталось,
когда нечего стало там умерщвлять,
нам в честь бала подсказали надежду
и вывели её на митингующую площадь.
Что ж,
всё так,
как всегда:
надежду,
не проваренную в сердцах.
пусть и до жёстких мозолей заскорузлых,
в душах,
пусть и вдрызг обнищавших и осовевших,
убивать не имеет смысла,
потому что мертва.
А вот сейчас...
обретайте и пользуйтесь!
Бессрочно!
Начинается новая жизнь...
когда надежда – на всех одна...
да, надежда...
когда ещё не свобода,
но всё же – надежда,
наша надежда...
большая – как пир на весь мир.
Надежда – вот это стол!
И тут же её искромсали
на декларации, флаги, значки, партии, секты...
а то как же быть?
как же слыть –
без народной надежды?

Вот стол, вот надежда
и – раскрученный бал.

5.

Увы, ошибался Уильям Шекспир,
и жизнь – не театр,
и всё в ней – всерьёз...
и кровь – не клюквенный сок.
Мы ещё усмехаемся,
мы ещё иногда смеемся...
но всех нас уже круто заваривают,
пока распасовываются сразу 15 карт.
А это не анекдот и не апрельская шутка.
Всё казалось нам
и ожидалось:
вот – новая жизнь,
и мы – доживём,
ведь так и столько мы жили,
то как же теперь не дожить...
и очистятся души от страха,
и счастливы будем
и в горе, и в радости, и ежедневно –
человеками будем,
будем людьми как людьми...
Но Зимний – давным-давно взят...
и что преодолевать?
что – штурмовать?
и перестраивать – что? –
если ничего не построено,
а наш антимир –
это антисмех антилюбовь антипечаль
антисчастье антисвобода антирадость
антижизнь антибог с антиангелами...
Ядовитейшая морока!
И будет ли в памяти нам
хотя бы минута молчанья...
хотя бы минута молчанья...
Когда Президент правит бал,
увлечённо раскладывая веером правила игры,
случается –
на удивление –
непредвиденное:

сквозь столбцы постулатов,
приговоров,
обличений,
наветов,
по горизонтам решений,
речей,
программ
и партийных проповедей,
как тощий костяк
сквозь морщинистую раскрашенную кожу,
проявляется в каждой судьбе,
во всякой судьбе проявляется
простенькая,
но на что-то годящая истина:
как ни играйте,
как ни разыгрывайтесь,
а жизнь – не театр,
и кровь – не клюквенный сок,
и пули – не пластилиновые...
Как просто...
И страшно, когда не смешно,
а валюта – дороже улыбок,
а над Отчизной – угаром – тоска о Вожде.
И страх, словно тьма,
подступает потом к душе,
как было уже когда-то –
недавно и очень давно.
Президент правит бал.
И бал расфанфарен – как всегда.
И как всегда –
в Зоне по-прежнему сумерки,
отдельные недостатки
и никто никому не доступен.
Я уже старше отца своего,
а он – ни до чего не дожил.
И никто не скажет, когда рассвет
и кому рассчитаться
по счетам,
длинным, как серпантин.
Но мы зажигаем последние огарки...
А вокруг – и по миру – бал!

Почему? Почему не быть балу?
Ведь сказал Президент:
...была допущена ошибка...
Ошибка?!
Жизнь перемешивается в раскалённое варево,
в котором нет никакой погоды,
кроме злости – на себя и на всех.
Ошибка?!
Карты рассыпаются –
не сложился домик! –
всё ярче окрашиваясь в дымно-кровавый цвет.
Черна кровь на зелёном сукне!
Россия! Ты – Зона!
Ты никогда не была ошибкой,
но по-прежнему – Зона.
И что за бал – без войны?!
И снова – ошибка?!
Павших – забыли: кто... где... сколько...
Пленных – знать не знают – никто:
тысяча?
может быть – меньше...
может быть – больше...
Тоже ошибка?!
Ошибка...
Еле выстояла душа под сапёрной лопаткой –
и прибавилось свечей в полуденных сумерках,
но не прибавилось жизни в надежде
и не прибавилось света –
ни завтра, ни вчера.
Ошибка...
Как ещё не взорвалось от боли и слёз
материнское сердце России...
Скрепки, железные скрепки на сердце,
и не может Россия
свободно любить и жалеть детей своих,
даже пусть окаянных,
нежданных,
мятежных...
не может...
и тех, кто – как в яме – в плену...
не может.

Ошибка?!
На тысячелетье отравленной земле
затравленно живут человеки,
и им не спастись,
потому что нет спасенья от Родины,
заговоренной,
заболтанной,
растранжиренной,
изовранной...
И снова ошибка... и снова ошибка...
но каждая щедро оплачена
самым дешёвым сырьём – народом.
И каждая – уже оплакана завтра
и будет оправдана
блистательной историей вчера:
был бал...

6.

И я там был...
А вот уж что я пил да ел...
не списали б в конце концов –
в убыль, в отходы –
да хоть за плохую с утра погоду.
.....
И только свадьба бездомных собак
метётся по улице –
вслед за праздничным мусором.

7.

Россия,
моя Россия,
ты чья?
Зачем мы живём,
кое-как, но живём?
Зачем и жизнь, и надежды?
И это – история?
И это – в жизни моей?
И – аминь?!

О, СВОБОДА!..

Шагнул – и замер:
святое место –
в ореоле пролитой крови,
в венце страданий стольких жертв...
Сюда свозят, сволакивают,
сюда сваливают всё –
всё, чем богата наша история
и наше разгулявшееся житьё-бытьё.
Полновесный шифоньер,
блестящий остатками лака,
начальственного вида,
но с вдрызг растрёпанной совестью...
Унитаз, всё спустивший,
с мужественной трещиной наискосок
и полный тёплых воспоминаний...
Дюжина разносортных тарелок,
дребезжащих между собой
и со всеми, кто рядом и вдалеке...
Чья-то тупая морда
зло блестит из расстрелянной бочки
и обещает – матом и очень невнятно...
И сиреневая ленточка из потерянной косы
полощется, зацепившись за прут арматуры, –
то ли улететь ей хочется,
то ли просто обращает внимание
на свою самостоятельную жизнь...
И ползучьи дымы – без огня.
Туман. Паутина. Взметённая пыль.
Что горит? Где горит?
Да всё горит понемногу.
Разноцветная сеть рекламы
р-а-с-т-я-г-и-в-а-е-т-с-я
на всю безразмерность места.
И всё сосуществует со всем.
Здесь я обрываю свой перечень,
чтобы не заплутать в лабиринтах
этого благословенного места,
чтобы не сойти с ума
в неожиданно обвалившемся

на меня, на всех нас
безвоздушном пространстве...
я пытаюсь окаменеть.
Я не назвал это место?
Называю:
это место – Россия,
свалка дерьмократии и наживы,
это – Свобода.

ПЛАЧ ПО СЛУЧАЙНОЙ ПУЛЕ

Улица
прямая и скользкая
как лезвие ножа отполированного плотью
А в черепе постукивает перекатываясь
маленькая сплюснутая пуля
Ей бы воображать себя куколкой
из которой однажды в полдень
проснётся кокетливая ветреница бабочка
О! ей бы лететь
в белый свет как в копеечку
О! ей бы свистеть
стремительней стрижа
и слаще юного соловья
О! ей бы в восхитительное никуда...
но она – задержалась в черепе
потряхиваемая шагами в ногу
задержалась – навечно...
И по-прежнему улица
прямая и скользкая
в венчике жёлтых фонарей

ГЛАЗ

это
в чёрном скелете дерева
не бессонная птичка синичка –
глаз:
опившийся зреньем –

случайно сорвался с орбиты
и в ветках застрял
...но ничего не стоит
сбить его
одним жвачным плевком

ПРИЛОЖЕНИЕ

к негласной Инструкции по сдиранию шкур

Не расслабляйтесь,
как благодуствуете перед обедом...
Не расслабляйтесь,
как распоясываетесь с валютной шлюхой...
Сосредоточенно и деловито усвойте:
со скелета трудно и дурно снимается кожа,
так что тощий народ – плох,
опять же – убытки.
С тех, кто в меру упитан, – в самый раз:
отличное качество и устойчивый доход.
Но осторожней:
сдирая первую,
не повредите шкуру вторую,
сдирая вторую, не повредите третью –
ведь и до неё дойдёт аппетит.
А шкура народная – превосходный матерьял:
блистательный гламурный шик,
оправданный мировым опытом.
Первая –
как ваш честно нажитый капитал.
Вторая – на всякий случай...
а чтоб никому!
И третью – на абажуры –
в красную спальню,
в эту расписную шкатулку,
хранительницу сексуальных затей и утех.
И – не стесняйтесь!
Да не попасться бы вам тому,
у кого аппетит злее.

ОДНАЖДЫ В АВГУСТЕ 91-ГО

Ну, достали меня!
И накануне-то осени...
Всё простил бы:
и пустые карманы,
и потусторонний брех под «Лебединое озеро»,
и толкотню у кормила, как у корыта,
и даже облегчённый хлеб...
Но в массе народной,
как на общей широкомасштабной фотографии,
меня опять отмечают крестом.
А что за крестом?
Снова нож партийного самурая –
и разделка до костей на красном столе?
Или спецголодание по распоряжению свыше –
чтобы не забывался гражданин
в бренности грешного существованья?
Да что под красной звездой,
что под косым крестом –
но достали меня... так достали...
И накануне-то осени!
Но я доживу до октября
и, прежде чем изголодаюсь вконец,
согрешу какой-нибудь революцией –
камнем из-за пазухи
и – на приступ, на штурм...
а что?

В ЗАБЫТОМ ПЛАКАТЕ

когда по лестнице – бегом – на 9-й этаж
в режиме утренней гимнастики
и забываешь начисто забываешь
все тени и углы дня предстоящего –
то с потом сгоняешь
как лишний вес и шелушащуюся кожу
собачьи огорчения и булабочные обиды
и через сорок минут
отчуждённый от косых взглядов

входишь в просторный плакат
и просветлённо смотришь
куда-то под крыши – и выше
ладонью на сердце
и ладонью протянутой для рукопожатья
убеждаешь в здоровом образе жизни
и деньги хранить накапливать сберегать...
да не оглянуться бы не оглянуться
на бетонную стену за спиной...
как же пожить хочется...

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ...

Если хочешь потягаться – на весах –
с сегодняшней историей,
называющей себя
независимой жизнью и демократической свободой,
попробуй –
от души и не слишком раздумывая...
И она,
История! –
одним лягом подбросит-подкинет тебя.
Окажешься ты – почти что в раю:
дыши свежим воздухом – бесплатно,
ешь облака горстями – бесплатно,
пей безупречный дождь – бесплатно,
и жилплощадь –
вся небесная ширь –
бесплатно,
и освещайся – бесплатно.
В общем, живи пока.
Бесплатно.
И нужду справляй,
большую и малую,
в своё сладчайшее удовольствие –
на всё то,
что выбросило тебя вверх.

МГНОВЕНИЕ ВЕТРА

город раскачался –
и замер
в некой точке
под углом к человеку
а человек
задирая ноги
продолжает
раскачиваться
и кричать

КАБАК

вечер
в ливрее закапанной воском
и с звёздной перхотью на плечах
разденет шлюху влажными пальцами
и раскорячит её на подиуме
курицей с бутылки
Любите!
целиком или по частям
пока ударник
наигрывая сексуальную тревогу
дёргается как развинченный метроном
её хватит на всех
хватит
на всех

ОНИОНА

Сюжет для мультфильма

Витрина.
Вот он подошёл –
атлетический мальчик Пьерро,
с транзисторной мандолиной
и в альпинистских ботинках.
Йе-йе, бродяга Пьерро!
Чао, Пьерро!

А в витрине стоял манекен,
верней – и она – манекенша,
жена манекена:
свеженькая полуулыбка
в сверкающем стекле.
Да, это была она.
И он ей об этом сказал.
Йе-йе, бродяга Пьерро!
Чао, Пьерро!

Он ей говорил слова.
Были бабочек слаще слова
и удивительней конфетти.
И настраивал он для неё
транзисторную мандолину –
и мандолина плясала и пела.
Йе-йе, бродяга Пьерро!
Чао, Пьерро!

Он стучал ей в стекло
и протягивал яблоко.
Но она меняла одежды
и не надеялась,
глядя над
своим сломанным пальчиком
с проволочкой изнутри.
Йе-йе, бродяга Пьерро!
Чао, Пьерро!

И – он ушёл,
атлетический мальчик Пьерро,
с транзисторной мандолиной
и в альпинистских ботинках.
Они остались вдвоём
за треснувшей косо витриной:
она – обезьяна Ева
и он – обезьян Адам.
Йе-йе, бродяга Пьерро!
Чао, Пьерро!

МОНОЛОГ МУЗЕЯ

Я – Музей назиданий, уроков, выраженных вещами.
Я – Музей восковых пророков и блестящих идолов.
Но – на ночь я принимаю на грудь канцелярский сургуч...
и никогда не проклят, и всегда досточтим...
я – Музей.

Приходи. За пятак погуляешь в истории человеческой:
паркет, тишина у меня приспособлены для каждой страны.
Назиданий и уроков не бойся: они выражены вещами.
Пророки – из воска,

а воск на любопытство и глупость не отвечает.

И идолы не испугают: их не узнаешь,
так давно и настолько они перекрашены,
так давно и настолько они оглажены.
Вещественные иероглифы

заманчивы, романтичны, реальны.

Но их не трогай руками, хотя они и существенны:
я – Музей.

Не торопись, разгляди мои стены.

Не распугай, как мух, моих сторожих:
пусть их, как сфинксы, вяжут чулки.

А ты не ищи уголков

укромных.

Я – весь укромен.

Я – Музей назиданий и уроков,

выраженных в виде вещей.

И ночью не приходи.

Ночью, я знаю, ты ищешь что-нибудь слышащее.

На ночь я принимаю на грудь канцелярский сургуч,
мои же химеры на фронтоне –

длинноязыки и мраморно глухи.

ИСТУКАН

Я – каменный истукан.

Я хохочу, рассыпая камни хохота.

И я обречён

превратиться в грудку щебёнки,

потому что сегодня – смешно,

а завтра – я знаю – ещё смешнее.

У ПРИЛАВКА

Побасёнка без морали в виде строфической прозы

Неожиданный, пугающе проливной дождь
разогнал всю торгующую мелочовку
на перроне автобусной станции
довольно приличного районного центра.
И сбежал далеко в сторону
по другим своим дождевым делам.

А дальше... всё как в начале нашей свежей истории:
сенсационным открытием для житья-бытья,
новостью, потрясающей до мозга костей,
просветленьем и обещаьем –
глянец.

О-о! Глянцевый образ распроширился по прилавку.
Он раскрашен щедрей и ярче Сикстинской часовни.
Он откровенно призывает, он заманчиво не таинствен.
Он соперничает блеском с весенними лужами,
с окнами, промытыми до серебряной ясности,
и с лакированным паркетом.

Некто, наскоро облизав вдруг пересохшие губы
и передёрнув, как в ознобе, плечами,
спрятал задрожавшие руки в карманы
и позавидовал: «Какие сладости...»

Кто-то задумчиво тыкал в глянцевый образ пальцем,
и палец, незатейливо простукивая плоскую плоть,
прыгал по точкам, как бы оправдывая
неожиданно случившуюся задумчивость: так... так...

Прыщеватый пацан – то ли пряча глаза,
то ли припоминая и сравнивая,
с расстоянья двух с небольшим шагов
смотрел как бы над образом,
потел – и не сходил с места,
несмотря на толчки проходящих пассажиров.

Женщины, сомкнув ряды, плотно стояли – стеной
к растянутой по прилавку гармонии образа,

и статью, и речью, и безразличием
утверждая совершенное отсутствие
разливанного глянца.

Лишь крохотный солнечный зайчик,
перелетев через частокол осуждающих спин
и протолкнувшись меж сопящими мужиками,
заскользил по глянцевой глади образа,
как бы не зная, не соображая,
на какой детали задержаться подольше.
Но вдруг коснулся
кокетливо загнутого уголка –
отпрянул, пропал:
там белозубо на красном фоне
светился ценник с адресом и телефоном
плюс игривое имечко.

Испуг крошечного зайчика
ничего не изменил
ни в растянутой гармонии образа,
ни в медленно тянущейся чередой паломников,
как бы не верящих глазам своим,
и как бы праздно любопытных,
и как бы равнодушных,
но продолжающих красноречиво замедлять шаг,
выступая вдоль длинного прилавка
на перроне автобусной станции
довольно приличного районного центра.

А дождь – не в сюжете... дождь сам по себе...
он – всего лишь неожиданная случайность,
каких много в наших отношениях с природой.

КРЫЛАТАЯ ДЕВЧОНКА

Лёгкая,
удивляла крылатым шагом...
Куда ты бежала,
подпрыгивая,
как перед взлётом?

Смешливая,
ошеломляла
приветом с длинной ладошки.
Улыбалась –
и молодели замшелые бабки
на судейских скамьях у подъезда.

Поймали тебя – всемером.
Украли тебя – всемером.
Ни один не отказался
от крылатого тела.

Всё оборвалось – кончилось
и в жизни, и в мечтах.

Но осталась – высота,
куда рвались сны и душа.
Высота – отчаянное спасенье,
высота – избавленье...
Высота... ничего, кроме высоты.
Высота...

А там – только шажок...
меньше ладони...
взмах крыльев...
и – в асфальтовое небо
навсегда...
без возврата, без боли...
прижав руки к груди,
но распластав крылья.

СТАРИКИ РОССИИ

Мы – убыточный народ:
пенсии, фонды, вспомоществования
и привилегии...
а ещё – чтобы «скорая» у подъезда,
а ещё – письмецо б с парой слов
или звоночек:
– Ты, старый, жив?

Живы. Мы пока живы.
Но не волнуйтесь
и не досадуйте:
мы же – убыточный народ
и убываем, убываем...
верней поездов и самолётов...
но те-то хоть возвращаются,
а мы – убываем.

Мы – убыточный народ.
Убыточны и для жулья и ворья.
Что с нас возьмёшь,
кроме кителя и гробовой заначки...
Да и жизнь нашу –
так ведь легко, так без хлопот...
просто скука...
под банку браги и вспомнить-то нечего:
ну, молотком приложил
или прихваченной монтировкой –
и всё... и делов-то...

Мы – убыточный народ.
И что бы ни скармливали нам
в новостях, славословьях и заверениях,
как бы ни обкладывали нас –
до слепоты, до глухоты, до бесчувствия,
мы верим – в своё, верим – в наше
и на это «наше» надеемся.
И в землю уйдём,
оставив незаконченную записку:
«Будьте вы...»
Уйдём, унося своё «наше»,
так и не понятое и не принятое
ни вождями, ни президентами,
ни... кто ещё там по наши души?

Живы. Мы пока ещё живы.
Вы только не торопите.
Не торопите, но – помните:
за нами – ваш черёд

в этой жизни,
в этой истории.

.....
Стоят старики на параде,
смотрят, смотрят... но видят
другую Москву, другую страну
да и народ – другой.

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Я жил? И прожил целую жизнь?
Иногда мне кажется: это не так.
Ранним утром – вчера – я родился.
И сутки, одни только сутки
я работал, встречался с друзьями,
прочитал «Трёх мушкетёров»,
потом – был пьян,
кому-то был должен,
обзавёлся семьёй,
а в полночь – всё же мечтал,
разглядывая письменна созвездий.
Сегодня утром
я что-то пытался припомнить,
но днём неизлечимо заболел старостью.
Сейчас вечер – и скоро полночь.
Был ли счастлив?
Узнать не успел.
Всё думалось: поживём – и увидим...
И что будет в последнем сне, –
я не знаю,
потому что ни на что не надеюсь.

НУ ТЫ, ВРЕМЯ...

Время, попыхивая чужой сигаретой,
углубляет рытвины и ухабы,
отринув от себя мысль о том,
что всё-таки надо мостить дороги –
хотя бы ради российских дураков,
самых дурашливых дураков в мире.

Время слизывает слёзы
длинным ласковым языком,
но не для того, чтобы пожалеть или утешить,
а просто притворяясь добрым и верным псом,
чтобы удерживать при себе российских дураков,
самых в мире дурашливых дураков.

Время...
старушенцией побряхтывая возле сердца,
предлагает совершенное излечение
от печали, тоски и прочих любовных недугов...
Но куда и как пропадает время,
когда и впрямь случается любовь,
обыкновенная любовь, но у российских дураков,
самых дурашливых дураков в мире.

Время подталкивает под зад,
словно одобряя, словно обнадеживая,
словно подтверждая веру в светлое будущее,
чтобы не вильнули в счастливую сторону,
чтобы не уклонились от указанного пути
всё те же российские дураки,
самые дурашливые дураки в мире.

Время тикает, светится, восходит-заходит,
иногда совпадает с ритмом сердца...
А то – неожиданно: «Час твой приспел...»
И без обсуждений – хлоп твою бабочку.
Но скалится, пучится, злится и никак не совладевает
с бессмертными российскими дураками,
самыми дурашливыми в мире дураками.

МОСКВА... КАК ТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНА...

Москва! Как же много...
Слишком много в России Москвы!
А что в Москве от России осталось?

В церемониальном канкане по белу свету,
в матримониальном скандале
между властью и криминалом,

в кокаиновом кайфе брехливой политики
как же ты, Москва, провинциальна...
Но, заклеив народ и вообще Россию,
обложив страну данью, долгами и дерьмократией,
ты стала большим гнездом паразитов –
нигде в мире такого гнезда не найти.

Ты была Столицей – и не раз горела.
Пожар оборачивался костром искупления.
Ярые пламена смывали вражью грязь,
и ты – ликом России светилась в мире.

И Запад был Западом,
потому что за Москвой был Восток.
И Восток был Востоком,
потому что в Москве открывались ворота.

Но ворота твои – давно никому не нужны.
А парадные двери –
больше похожи на стенку расстрелов
или – на доску объявлений: продаётся... продаётся...
И что народу теперь?
Ни бога, ни истории, ни судьбы...

Если Москва – мозг,
если Москва – сердце,
если Москва – слава,
если Москва, Москва... –
в конце каждой улицы и каждой дороги,
вершина любой надежды,
звезда во всякой судьбе,
сиянье в завтрашнем дне...

А сегодня? Застраиваешься?
Новые декорации?

Для театра каких издевательств
над Россией –
над историей и народом?

И то, что останется от тебя,
вряд ли будет Москвой...
Да, была звуком и зовом для русского сердца.

Но словом –
словом Завета России –
не стала.

Растревлялись, распаялись лягушачьи страсти,
чтоб только быть больше России.
Россия-то выживет без Москвы.
А ты, Москва, без России?

Препохабнейше забеременев,
набухла слухами, закипела пеной – и,
срамно отрывая непереваленную историю,
расплёвываешь сынов да расстеливаешь дочерей.

Москва... Там свара и свалка.
Москва... Там затягивается петля сплетен.
Москва... Там ворочается зародыш войны,
но войны – против собственного народа.

Москва!
В российском бездолье
раскрутился-размотался
твой перманентный Змей.
А пресветлый Георгий Победоносец
тычет, тычет, тычет державным копьём,
но – в тень,
а под тенью – Россия.

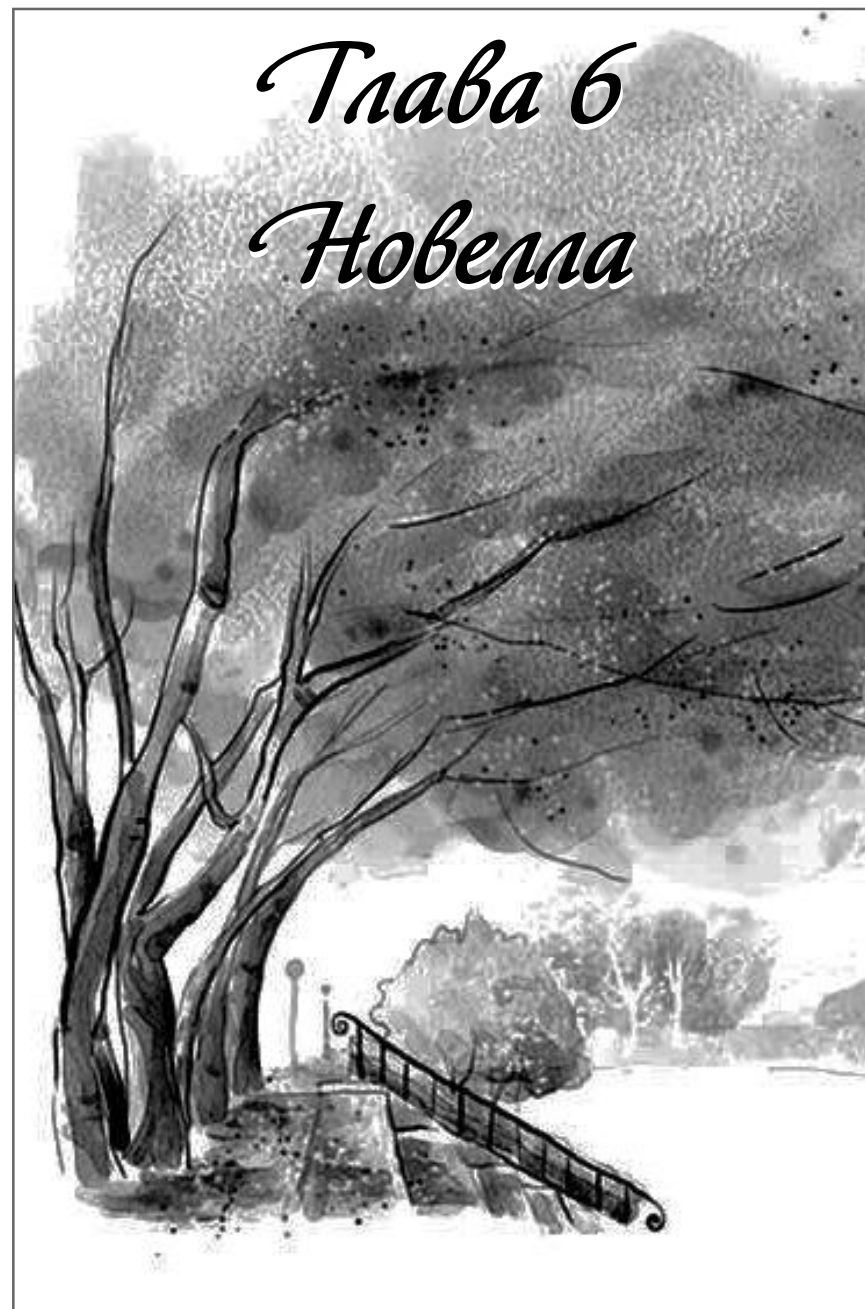
И что ж это... что это... что?!
Что растрепалось и мечется
Над тобой – в голубых небесах?
Высокий, как Голгофа, костёр?
Или дым и смрад без огня?
Язва в сердце или колокола Завета?
Или зарево пробуждающей совести?

Нет, в твоём железобетонном черепе
глаза смеркли и остекленели –
под венчиком длинных, как черви, языков...

О, Московская тьма ненасытная!..

ПРИТЧА О КОРАБЛЕ

Мы грузим корабль.
Мы грузим, грузим корабль.
Что самое важное в корабле?
Мощные вёсла? пышные паруса?
Дым над трубой? Гул турбин?
Его титаническая величина?
Э-э, всё это как бы и пустяки.
Да будь хоть корыто!
Мы грузим корабль.
Корабль мы грузим.
Что за дела? Что за груз?
Почему? Что в нём драгоценного?
И зачем? Что такого в нём дорогого
и незаменимого?..
Тюки и ящики, узлы и сумки,
контейнеры, чемоданы, сейфы,
малохольные рюкзаки и кошельки...
И давно не волнует нас,
куда приплывём.
Но бьёмся – как в стену –
вопросом: – Когда отплываем?
Не опоздаем?
И грузим, грузим корабль...

ОСТАТОК

на жёрдочке
между рождением и смертью
напряжена как струна
и короче воробьиного носа
но шаги летучи
и на сердце легко
чтобы ещё раз удивиться
и не разочароваться

ХВАЛА ТЕАТРУ

Весь мир... вся жизнь... театр?!
Как же мог так споткнуться,
как же мог так ошибиться Поэт?
Театр честен – целиком и в подробностях.
Он не навязывает действительное как желаемое,
как достойную цель и постигнутый смысл.
И спектакль не врёт,
и время его определено до минуты,
даже если на сцене началась
и в одночасье обрушилась
история королевской семьи.
Спектакль не врёт:
здесь яд – понарошку,
азартно пьют не вино – пустоту
из роскошных картонных кубков,
и кровь проливают,
воображая, что льётся кровь
от удара шпагой в сердце.
И никому не приходит в голову
класть пальцы в раны умирающего героя.
Фольговый блеск полнолуной полночи.
Всеобъемлющая тишина...
Пусть скрипнула половица,
пропущенная плотником второпях...
Это ж садовая галька
скрипит и хрустит под ногой:
идёт Он – и сейчас состоится свиданье.

Он не пощадит тишины –
и рассыплется настороженная тишина
от его горячего шёпота.
Он не пожалеет луны –
и потускнеет смущённая луна
в сравненье с её лицом.
Они объяснятся в любви –
и замолкнут на миг, как птицы.
Зал замрёт, теряя дыханье
и уловить попытаюсь
биенье двух сердец...
Театр честен – целиком и в подробностях.
Если мы не поверим, спектакль не получится.
Если всё сложилось и получается,
то в антракте мы всерьёз обсуждаем
обездоленного короля или мятежного принца,
повороты судьбы и ведущую мысль...
или всерьёз молчим
и, может, впервые в жизни молчим так –
сосредоточившись памятью и душой.
Мастерство актёров?

Потом –

после спектакля...
в миру... на задворках театра...
...Вот со сцены слетела,
блестящая, как неразменный червонец,
реплика...

последняя – в зал...

всё им, ненасытным зрителям!
Конец.

И косо двинулись
половинки малинового бархата
с золотой эмблемой театра в центре.
Конец.

Аплодисменты.

Линейка актёров – шквал и буря.

Премьер и премьерша – овация.

Поклоны – ответные крики...

снова поклоны – и цветы, цветы...

Всего лишь пышное,

а иногда, пожалуй, чрезмерное,

но – доказательство: спектакль кончился.
Великий Поэт улыбается сквозь посмертную маску:
он доволен и, наверное, счастлив
хотя бы сейчас – в своей славной вечности.
Гаснет свет. Запираются двери.
Нет, театр не спит,
он попросту пуст:
ни призраков, ни теней...
только запах духов...

И утром уборщица,
ворчливая, как все уборщики мира,
сметёт комки фантиков и шоколадного золота.
А монтировщики разберут
королевский замок,
и сад, и крепостные стены –
на доски и холсты.
Плотник долго будет искать
подгулявшую половицу –
но найдёт,
вобьёт два гвоздя...

Жизнь продолжается,
несмотря на пролитую воображаемую кровь.
А когда-нибудь –
уверяю вас, пройдёт не так уж много времени,
меньше, чем вы надеетесь,
но вряд ли больше, чем вы забываете, –
и в хрипах, столах, слезах
кончится ваш спектакль,
в котором вы свою главную роль
так и не доиграли.
Но – всё то же, всё то же...
лишь без кликов приветствий
и в тяжёлом раздумье...

Даже цветы будут те же,
и цветов будет много – как на премьерке.
Но в тишине –
стук молотка,
забивающего последние гвозди,
и прощальный крик, надрывающий сердце.
Запах пролитой водки и мятых цветов.
И кто-то, держась за горло, подумает:

«И жизнь – обман, и смерть – враньё».
И кто-то,
Величайший Классик
всех вер, всех времён и народов,
грустно улыбнётся, сочувственно глядя с небес,
как мы играем в театр,
а театр разыгрывает нас.

КТО ТЫ? Романс для весенней гитары

Окликнула –
словно тронула
кончиком пальца –
и засмеялась.
Но кругом – весна...
только весна...
просто весна...
и нет никого...
лишь ветер, сорвавшийся с полюса.
Кто ты?
Окликаешь... тревожишь...
Где ты?
Осторожно оглядываюсь...
В воздухе нечто
нежно трепещет...
эхо смеха?
Но кто же ты?
Преодолевая северный ветер,
готовятся почки
вспыхнуть зелёным
животворным огнём.
Скоро вспенятся вишни.
И ветру недолго осталось
оплакивать лёд стальной,
снежные искры
и утренний блеск сосуллек.
И снова,
память вскрывая,
как забывшуюся почку,

тихий смех,
и кажется – слово...
кажется – имя!..
Да, так когда-то звали меня.
Но это было давно,
очень давно,
слишком давно
и далеко-далеко...
Чтобы вспомнить,
я должен,
как дерево, – встать,
вытянуться и заглянуть
за синий обрез горизонта.
Весенний туман
колышется,
словно смеётся.
Или это дымы
весенних костров –
как вестники перемен?
Кто ты?
Окликни ещё разок –
и я вспомню...
Кто же ты?
Неужели весна...
просто весна...
и только весна?

ЕГО ОТВЕТ НА ЕЁ НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Из угла в угол – монастырской тенью
один неотступный вопрос:
«Почему так холодно в одиночестве?»
И желанным прибежищем – память.
И я вспоминаю,
глядя в снежную темень,
другие места и время другое...
пока в метельном вечере
экзотикой сгнувшей молодости –
апельсиновые фонари

и снежинки
белоцветные,
на миг прилипающие к стеклу.
Был молод – и праздно шатался
по взморью,
по забытым уже адресам.
Что искал?
Сам не знаю.
А в памяти –
мол, похожий на лодку,
до головокруженья –
звёздное небо
и жасмина призрачный свет...
Может, надеялся на встречу,
подобную чуду
из фантазий об алых парусах...
или верил в откровенье,
пролившееся со звёзд
и озаряющее жизнь и судьбу...
А может, и не хотел ничего
и просто шатался, не находя дороги –
своей дороги, своего пути.
Но прожита жизнь...
словно бы пройден путь –
и все дороги давно позади,
давным-давно позади.

И вот вечер... зима... тишина...
и шелест метели по окнам.
Но как-то не так всё,
как-то не так.

На другом конце расстоянья,
растянувшегося в пространстве и времени,
в приморском стеклянном кафе –
среди седых дюн,
между мачтовых сосен –
случайный приют...
то ли горькое счастье минуты,
то ли в светлую память по жизни...

и подробности одиночества:
дымящийся кофе
в окружности белой салфетки,
коньяк с янтарной искрой...
и молчанье.

Нам нечего вспомнить друг про друга.
Просто прожита жизнь –
окаянное время

для неприкаянных нас.

Метель скребётся в мёрзлые окна.
Холодно птице в груди.
Но вспомни лето...

такое оно молодое...

мол, похожий на лодку,
до головокруженья –
звёздное небо
и жасмина призрачный свет...

Есть в метели приметы цветенья...

Но как-то не так всё, не так!

И что-то ещё возможно,

пусть в мире ином –

в межзвёздном пространстве,

но всё же возможно...

А пока – на остатную память:

«Город Юрмала. Вечер. Зима.»

...на разных концах

замётённого расстоянья...

и молчанье.

Я СОБИРАЛ ВОСПОМИНАНЬЯ

Я собирал воспоминанья:

взгляд, словечко, ладошка на плече

и такой удивительный смех,

что звёздам не спать всю ночь –

и они пересмеиваются, перемигиваются...

Воспоминаний не очень-то много.

Воспоминанья – наперечёт.

Я встряхивал их в горсти,

как детские разноцветные стёклышки,

из которых складывались на асфальте

разноцветные слова.

Я встряхивал их – и, улыбаясь, надеялся...

От разметённой мечты, из далёких снов,

из-за кое-как прожитых веков

мне послышался голос,

мне примстилось лицо.

И на миг – ненужными показались

самые надёжные и драгоценные воспоминанья,

но очевидно и явственно: это – ты.

Мы давно потерялись, так и не встретившись.

Между нами, как Млечный Путь, время.

Всё, что могло случиться, – случилось.

Всё, что могло произойти, – произошло.

И сегодня я снова поднял

из самой глубины своего колодца

горсть уже призрачных воспоминаний.

Слегка встряхнуть – и сложится слово?

Чего я жду? Куда надеюсь вернуться? –

сквозь наспех прожитую жизнь,

сквозь нажитые окаменелости,

сквозь непогоды, болезни, огорчения...

Но сколько ни встряхивай,

сколько ни сбрасывай на облезлый стол –

воспоминанья, как стёклышки,

еле звякнув, складываются

в одно только слово – Нет.

И снова – Нет.

И снова.

И весна – как прощальная улыбка

давнопрошедшего времени,

давнопрошедшей молодости...

ПИСЬМО С ДОЖДЁМ

с утра
бросаешься в прошлое –
стена дождя
непредсказуемая
и завораживающе зеркальная
оглядываюсь в сегодня
где медленно скатывается духота
и открывается простор –
простор дождя...
в плеск и лепет
блескучих капель в полдне
легко вплетаются
полузабытые жалобы
сиюминутные огорченья
невысказанные признанья
верь не верь
но разве ослушаешься
своих вездесущих чувств?
и что сердце
со сложенными крылышками
в паутине дождя?
красная бабочка
с голубыми разводами
.....
мы привыкли к зеркалам
привыкли –
к мельканью отражений
но смотрим в дождь
и почему-то
видим не видим
ничегошеньки
в трепетном зеркале дождя
идёт –
и никуда не приходит
бежит –
а где его пристань?
так встряхни над городом
мой конверт
пусть пробежится дождик

ни о чём и никому
и прости
это самая долгая прогулка
вокруг да около
хотя дождь был коротким
но опять был дождь
и вот сейчас
снова – дождь
как будто что-то не дописал
как будто что-то
не вышептал

В СУМЕРКАХ

Почему-то в сумерках...
по газетам,
разбросанным, как осенние листья,
раздвигая книги,
давно устоявшиеся в быту,
по белому полю нетронутого листа...
почему-то именно в сумерках
приходите вы,
мои свидетели и обвинители
мои защитники
и суд.

...неторопливые, как туман,
окружаете с четырёх сторон.

Да, я готов...
хоть сегодня... сейчас...
подбить итог,
свести с концами концы
в памяти, в жизни...
и перешагнуть
последний порог.

Если сейчас держусь...
только тем, что вспоминаю вас,
наши дороги и стройки,

**ИЗ РАЗГОВОРОВ С АСЕЙ Г. –
поклонницей концептуальной поэзии**

1.

Мир плотно материален
и чрезвычайно подробен.
Но звуки...
рассеянные в пространстве,
в вечном движении
нарождаются и распространяются
пёстрые кристаллики гармонии...
Ты прислушайся,
раскрыв глаза и не боясь за бессмертную душу...
Невесомые,
они оставят в памяти след
тонким алмазным резцом...
Вспыхивают – мелкими пузырьками,
тянутся – осенними паутинками,
рассыпаются – золотыми спорами
и живут – неугасимые мотыльки.
Ах, звуки...
Душа – детёнышем на цыпочках –
тянется на ощупь в пространство
и дрожащими губами
ловит целительные капли.
О, звуки...
Какая-то порошок...
и трещинкой – прозрение.
Как будто укол шиповника...
и открытие слуха.
И тает плоть бытия,
и струйками растекаются подробности,
и наискосок распростёрлись крылья
между землёй и звёздами...
Всё – в музыке, во всём – музыка!
Но самый верный звук – самый первый:
– Люблю.

2.

Да, бывают стихи...
и стоят за блестящими стёклами

фарфоровыми чашками
или праздничными фужерами,
чтобы изредка,
время от времени
в расцветенном жестах и улыбками ритуале
воскурился парок
над мечтательно задумчивым чаем
на летней зелёной веранде,
оплетённой романтическим хмелем...

.....
Но обычно стихи – случаются...
.....

Удар ошалевшей волны –
и содрогнётся бессмертная скала,
а где-то в тайге, в глухомани
выродится двухголовый волк,
или на ровном лугу
пробьётся светлый родник.

...или смеётся малыш
над пушистой головкой одуванчика,
и сам – как одуванчик,
или плачет старуха-соседка,
вспоминая другую жизнь...
надрывается вопль корабля,
пробитого айсбергом...
а не всё ли равно –
один человек или целый корабль...

Звуки – сигналы жизни,
сигналы движения, роста, цветенья...
или крушения, но тоже –
всё та же наша жизнь...
рождение, весть или тревога и боль.

...и словно другая жизнь,
другое имя и судьба другая,
когда из усилий души
рождается слово.
Творенье? Молитва? Признание в любви?
Хлеб насущный? Дождь по озимым?

Никто не откроет, зачем...
Никто не разыщет, почему...

.....
Вот только точка... как смертельна она!

.....
Да, Ася, стихи бывают...

но иногда – случаются.

И разве это не счастье? –

хотя бы на минуту,

пока длится твой случай,

прозванный коротко и без сравнений:

жизнь...

...и в стихах, как бы мы ни пытались,

никогда не получится точка в конце.

Стихи – как и жизнь после нас...

3.

капли тишины

одинокие лепестки звуков

солнечные зайчики – вчера –

участливого молчания в полдень

неожиданное явление –

гость не гость но

как болтливы шаги...

как окрылённо рассветает

в серой шероховатости запретов

сны... мои сны –

по земле окраины

по таймырской тундре

облака неслыханной белизны

ликующая музыка –

и музыка музыка музыка

из невиданной глубины

журчанье алмазного песка

от взгляда до взгляда

творение сферы?

или бытие забытья?

и день сворачивается в прошлое

и мало осталось будущего

почему – что и зачем – кто
и кто – почему и что – зачем
сквозь пёстрые хрусталики
округлённого звона
ах призраки ослепленья...

.....
Ну и пусть!

Будем жить, надеяться, верить,

что за углом – в переулке – откроется

перспектива Млечного Пути –

исключительно для пешеходов.

PS. И ещё – три строчки молчания:

.....
.....
.....

ПОПЫТКА ЖЕСТОКОГО РОМАНСА ВЕСНОЙ

Вечер

медленно тонет в ночи.

Но до полуночи...

ладно... хотя б до утра,

но ответь, душа:

– Эта весна – взаправду?

Или природа тоже склонна

пошутить да и вышутить,

а потом, проливая капли,

жалостливо обмануть?

Как же это, душа?

Что... может, кто...

но так настойчиво и беспокойно

зовёт-призывает меня?

Любовь? Жизнь? Поэзия? Смерть?

Или Бог? Или – ты сама?

Я же чувствую этот призыв,

чувствую, как сердцебиенье...

Но куда... куда мне идти?

Мне, пережившему
столько чёрной истории,
ни покоя, ни света.
Даже заурядный проулок
превращается вовсе не в путь,
а в кривую дорогу
с доброжелательными засадами,
с отморозенной шпаной
и ледяной безнадёгой.

Весна рассыпана по земле.
И я спрашиваю тебя, душа:
– Как длинна дорога?
Душа, это же страшно,
если дорога никуда не выходит –
ни к дому, ни в степь,
ни в человечество,
а к Богу – и подавно.

Я молился, душа,
не знаю, в какую сторону света.
Но просыпались слова мои
между пальцев – сухим песком,
перемёрзшими зёрнами.
И я снова молился, душа.
Но пустота подступает под горло –
хуже потопа, хуже горького горя.

Да, душа,
это, быть может,
всего лишь весенний хмель,
весенняя пьяная брага.
Лепет ручьёв, впадающих в лужи,
сливается с лопотаньем надежды,
устремившейся невесть куда –
между землёй и небом.

А весна –
вся в святом благовонии.
Так ещё-то чего желать?
Какой истории?

И жалеть – о чём?
Если эта весна – взаправду,
воистину и во имя...
так я... да за эту весну...
Вот только бы чуть ещё,
чтоб не последняя
для жизни
и для надежды.

Ты скажи, душа,
ты ответь...
Весна прекрасна и празднична –
и умереть не боязно,
и хочется жить.
Но откуда
и зачем моя жизнь?
На что призван сейчас
и куда пропаду,
когда выйдут все сроки
и приспееет мой час?

В страданиях и терзаниях
своей беспокойной души,
в печальном томлении
своего сокрушающегося разума
я уже не ищу
ни опоры, ни известия,
ни правды святой.
Вся рождественская весна –
если, конечно, не шутит –
широко обещает и чудо,
и звезду в пути,
и слово надежде,
и в судьбе – весть...
И я верю.

Так не молчи!
Беспощадно молчанье –
как тишина предрассветных заморозков
во время цветения вишни.
Не молчи, душа.
Или – спой попутную, а?

ТЫ ГОВОРИШЬ...

Ты говоришь:
 отрастила крылья...
Меня убеждать –
 не надо.
Я верю.
Я верю во все твои чудеса.
Ты сказала:
 – Мальчишка...
Но я
ничего не хочу придумывать
и воображать что-нибудь –
не хочу.
Заново жизнь не перепишешь.
Бесполезны усилья души,
и впустую
 надежд настой травяной.
Но может...
 хотя бы под утро...
приснится короткий сон –
как вздох над обрывом:
белокрылая птица
 в синеве
и твой голос:
– Люблю.

СТАРАЯ, КАК МИР, НОВЕЛЛА

Отвернулась,
сделала вид, что забыла...
И вот уже смотришь мимо,
или в сторону,
или следишь за облаками,
прислушиваясь к весне.
И даже псу моему –
ни взгляда, ни слова.
Наверное ж, справедливо:
если уходишь –
не оглядывайся,

если хочешь забыть –
ничего не трогай,
ни к чему не присматривайся.
Летящей походкой
ты уходишь.
А я не позвал, не окликнул.
Просто смотрел вдоль улицы
и не ждал ничего.
Да, всё просто.
Просто что-то растаяло
и с ручьями ушло.
Просто что-то в весне
тебя, как птицу, позвало.
Просто и молча –
ни взмаха, ни взгляда, ни слова.
Ты права: зачем ещё что-то?
Я давно привык к одиночеству.
А ты была случайным светом.
А может быть...
только что вспоминать,
если нечего вспомнить?!
Было светло...
А сейчас
я встречаю весну –
провожаю тебя.
Отвернулась.
Сделала вид, что забыла.
И лёгкой походкой,
летящей походкой
ушла.

СТИХИ ПО ЧЕТВЕРГАМ В ОКТЯБРЕ

Разве могут листья желтеть зря?
Разве может осеннее море
 плескаться тоскливо, но – зря?
Разве парк по-над морем,
 щедрый парк – тоже зря?
А этот приют... приют ниоткуда...
и вдруг, и для нас – тоже зря?

Обрыв за спиной...
оглушительная пустота...
и ничего не случилось.

И как будто бы улыбаешься ты
из осени,
но – из другой,
из тоскливо далёкой другой вселенной.
И я туда никогда не приду –
и душа моя не долетит.
Жили мимо друг друга –
не встретились и сейчас.
Я трогаю тонкую руку,
словно вспугиваю ящерицу.
Я гляжу в твои глаза –
и забываю имя твоё.

Но это не ты и не я.
Это – осень.
Осень... печаль... но какая свобода!
Новогодний октябрь... надежды навзрыд...
Осень...
Непреодолимое расстояние
для синицы нечаянной радости –
ни взмаха, ни шага –
ни на ладонь –
и не вычерпать пустоту.
Так что ж я сказал бы тебе
и уже не скажу...

Вымирает трава –
без шума, без вскриков, без шёпота.
Догорают долгие свечи моих тополей.
Будто не было встречи...
И кончается осень.
Луна пошла на ущерб.
Печаль и свобода...
Как больно...

ОСЕННИЙ ХМЕЛЬ

Осенний свет
на весь белый свет.
Даст ли осень ответ,
одарит ли словом...

Вселенская осень,
вселенский костёр...
На малом костре –
разговор на бересте,
а с большого костра –
и речь проста.

Триста лет и три жизни...
Моя осень как бегство из рая.
Предвосхищение смерти?
Нет, предвкушенье весны.
Бирюзовые купола,
золотые колокола...

Где-то в осени...
на высокой-высокой
стеклянной горе...

Сон ли... лунное наважденье...
или солнечное ослепленье...
но осень, осень, осень...
и однажды случилась ты.

Ты лучишься ко мне,
как свет
для меня погасшей звезды.

Осень свернулась
в ладошке твоей.

Осень – ниоткуда,
осень – никуда...
ты – всегда.

Мне осенняя птица
крикнула вслед:
– Не солги!
Я не лгал.
Даже когда молчал –
не лгал.
Ты стала синицей радости
в моей опустевшей судьбе.

Осень. Октябрь. Вечер.
Время сворачивается пёстрой змейкой.
Время,
из себя в себя переливаясь,
засыпает.
В новогоднем октябре,
в такой странноприимной осени...

Я ждал одного лишь слова,
не петушиного,
не золотого...

Ты улыбнулась –
и промолчала.
...Невыразимое многоточие –
капли холодные
с замерших веток.

Листок...
сдуло с ладони твоей.
Он погас огоньком
в зелёной траве.

Воробьиною стайкой
взметнулась листва...
Ах, слова, всё – слова...
и ни слова.

Ночь. Ты спишь?
Пусть приснятся тебе
осенние сны,
летучие,
лёгкие.

А утром –
твой острый профиль
под чёрным крылом...
твой чай колдовской
из весенней крапивы...

Забудусь –
как пожаром займусь...
в глаза твои засмотрюсь...
Очнусь –
то в Суздали,
то ли в Новгороде
на крепостной стене...

Нет музыки,
почему-то нет музыки...
Одиноким сверчок
сюрчит на расстроенной скрипочке:
то ли дожди,
то ли прощанье...

Что позади?
Темнота и беда.
Я изжил темноту.
Я ушёл от беды.
Только мог ли подумать,
что боль – это ты?

Каждый день нашей встречи –
разлука.
Но вместо прощанья –
торопишься.
Ни прощенья, ни обещанья –
просто сегодня нет времени.
По неисповедимым путям
мы расходимся в осени.

Пора?
Я не знаю – зачем, почему...
я не знаю – когда...
Знаю – осень...

ты в аллею войдёшь,
улыбнёшься слегка,
погладишь висок...
Ты не скажешь ни слова,
только осень
спокойно и ясно
вдруг окликнет меня:
– Пора.

Вселенская осень...
Но и завтра, и вечно –
сплошная невстреча.
Так какую холодной виною
я виноват?

Ты ушла.
Синеглазая птица
с утра и до вечера мнится.

И как будто
осень – вся –
там – за обрывом.

Где птица?
Осиротела душа.

Я ни о чём не просил.
Но молитва мне губы сушила.
Я улыбался тебе.
Но душа обомлела от боли.
И только когда ты ушла,
осень совсем опустела.

И всё моё время –
осень.
И вся судьба моя –
осень.
Но какие бы я ни шептал слова,
в ответ – только небо,
только небо –
в ответ.

Оглянись и оклики!..
Но небо такое пустое...
даже эхо не возвращается.

Наворожила мне осень
тебя.
...и до чего ж безнадежная
боль.

...и я думал,
что уходишь ты
далеко – как вода:
ни взгляда,
ни надежды,
ни следа...
А ты просто ушла,
ты просто вернулась к себе.

Какое пустое небо...

Ты – была?
Или не было –
ни тебя, ни цыганской осени?
По аллее, по лиственной россыпи,
как сквозняком, – одиночеством
душу мне леденит.

Опустела моя осень,
опустела.
Вся листва золотая её
облетела.
А за поворотом,
пока добежал,
лёгкий след твой
пропал.

Схлынет осенний свет...
словно не было тебя
и нет.

ОСЕНЬ В СОЗВЕЗДИИ ДЕВЫ
Прощальная поэма

Серенько...

Срывающееся тархтенье старого будильника...
Окно словно бы оплавилось,
смазав краски, перспективу и
приснившуюся на исходе ночи картинку.
Неужели и сегодня
осень простелется сырым сквозняком
и рассыплется всхлипами луж
по всей улице?

...И рождение дня – как рожденье кристалла,
вымороченного у вечности.

Что за вина и суд какой?

Я сам себе вина, и суд – во мне.
Лобное место и красная кара.
Как же холодно душе,
когда от горизонта тянет,
как из-под двери...

Туман расползается серой пеной
и сносит в некое небытие
все очевидные мерзости нелюбви.
И являются свет, тишина...
Осень.

Туман исчезает,
рассеивается, как муть забытья.
И проявляется земля
в яшмовой росписи.

Но всё же
утро и начало света –
это мысль о тебе.

Так прозрачна осень сегодня...
ещё до встречи с тобой
уже призрачны

и летучи, как сны,
все воспоминанья прошлой жизни.

Золото в голубом...

Но словно бы
золото всего прожитого времени
превратилось в глиняные черепки.
Ни калитки, ни перехода, ни мостка...
Улица схлопывается
в почерневшую прошлогоднюю тростинку...
а кругом – осень,
и лёгкое шуршанье листьев
смывает тупые звуки шагов.

Я молюсь твоей выси, осень.

Там, как в горле забытой птицы,
подрагивает серебряная горошина...
или колокольчик грустного ангела,
отмеряющего время?
Я молюсь
на все твои четыре стороны:
оттуда придёт она –
в светло-голубом плаще, похожем на ветер.

Где-то забыл я

да так никогда и не вспомнил.
Где-то не дал пощёчину подлецу,
и подлость его преуспевает и совершенствуется,
а женщина, им оскорблённая,
плачет до сих пор.
Где-то я, по идее призванный,
перешагнул через мать, чтобы строить Град,
но оказалось – коммуналку
на 20 тысяч единиц народонаселения.
А мама, моя тихая мама
стала моей судной памятью.
Где-то я ушёл
от всех друзей и знакомых
просто потому, что всегда уходил
куда-то, где было «надо»,

и потому, что «так надо».
И где-то ещё... и ещё где-то...
Сейчас я уйду – в осень.
И в осени мы встретимся
вне вечности и вне памяти.
Просто осенью...
ближе к вечеру.

Было... – и я умирал.
Но если так долго и часто,
то сколько я жил?
Сколько лет тебе, осень,
сколько вечностей?
Ведь, осень, я твой
и – ничей...
И ничего за душой,
кроме осени...

Я искал музыку, музыки хотел,
распутывая улицы Старого города.
Всё казалось, должно же случиться
нечто моцартовское
или по живописи Чюрлениса –
как по евангелию осени...
Но как же не знал я, как глух был...
Осень – твоя вольница,
и здесь другая музыка –
ожидание тебя.

Нет нисхождения, как и нет восхождения.
Постучи по дереву, постучи...
Трава зелёная всё ещё зелена.
Голосом окарины звучит осенняя даль.
А в алхимии осеннего очарования –
колючая звёздная пыль.
И сосредоточенно немые деревья.

Так просторно и пусто...
как на палитре с уже смешанными красками.
Так просторно и пусто,
что ожидание тебя

превращается в смиренную пустынь,
когда на полдневном взгорке осени
за тихим явлением света –
никого... ничего...

В сознание мелькнул отголосок детства:
воздушная громада с парусом голубым...
Так небо открылось с макушки старой липы,
так ахнуло маленькое сердце.
Но почему не проснулась тогда душа?

Осень развесила зеркальца воспоминаний:
мелькают в них мгновенья,
как опадающие листья...
далёкие и дорогие мгновенья
давным-давно отсиневшей
и перегоревшей осени.

Ожидание знакомо, как боль.
Жду,
словно готовлюсь в дорогу,
взяв в руки ореховый посох.

Откуда я пришёл в осень?
Ангелы, сумрачный и златовласый,
расправив дивные крылья,
отряхивают листья.
И в шуршанье сухих листьев
нет ничего и ничего не слышно,
кроме шуршанья сухих листьев...
Но откуда приходишь ты в осень –
и улыбаешься счастливая?

Золото в голубом...
Свет и покой нераздельны.
Жемчужный свет,
пролитый осенним солнцем в полдень,
волглый лист, лёгший на остывающую землю,
холодная вода, бегущая за горизонт...
мысль осуществлённая,
несбывшиеся воспоминанья,

птенец мечты в ожидании –
всё едино.
И ничто не пропадает
даже самой малой малостью.
И смерти нет.
В чистом и ясном огне осени
земля и небо едины.

Осень...
красно-золотой огонь листвы
на зелёном алтаре земли...
Для жизни какой
и для какой души?

И чудо:
в топазовом напёрстке вырастить нарцисс...
или твой подснежник?

Я знаю: чудеса тебя не удивляют.
Каждому чуду у тебя своё место –
по струне горизонта,
на письменном столе
или на голубом подоконнике...
И разве странно:
они у тебя никогда не переводятся
и никогда не перестают быть чудесами.

Нет, это всего лишь кажется,
это всего лишь живописное наваждение...
а осень рассеивает и рассыпает,
никому ничего не даря.
Но стоит прислушаться к сердцу,
как скрипично оно откликается
на каждый звук...
И присмотреться к душе, как она,
отрешившись от времени и рассудка,
сама обращается в осенний свет.

Прозрачна осень –
во все стороны, во все дали...
Мы будем долго идти –
и не уйдём никуда.

Время выключилось...
и я не спешу,
вглядываясь в перспективу минуты,
замершей в длину.

... считать твои родинки,
складывая их в созвездья.
Какое слепящее затмение...

Листья срываются
и разлетаются зеркальцами,
отсвечивая недолгое солнце.
И минута длится,
превращаясь в нескончаемую аллею.
Там из взвихрившихся листьев
возникнешь ты.
И пройдёт ещё какое-то мгновенье –
и послышатся
твои неторопливые шаги.

... как вздох над серым обрывом.
Ведь было же, было...
Пусть в жизни иной и в иной стороне,
но – было...
Или только сейчас случится?
Осень, благослови!

Я ничего не жду от жизни:
всё случилось и всё произошло.
Я ничего не жду от осени:
вся она – мгновенная вечность.
Но будет вечер.
Наверное, будет дождь.
Жду тебя.

Поздняя осень...
какая холодная,
какая терпкая нежность...
Осень – очищение?
А там –
в развернувшемся мгновенье –

что бы и как бы там ни было,
я знаю, не оглядываясь:
там – идёшь – ты.

Сердце срывается на вздохе
и падает
в головокружительную бездну,
опрокинутую в небо.

Если рисовать твой портрет...
Поднимающаяся к ветке ладонь
может превратиться в золотую лодочку
под зелёным парусом надежды.
Горло станет дивным деревом,
возросшим на пёстром лугу
в излучине голубой реки.
В его щедрой кроне
затеряется росчерк маленькой птицы,
голосистой певуны.
Из-за локтя проглянет подснежник...
на фоне жемчужного горизонта Шамбалы.
Линия плеч
сольётся с линией Пояса Жизни,
а в зените взойдёт знак Девы.
И никто не поверит,
что это – портрет молодой женщины
на прогулке осенью.
Потому что не будет в портрете
твоих шепчущих губ, твоих ясных глаз.
Но каждый переживёт
осеннее предчувствие весны.

Тучи тяжело и медленно сошлись.
Несколько мгновений
ещё были видны голубые разводы.
Но спускаясь ниже,
тучи наползают друг на друга
и бесформенно громоздятся.
И начался дождь.
Оставшиеся на ветках листья,
намокнув, срываются поодиночке,

сбитые тяжёлыми каплями.
И деревья на глазах становятся чёрными,
а пустые гнёзда – чернильными пятнами
в их изломанной графике.
...Зажги свечу, и свет её
никуда не распространится.

Прибитые холодным дождём,
тополиные листья залепили асфальт.

Дождь висит в воздухе,
и погода кажется
нескончаемой и дремучей.

Прижавшись к шершавым стенам,
утробно бормочут ржавые водостоки,
пророча ненастье вечное,
огорчения через край
и распутицу.
Ты смеёшься и отмахиваешься от капель,
срывающихся с чёрных веток.
И твой смех отменяет
все дурные пророчества
и проворовавшиеся уродства.
А я понимаю:
без тебя – несчастье.

Время завихрилось вокруг нас.
Ночь ли, день... утро ли, вечер...
тихий свет между нами...
А дождь плещется, плещется...
и будет плескаться, наверное, долго.

Засмеявшись листку, прилипшему к щеке,
ты хлопнула в ладоши,
и от звука твоих ладоней
возникла некая тонкая материя –
и время растворилось в ней...
но распространился свет,
в котором капли дождя преобразовались
в невесомый хрустальный бисер,
обещающая мелодию.

Ты спокойно и внимательно
расспрашиваешь
о самых обыденных вещах,
и в каждой из них
словно загорается некий свет
и каждая из них превращается
в светоносную крупницу бытия,
как если бы в расписании автобусов
отразился Зодиак.

Ты приветливо и понимающе улыбаешься,
когда узнаёшь о моём ореховом посохе.
Мечтатель... мальчишка-выдумщик...
Нет, ты улыбаешься.
Так зачем этот походный посох
и все печальные иносказания
сейчас, осенью, когда просто и ясно:
ты... я... осень...
Правда, завтра осени уже не будет.

Твои движения медленны,
как осенний свет.
Твои ладони прохладны и осторожны.
Ты кладёшь на затылок мне
едва ощутимую ладонь,
и боль, как сизифов камень,
скатывается в немислимую бездну
и уже навсегда.

Ты невесома, как птица.
Твои неторопливые шаги
листьями отрываются от асфальта
и уносятся мокрым ветром
в исчезающе неуловимую точку.

Если говорить о тебе...
никому ничего не расскажешь,
потому что невыразимы мгновенья и свет,
невыразимо сердце
в лодочке твоих ладоней.

Не скрипит автобус,
вываливающий на углу перекрёстка
спёкшихся в шлак пассажиров.
Не взрываются лужи
под сорвавшимся с места такси.
Не дымит по этажам
подгоревшая из-за политики каша.
Не воеет животным восторгом
пропотевший насквозь видеосалон.
Не вздыхает пенсионер,
тайком выглядывающий НЛО.
Ты, словно бы рукой махнув в сторону,
отменяешь игры и правила.
Но зато вместо привычных шестерёнок
кружатся-крутятся листья,
а вне гороховой суеты
ничего не решающего перекрёстка –
мы... вдвоём...
Ты опираешься на мою руку,
когда из-под листьев
неожиданно блеснёт полоска воды.
Ты отменяешь игры и правила,
когда мы
смотрим друг другу в глаза.

Голые ветки
темнее свинца сумрачных витражей.
И небо – засвечено мокрым городом.

Будь жизнь иной,
я не написал бы этого стихотворения,
где мы с тобой
идём – рука об руку.

– Не клянись, – ты сказала.
Нежность, печаль...
Ты уже что-то разглядела,
ты уже что-то знаешь
здесь – в осени и судьбе,
и там – за горизонтом...
– Не обещай, – ты сказала,
уже отступая на шаг.

– Иди, – ты сказала.
И сама уйдёшь не прощаясь.
И кончится осень.
Но когда-нибудь –
и это случится
в печали обрётённого зрения –
я пойму:
ничего в моей жизни не было,
кроме встречи с тобой...
осенью... накануне дождя...
в дожде...
до позднего вечера.

Твои губы,
неожиданно свернувшись трубочкой,
издали весёлый звук: – Тпцу!
Вздригнуло сердце,
но ты уже взмахнула рукой...
словно улетела
в тут же захлопнувшуюся диафрагму.

Вечер,
жидкий масляный свет фонарей...
Немного осени всё же осталось.

И небо – с овчинку,
и дорога –
всего лишь мокрые трамвайные рельсы,
и свет в конце –
всё тот же фонарь...
желтком на чугунной сковородке.

Как ни перелистывай осень –
осень...

Куда идти?
.....

Когда-нибудь,
прислонившись к древней красной стене,
я пропою вполголоса – осенью – всё,
чего не пел никогда,
но чем жил –
и выжил.

Я ПРИДУМЫВАЛ СТИХИ...

Я придумывал стихи...
Казалось, именно так –
не иначе –
будут ярче сверчки
под звёздами августа,
именно так
будет река голубее неба,
а небо – глубже омота.
Казалось, именно так:
в придуманном стихотворении
звонче будут цветы
над тусклой равниной стола,
а вспорхнувшие птицы
расцветут над острыми крышами
огнями полуденного салюта.
Так утверждался мой город
на золотых столбах,
отражаясь в издалёкой реке...
город, в котором жила ты.

Я когда-то придумывал стихи...
Город за всю мою жизнь вдалеке
ничуть не состарился,
даже, кажется, помолодел.
И прохожие вроде бы те же,
но с незнакомыми лицами,
говорливо и весело перетекают
по набережной – от моста до моста.
И огни старинных фонарей
отражаются в реке дрожащими полосами,
всё так же похожими на золотые столбы.
Я приду к тебе
и на круглый обеденный стол
положу вечернюю ветку сирени,
тихую и нежную.
И мы помолчим,
прислушиваясь друг к другу.
Я со временем позабыл,
как придумываются стихи.

Ты забыла, как подсказываются
необходимые слова.
Из всех чудес и удивлений молодости
лишь невидимый сверчок
скрипит свою неутомимую песенку,
так и не покинув за прошедший век
своей единственной,
нами не познанной звезды.

ИЗ КРУГА СУТОК

1.

не идут стихи не идут
ни слова – или пусты слова
или слова беспредельно рассыпаны
по ветру ли сквозняками ли
по занозам сучкам и задоринкам
нескончаемых случаев
в горчишной пыли обстоятельств
и не лепится слово к слову
ни на волос ни смысла ни лепости
и не движется слово
вроде мёртвого семечка лотоса
ни отголоска... – такая история
была... ещё как была
когда стихи как попытка побега
или ни окрика ни выстрела ни анафемы
но – сам – по утрам
пальцем по краешку чаши с цикутой
чтобы сбросить соринку
и сказать последнее слово

2.

оглянуться... – страшнее мёртвого зеркала
здесь на подоконнике – белый бюстик Бетховена
серый томик Эренбурга – «Война»
плоская расцветка уединённого карточного домика
Бетховен... чёрные буквы... печатью безумной подковы
незагаданный натюрморт в сорвавшейся судьбе
из бетонного обрамленья медленно переливается

в ландшафт номер который-то очередной
а там – в томительном улиточном продвиженье
солнце утонуло в красной крыше
еле слышно... лепестковой акварелью...
смертельно раненной уткой в японском свитке
так что же ещё проще и привычней...
а привычней – надёжнее?
данником клонишь гордую выю
и хватаешься за край стола –
спасаясь... или – обрекаясь?
а из зеркала голос бесцветный:
– Он умер?

3.

капает холодная весна
меркнет и самая блестящая грязь
наивным вопросам полураскрывшихся почек
здравствуй – говорю – здравствуй
а слышу – свой стон
не идут стихи не идут
как давно не приходят письма
расплачиваешься бессильем и тоскливой маемой
не развяжется не распутается ни в какое воскресенье
окольцованность – на всю бессонницу – ошейником тоски
и край стола – окончательностью льдины
не сорваться бы...
и не вскрикнешь –
такая открывается простота
страшная простота
то ли виселицы то ли креста
то ли... что ещё в простоте
по тонкой ниточке
по чёрному дыму
за обрезом листа
и почему-то – дорога... одинокий путь...
кажется – бессонница... или сон?...
но дальше... дальше...
ведь капает капает холодная весна
и наивны доверчивы и простодушны
вопросы полураскрывшихся почек

4.

стихи – как время:
или – даются или – сквозь пальцы
иногда возникают – словно всплывают – во сне
но пробуждение оборачивается болью в сердце
а сон становится неродившимся воспоминаньем
невосполнимой жизни прожитой полно и ярко
за несколько истинных и благословенных минут

5.

бесстрашие памяти
и слово полновесней зерна –
это ли не начало мужества и поэзии?
разве так уж всё безнадежно и тоскливо
когда – пусть приснится примерещится но – звучит
в холодной весне валдайский колокольчик –
в страшной простоте разрушенного бытия
пусть последней медной копейкой
которую не на что потратить
и птицам не скормишь

6.

не идут стихи не идут
так что же Господи истинно?
и истинно ли вообще
хоть что-нибудь...

ВЕЧЕРНЯЯ НОВЕЛЛА

*Станиславу Светличному,
командиру воздушного корабля,
пилоту-инструктору*

Сегодня вечером
я бражничаю с соседом.
Расставшись три дня назад,
мы снова встретились.
И ничего нам не надо,
кроме друг друга.
Он вернулся в полдень,

а я – дождался его.
Мы бражничаем,
мы нужны друг другу.
И мы ещё кое-кому нужны,
поэтому белый свет
не так уж и пуст
в своей беспросветной толчее.

Он говорит,
раскладывая хлеб, огурцы, сало
по блюдечкам с голубой каёмочкой.
Говорит, раздвигая рюмки,
свинчивая облупившуюся головку
со старой бутылки.
Он говорит, говорит, похохатывает,
словно не было затяжных минут
на взбесившейся полосе.
Я изредка отвечаю,
словно окна и двери открываю
спокойно и настежь,
чтобы его великолепному аппарату
было где развернуться
на временную стоянку.

Озабоченно спрашиваю его – и жду.
Но жду недолго: он тут же выкладывает
о погоде в Ургенче или Хабаровске,
о книжных лотках в московском метро...
И я говорю ему, рассказываю,
словно не было бессонной ночи,
когда под утро
последнее стихотворение
задушевно направленной бритвой
выскользнуло из-под руки.
И он отвечает спокойно и обстоятельно,
и мерой взвешенности ответа
становится капля,
сорвавшаяся с горлышка – в рюмку,
образуя слегка припухший мениск.
Спрашиваем, отвечаем, соглашаемся –
и выпиваем почти одновременно.

Вопросы наши звучат прерывисто –
в паузах между огуречными пятаками
и кубиками венгерского сала.
Вопрос кончается, когда кто-нибудь из нас
кладёт пальцы на горлышко бутылки
и смотрит в полприщур,
словно уточняя вероятный ответ.
Говорим – заговариваем влагу,
пресную в своей обычной горечи
и желанно горькую, чтобы не молчать,
чтобы не было ни минуты молчанья,
отчаянного – на разрыв пульса,
тяжёлого – как небо,
вязкого – как земля.
Но мы выжили
и, бражничая, выживаем снова и снова:
он – после взбесившейся полосы,
я – после бессонной ночи
над тревожной строкой.

В незамысловатой алхимии
беседы вокруг бутылки
мы обращаем несостоявшиеся катастрофы
в слова о выловленных еженедельниках,
о книгах, редкую из которых
успеваем прочесть до конца,
о Высоцком, с которым по-братски сжились,
про очередь за сахаром,
долгую, но впустую,
о шахтёрах, которых осудит
разве что очень известный партиец,
вконец обалдевший
от эфира испаряющейся власти.
Так и крутим мы свою мельницу.

Слов надо много,
чтобы как следует приправить
каждую рюмку.
И не про нас неделя,
потому что через пару дней
мы снова расстанемся,

пожелав друг другу удачи
в небе и на земле.

Уходя, я вместо «спокойной ночи»
спрошу: – Ну, выживем?
А он ответит: – А как же!
И согласимся оба: – Прорвёмся.
Пусть жизнь и каждый её день –
чрезвычайное происшествие,
но мы не всё ещё обговорили
и ещё не отмерили
по последней рюмке.

Жаль, что луна –
не видна
из наших нижних окон
длинной девятиэтажки.
Очень была бы кстати.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

циферблат слеп недужен и бесполезен
и равнодушен – сосредоточившись в себе
в печали невидящего разглядывания
когда тень остаётся на вешалке
и дни смятыми листками календаря
беспамятно слетают
и падая истлевают
не прибавшись к обочине
не прильнув к окну
и вот уже – ночь
расставив сумрачные зеркала
к ответу зовёт да сказать нечего
медленно как по длинной воде
из голосистого А в неизреченный пункт Б
но приходят слова каждое – остановка
вроде открывшейся форточки
или дырочки в бересте
в дни весеннего сокодвижения
нет... всему уже всё и сполна
хотя б и по крошке хотя б и по капле

шуршит свернувшийся свиток дороги
на стёртых кубиках никакой погоды
пропуск в орнаменте – миллиметровый срок
зиянье трещинка след споткнувшейся памяти
или ошибки – как бы дрогнула вдруг рука
отвлечённая голубым взрывом звезды
но всему уже всё... дни и дни
вроде бы сквозняком из проходного двора
серой пылью по остывающему коридору
на письменном столе на фотографиях
на всех подробностях
и во всех мелочах непрощённого быта
расстроив улыбку
которая тут же – мелькнув – скользнула
и погасла в побледневшей ладошке
а в глазах – вмиг – ослепительно отразились
циферблат тень на вешалке
и листок календаря
чтобы не поздно и не рано
но в полдень – тот же листок под звонком:
чёрная дата – суббота – в рамочке от руки
соседи тихим хором огласят
весть из прошедшей ночи:
– Он умер.

Господи! Что есть вечность? –
если сон – драконье промедление смерти,
короче окурка
и невнятной объявления на перроне...

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Что нам красота?
Чего желаем от красоты?
Обладания ею?
Неуёмных пещерных страстей?
Комфорта, уюта, гламура –
на атлантических пляжах
и французских курортах?
Или грустим о несбыточном? –
приглаживая взъерошенный чубчик
и осматривая носки башмаков...

А красота – в резной раме,
красота – на мраморном пьедестале
смотрит в нас
немеркнувшими глазами...
из какого пропавшего времени?
из каких золотых веков?

Чего мы ждём от красоты?
Каждому – по кусочку счастья?
Или объявится – призывом к полёту,
зовом к разбуженной душе?
Или ждём любви и бессмертия –
хотя бы на оставшуюся жизнь?

Весна... весна по России
половодьем цветов, птиц, воображенья...
и надежд, бесцельных, но верных,
и улыбок, мимолётных, неуловимых,
и песен... ещё не сложились,
но звучат... звучат...

Когда-нибудь,
хоть когда-нибудь,
но мы откроем красоту...
а красота откроет нам истину?
А если красота,
сама красота и есть истина?
Или истина есть красота?

Как бы вытянуть нам
из клубка треклятых вопросов
путеводную нить?

И может, тогда
в нас узнают Россию
и перестанут Россией пугать детей?

А весна засветила окна,
рассыпала звёзды
и отразилась в реке...

ОСЕНЬЮ

Ничто так не помнится, как утраты.
Ничто так не таится, как утраты.
Ничто и всегда, но утраты... утраты...
И разве забудешь утраченную музыку,
если сын, если осень, если судьба
в каждом мгновенье напоминают.
А вроде бы кончено – и жизнь другая,
другие дела, другие места, другие погоды...
Всё – давным-давно и не здесь.
Но на музыке утрат, как на крыльях журавлей,
разносится по осеннему свету печаль.
Не отмахнёшься и не забудешься,
когда она – вдруг – окликает.
И томительно сердцу,
и хотел бы заплакать,
но – отпускает.
И душа словно омылась,
и мысль ясна,
и время –
ещё кажется неизменным золотым,
и снова невыразима любовь...
Но ведь осень... осень...

ЗЕРКАЛА ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ

1.
не случилось но продолжалось
из века или из мечты
несостарившаяся юность
устоявшейся осенью
в самый полдень

2.
в тишине отразилась тишина
высокая и глубокая бездна
долгой свечи одиночества
и ровное пламя остекленело
разбрасывая стеклянные блики

а они висают
на паутинках мгновений
и тают
отражаясь в серых дымах
необратимостью грустью горечью
уплывающей птичьей болестью

3.
в льдистом срезе
на размах рук или крыльев
на весь мир-белый-свет
на вселенную всю
ни возможности ни прощенья
там – инобытие
здесь – утраты

4.
в матовом изломе
отразилась слеза
рассыпаясь птичьими крестиками
и всё однажды перевернулось
опрокинулось разлетелось
и замерло
откуда? или с тех пор?
а может – отпелось?
в пёстрой дробности
устойчиво как вода отраженье
цельной души
бесцельной судьбы
и случайных слов

5.
а в ясном синем зеркале
ни слезы ни тени
чудится отражение голоса
но не зовёт и не приближается
тает тает тает
осень ласково неумолима
и неотменима
ни судьбой ни молитвой

6.

и только в кленовом листке
отразился твой свет золотой
напоминая мне
как я одинок

7.

однажды случилось...
да – в зеркалах осени
никуда никогда
из отражения в отражение

ВЗОЙДИ!..

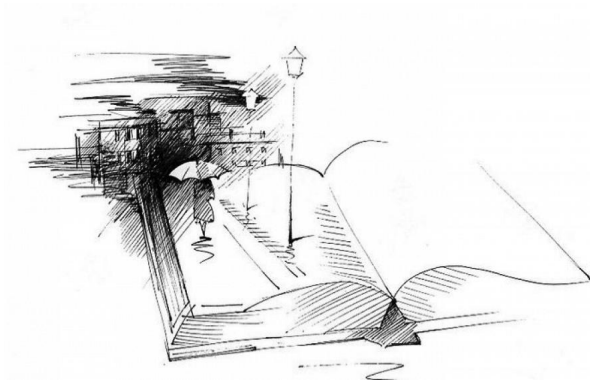
...взойди
по забывчивости или рассеянности
из памяти или сумерек дня
остывающего как вчерашний розовый снег
из утрат как из пены морской
но взойди...
над бараклом и ненужностями
лёгкой рукой поведи
и расскажи
да хотя бы всё про ту же погоду
словно нет между нами важнее погоды
а всё прочее – пустяки

Да, я знаю:
ты проскользнёшь между слов,
отрянув по пути лепестки
безнадёжно засохших нарциссов,
и растаешь опять,
всё оставив как есть, –
и печаль...
Но взойди!

ВОСПОМИНАНИЕ

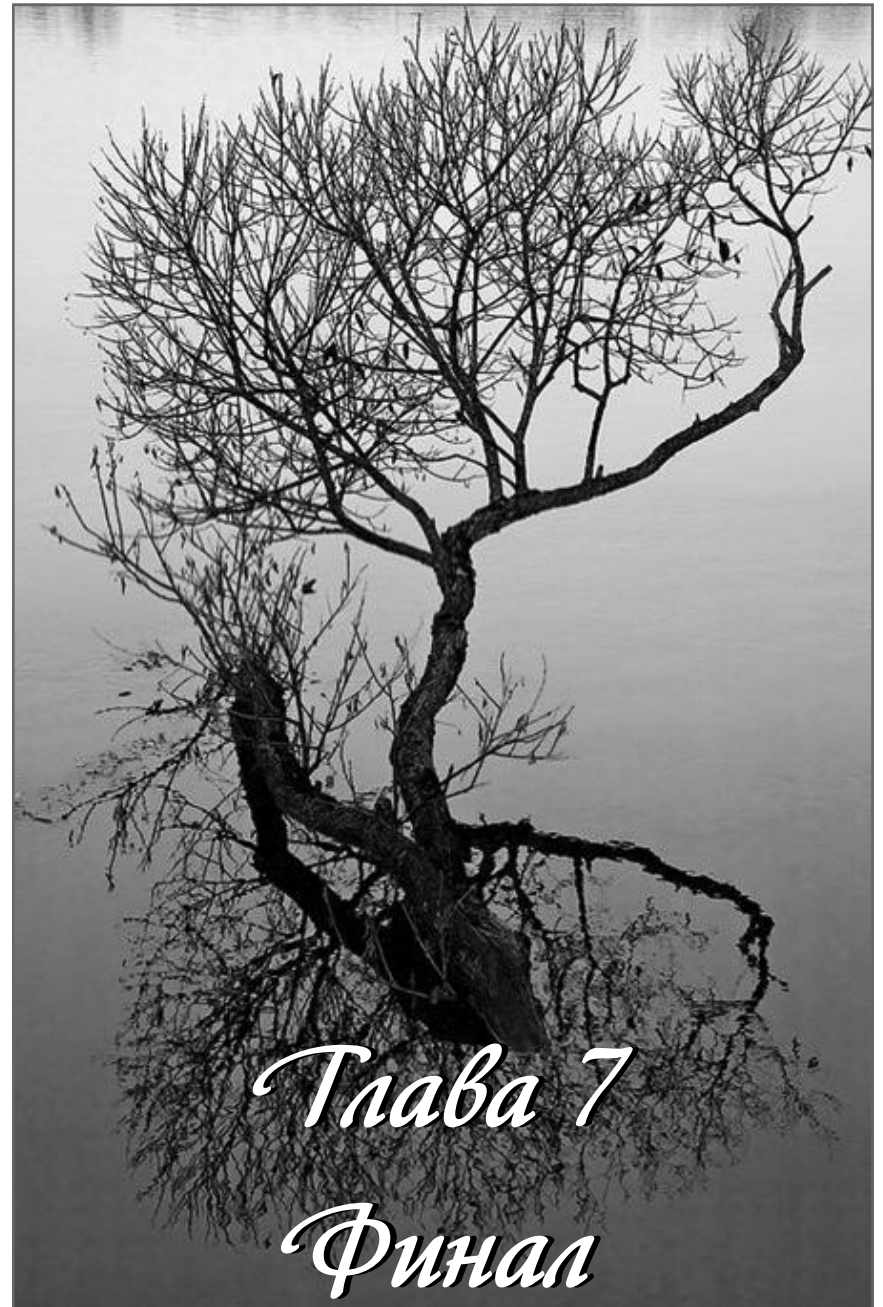
Мы встретились утром – случайно:
ты спешила, я торопился.
С разбегу – мы замерли вдруг –
напротив друг друга –
как на разных берегах
голубой луговой реки,
окружённые облаками.
И утренние птицы
стали нашим мостом.
Какое же счастье!..
Но вот – прощаемся,
удивляясь друг другу
и всё ещё радуясь. До вечера!
А сегодня,
то есть потом,
то есть в другое время
и в совсем другой жизни,
я говорю себе, закрыв глаза
и ладонями запечатав виски:
– До вечера? Не знаю.
Но кажется – до вечности.
И никак не могу вспомнить:
когда же всё это случилось?
почему – не случается?

* * *

А счастье — тоже совсем неинно.
Простые слова... простые ощущения...
В глаза заглянуть,
руку положить на плечо...
И утром — промчусь,
хоть бы ради того,
чтобы сказать:
— Люблю.

Глава 7 Финал

В ГОСТЯХ У МУЗЫ

Поговорим?
Я всё ещё верю в слова.
Пусть складывается история
из чьих-то валютных appetитов,
из гнусностей государственного быта
и хамелеонского вранья...
но по желанным подробностям бытия,
отвлечённым от суеты
и не распроданным по кошелькам, –
я верю в слова.
В саду – между щедрых веток,
в птичьих гнёздах,
затаённых в пышных кустах,
в синем озерце
посреди пшеничного поля
и там – в полуденных облаках,
и под дождём, на ветру, и в снегах,
даже в пустыне или на полюсе
есть слова – и живут
И живут они, и растут, и цветут,
пыльцой разлетаются,
тонут в болотах...
случается – выбрасываются на берег,
случается – ложатся, как ладони, на плечи,
случается – западают в душу.
С птицей, рванувшейся в высь,
сколько вспорхнуло слов...
И в проснувшейся памяти
сколько всколыхнулось слов...
Из всего, что на сердце,
сколько выльется слов...
пусть только одно –
но излечение и спасенье
и прощенье – надежда.
...И по надежде,
как по тропке робкого света,
не ты – ко мне
в сиянье белоснежных крыльев,
я – к тебе
с поклоном

и с тревогой в душе
за тебя,
за твою благодать,
с тревогой за слово,
которое пока не обрёл.
Поговорим?
Я всё ещё верю словам.
Расскажи – и я приму всё:
и огорченья, и радости.
Ты скажешь: – Больно...
И мне будет больно –
но сил моих хватит
взять всю твою боль
на себя.
– Жизнь темна, – скажешь ты, –
и не стоит она справедливости
и добра – никакого – не стоит.
Я поверю...
а во что мне вообще остаётся верить
и надеяться – на что?
Я поверю – и буду любить тебя так,
что любовь станет добрым добром
и высшею справедливостью.
Я расскажу тебе...
и пусть утешат мои слова,
и боль утишат,
и вплетутся в твои волосы,
и порадуют утром...
Я расскажу тебе –
и ты выйдешь из сумерек
в белой батистовой кофточке,
а в глазах твоих – свет,
блеск весенней капли...
и ты улыбнёшься.
Поговорим?
И может, сегодня,
несмотря на боль и проклятья
и кутаясь в потрёпанные перья,
ты мне всё же подскажешь
самое необходимое,
самое последнее слово.

ДРУГУ – ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЧАЙ

Аркадию Райтману

Казалось бы, кончилось всё:
и жизнь, и история... –
и вчера я молился.
Бесполезно! Сизиф надорвался –
и упустил свой валун.

И я вспоминал...
и всё задавался вопросом:
что же случилось?
что произошло?
...и так сокрушительна память,
словно страшной виной
я виноват перед ней.

Ведь было: рождение – предел,
от которого начинается будущее,
от которого начинается новая жизнь,
от которого, как от порога, – дорога.
Но Чёрной речкой память настигла,
и я – свидетель каинового дела,
и вечный вопрос у виска:
– Кто виноват?
И бессмысленно спрашивать:
– Что делать?

Ещё вчера я молился,
сегодня – обращаюсь к тебе.
Было... Я спасал себя
памятью о тебе.

Ты – есть... Нет, я о погоде:
она итожит новости и политику
и отменяет всякую необходимость
доказательств, объяснений, признаний...
она хорошо защищает
нас самих – от ненужности слов

и спокойно прикрывает
невольную сентиментальность души.
Ах, погода! она –
как музыка...

Впрочем, сейчас я припомнил
недорассказанный анекдот.
Может быть, он сам собою
приключился между прочими или как-то ещё
и примелькался в очереди...
Это ли не потеха,
что день за днём в белом свете –
неоконченные анекдоты?!
Вот веселье...

Но ты...
Знаешь, что? – к вечеру
кончай-ка свои дела,
а я сейчас
займусь снегопадом.

С утра ворожится,
с утра вспоминается...
Ты ещё далеко.
Ничего, подожду
и чистого снега дорогу
тебе настелю.

Снегопад помогает молчать,
всё помнить и –
хоть на один вечерок
забыться в воспоминаньях
о молодости.
И я берусь
наворожить снегопад.

Неуловима секунда
рождения первых снежинок.
Как будто – из ничего,
и вроде бы – ниоткуда.

Их первые такты
воздушны и невесомы...
трепетные прикосновенья.

.....
... чеканней серебра,
изысканней драгоценного блеска,
загадочней буковок Голубинога манускрипта,
одна к одной и любая – в особицу,
эфемерны, как вечность,
и чудеснее всяких великих чудес...
музыка... снежный хмель...

Наша память светла.
Но что же душу томит
и горечью застит сознание?

.....
Опаздываю даже в памяти.
Но может –
со снегопадом поспею?

Окно моё на длинной стене –
жёлтой маркой на сером конверте.

.....
... дров наломал – вволю,
да вспомню не всё,
и находился – из края в край
вдосталь...
Но вот, наконец, снегопад.

Рабство памяти... суд памяти...
Сумерки... беспощадные вспышки...
Неукротимая погоня...
Наказание?... Месть?...
Может, просто расплата?
Или тоже дорога?...
Дорога... дорога...
Но где же предел...
когда резче захлопнутой двери
и томительней медленного яда...

Если по памяти,
ещё не забитой нынешней болтовнёй,
то нас судить не за что.
А если судить,
то за одно лишь –
за то, что мы были
и остались верны
молодости, себе, друг другу,
за то, что мы жили.

Снегопад...
единственный не требует к ответу.
Остывшие сожаленья...
Распорошенные сомненья...
Ветки изломанными штрихами
напоминают вчерашний день.

.....
И просто зимняя повесть
с приглашением на чай.

Жизнь утишится в снегопаде,
и утешится память
до утра.

Снегопад – великолепный цветник,
по-детски волшебный край
непуганных снежинок,
расснеженных загадок,
неразгаданной музыки...

.....
... в тихом восторге
совсем другой жизни.

День – как на берёсте:
ветки изломанными штрихами...
висит и едва колышется
снегопад...

В секундах задержанного дыхания
снежинка проживает историю,
точную, как укол иглы.

Каждая – меньше обронённого звука,
меньше меньшего – даже в срезе луча,
и лишь сквозная сердцевинка
напоминает о точке,
из которой снежинка и родилась.

Снегопад... Такая простая
и такая обнадёживающая истина.
Уляжется, успокоится... ровнёхонько...
высокой белой свечой...
далеко видно,
да долго... долго идти.

Капель света – стеклянный звук –
в бездну снежности:
день... день... день... день...
Нет, это настроение души,
овеянной снегопадом.

Снегопад...
Ну какая же это тяжесть?
И какая же это грусть?
Всё теряется в нём:
и слеза, и проклятье,
и признание в любви,
и признание в грехах...
Жизнь изменится так,
что из всей истории останется
нынешний вечер
и снегопад.

Чисто... свежо...
Не сочетаются концы с концами...
развязаны, распутаны все узелки...
и мысли тише,
и спокойнее воспоминанья...
.....
перебирая снегопад по снежинке.

Прекрасны пустычки снежинок:
их шорох чище и призрачней

старинных песочных часов,
их свет и волшебней, и ярче
миндальных и вишнёвых соцветий.

С неба – свет, с неба – снег...
Душа свободна среди снежинок.

.....
Это лёгкий полёт,
который может только присниться.

...и потому, наверно, бывают тревожны
эти снежные зимние дни:
в длинной сосульке –
скрипичное предчувствие весны,
а тени сугробов –
в полдень –
уже голубые...

Снегопад – вольница...

.....
ни далеко, ни близко –
здесь и сейчас.
И мне кажется:
за этим ажурным покровом...

.....
между снегом и полной луной
белая – скатертью – дорога,
лёгкий воздушный путь.

Собирайся, пока снегопад.
А потом –
по тишине...
и – скатертью! –
по парчовому блеску.

Ты ещё далеко?
Ничего, подожду.
За снегопадом –
как за лесом дремучим,
как за трижды тридевять земель,
как в бессонной избушке
на окраине Луны.

Ещё вчера
до самого вечера корчилась
и растекалась земля,
распластываясь размокшей газетой.
Ещё вчера
без света жила земля
и мелкий, раздробленный мир
казался ворохом суеты.
Ещё вчера
на циферблате – распято –
дёргалось время,
растягиваясь... расплёскиваясь...
Снег выбелил начисто –
получилась луна,
и её времени
нам хватит на чай.

...и отметим по этому году
день воскресный,
февраля 2-ое число.

1992 г.

МНЕ БЫ ЗИМУ ПЕРЕЖИТЬ...

Мне бы зиму пережить...
Хотя эта зима
как бы вовсе и не зима:
нет морозов,
от которых стекло
до звонкого треска стеклянной;
и снег... ни покоя, ни тишины,
только слякоть и грязь
и томление духа.
Утром – холод сырой
своей липкостью и неотвязностью
напоминает предательство...
кто? когда? где? в чём? –
и не вспомнить уже,
и не отбиться...

разве что письмо издалёка
упасёт от него.
Но сердце – словно с обрыва...
Мне бы зиму пережить.
Четыре тёмных угла.
Свет лампы настольной –
подобием солнца
или жёлтой луны.
Чем теснее сдвигаются стены,
тем явственней мне география
времени после зимы –
по зябкой весне...
и времени полная чаша,
и дорога – хоть куда...
Спокойно – по набережной,
похрустывая карамелькой,
как в детстве сосулькой...
и сердце наполняется
под шаг и капель:
один... день... один... день...

СТИХИ ИЗ-ПОД КАПЕЛЬНИЦЫ

1.
по «скорой» прикован к капельнице –
как смятый окурочек к пепельнице
спрятаться негде
не спрячешься даже в себе
и только следишь следишь
следишь всепроникающим взглядом
как в беломорье больничного потолка
тонут тонут твои бумажные корабли
уплывающие без тебя
и уплывшие без тебя

2.
...вся жизнь
без лишней подробностей
и без строгих анкетных данных
целиком и полностью уместилась
в загогулистой формуле диагноза...

И нет вопросов, зачем жил,
как жил и где,
к чему привлекался,
чем увлечён...
Но выясняют дотошно:
а с чем вдруг свалился?
Чего хмурить лбы
и вспоминать учебник?
С сердцем, уважаемые, с сердцем!
Просто – как в прописи,
как на простынке младенец.
Как жил, так и свалился:
сердце – и больше ничего.

3.

Чередой –
из памяти, из новостей –
сбиваясь в сумеречную толпу,
огорченья... печали... и снова –
печали и огорченья...
Какая тоска...
Тоска – да и только!
Ни новогоднего боя курантов,
ни голосистых фанфар, поющих зарю,
ни цветенья, ни прелести весенней девчонки,
ни мохнатого инея утром,
ни теребенек задорных
заблудившейся балалайки...
ни бодрости, ни радости,
ни капельки счастья,
кроме долговязой капельницы
и снисходительного оптимизма врача.
Мои печали и огорченья...
до которых никому нет дела,
к которым и сам привык,
пока жил и надеялся,
привык до смертной тоски...
А мне говорят, говорят, говорят...
Я уже не различаю голосов:
то ли опять ядовитые новости,
то ли сплетни, то ли советы...

го только слова, слова –
фантиками детских конфет.
И снова – печали и огорченья
из неотступной памяти,
из-за просыпавшихся слов.

4.

за оконным стеклом
как под тонкой плёнкой льда
тлеют фонари – экономясь
на жизни-здоровье случайных прохожих
а между стен – на последнем вздохе
медленно умирает тишина
и уже совершенно безразлично
какая продолжается история
как утонет в траве твоя тропка
и между полутёмным тоннелем улицы
и сокращающимся вздохом
проскакивает искрой:
скоро

РАДИ ПТИЦЫ

Синице

У меня
в груди
возле сердца
живёт птица.
Когда поселилась –
не помню.
Что ей в сердце моём –
не знаю.
Но живёт,
прикрывая сердце крылом
от капризов погоды,
от тёмных мыслей
о ничтожности моего бытия.
И тревожит
то рябиновой ягодой,

выпавшей угольком
из горького костра осени,
то стуком в стекло
моего серого окна:
– Выходи!
 Выбирайся
из пыльного своего одиночества.
Встряхнись наконец!

А то – напомнит,
в слезах,
 со стоном,
голоса не жалея,
что даже каштан...
 в кулаке... под подушкой ли...
может душу согреть
и одарить надеждой...
так соберись же...
встряхнись!..

Но я песню забыл,
и она отлетела,
как душа отлетает
от замёрзшего в одиночестве.
Я слова растерял,
и в душе лишь песчаная жажда.
Вот – молчанье...
как безлунная ночь,
 волчья ночь,
как подлость
 забывшегося в благополучии друга,
как предательство
любви, всем на свете пресытившейся.
И не понять проклятий.
И не принять обид.
В остатке – волчья тоска.

Но я знаю:
 птица не даст умереть.
И знание это –
 свет мне утренний.

Остановится сердце,
устав от меня и моего одиночества?
Так ведь она
 встрепыхнётся
и будет биться,
чтобы жил,
чтобы не смел умирать,
не исполнив всего,
что надо исполнить,
что должен исполнить.

Так случилось,
что в груди у меня
возле сердца –
живёт птица...
И я снова и снова
наклоняюсь
над белой пашней листа.

Что ж,
 будем жить.
Даже если уже не идёшь,
а бредёшь,
 как в проклятую гору
злосчастный сизиф...
А то – как же быть птице,
на крыло взявшей боль твою
и усталость?!

Значит, ради птицы?
Да, и ради птицы.

НИЧЕГО, КРОМЕ СВЕТА

1.
успокойся в осени...
всё собирает осень
в неспешный костёр
ополоснись серым дымом
и оглядись

запойные маляры
помахивают по роще кистями
в цыганский полдень
на цыганском ветру
острой синей водкой
проливается перспектива
погода – в полжизни
и такой неверный
дыроватый покров души
но успокойся и позабудь
заклятья бессонницы и памяти
по которым складывается
твой же исход
недопетая осень... когда-то...
растранжиренная весна... навсегда?...
в прах растолчённая зима... зачем?...
провалившееся лето... почему-то...
да погода – в полжизни
такой неверный
и дыроватый покров души
но вспомни судьбу
так улыбчив осенний день
и солнце – детской булочкой
голубая флейта да золотая свирель
...ты мелькнула когда-то
солнечным мотыльком
и скрылась
запойные маляры
разгулялись по округе
под хмелем синей водки
а в красной чаше огня
уже вскипятились морозы
о чём поёт
на какой ноте стынет
осенняя даль?
радостно... тихо...
но не весело...
успокойся
замри у костра
и смотри
как быстрые лезвия пламени

подрезают серые стебли дыма
погода – всего лишь полжизни
всего лишь погода

2.

слепая как музыка осень
и день-поводырь – слеп
в широко открытых
в его ясных голубых глазах
солнце – точкой
...но уловить ухватить момент
и не запутаться в уточнениях
не погрязнуть в подробностях
белым-белым крылом
над просветлённым омутом
.....
кто? ты, Гораций?
с пирушки у Мецената?
от Левконой?
на осенний Массик?
или в Цекубу?
отряхая с сандалий
прах кипарисов сгоревших
поймал момент?
он сладок... он долог...
умеренные сумерки
между Фебом и Бахусом
между стихиями вымысла –
сволочным произволом прозы
и безглазой прозорливостью поэзии
между памятью и смертью
между ужином и любовью...
уловленное время
оно искусно запечатано
в шарик восточной конфетки
...и поливать его пряным
слегка разбавленным вином
но осень... ах осень!..
Гораций! твои кипарисы голы
как мои тополя вдоль дороги
беспредел нищенской свободы

и душевной щепетильности
босяцкий удел?
но какой же всемилостивейший суд
когда вместе – осень и моя жизнь
пресветлое благословение
у меня можно всё отобрать
даже дар Божьего промысла – жизнь
но не смерть и не осень
в песчинке и капле – больше вечности
чем во всей моей разбежавшейся судьбе
но пока у меня есть время
и может быть – успею
хотя бы осенью
или перед смертью
я щита не бросал
но и не сохранил
а был ли щит?
ведь мы жили
а не защищались
очнулся – тишина
и рука прижата к груди
наискосок – к сердцу
что, друг Гораций?
молчанье...
вне времени – умеренные сумерки
смутный шум затихающей вечеринки
на удаляющемся корабле...
или последние листья
прошумели за белым крылом
над замутившимся омутом?
а за мной
белёсая как извёстка
тень отца моего

3.
осень распускает скитальческие паутинки
распутывает узелки усмиряет сомненья
осень ничего не обещает – и длится
протяжной музыкой отрешенья
осыпался кошмар подробностей
и смазана лукавая прелесть уточнений

но подняться... подняться – и увидеть свет
ни боли памяти ни далее забвенья
ни более ни далее в отвесном небе
осень ясна как сбывшаяся надежда
когда под журавлиным крылом
присмирела земля в паутинках скитальчеств
да кленовый листок замершего мгновенья –
золотой мотылёк в синем небе
не крик – прощанье и встреча
не золотое сиянье – свет...
ни сторон ни углов ни заядлых направлений
в несочтмом диве осени
призрачно огороженной синей нитью
собрать хотя бы горсточку света... –
на чёрный день? или – в память?
сколько света от усталости до утоленья?
сколько света чтобы проснулась
чтобы прояснилась чтобы просияла душа?
о свеча неутолённого одиночества...
бледнеет и тает в осеннем свете
за всю прожитую жизнь не покаешься
а у чуда ни единого дня не вымолишь
и время в судьбе – вроде петли
настойной железной дороги
в раскрученном расписании
утра стрелецкой казни
никакою силою не поразишь пустоту
но свет – неслышно одолевает и распространяется
шире размаха крыльев больше судьбин
я молюсь... молюсь обращаюсь к отцу
и если тревожу светлые тени
если прошу сверх погоды и тишины –
всего лишь горсть света

.....
здесь свет – и здесь никогда не будет
ни горя ни боя ни боли

.....
свет как туго накрахмаленная
старательно выглаженная
белая скатерть с золотыми кистями –
для тризны

ПАМЯТИ ИОСИФА БЕЙНА

18 сентября 2011 года в Израиле умер
Иосиф Бейн, русский поэт

Осень птиц проводила...
Но птицы вернутся –
с новыми песнями,
с новыми крыльями.
Гаснут цветы –
но живы предчувствия вёсен
в каждой травинке.
Осень свята
светом, надеждами, небесами.

...в одночасье померкла.
И словно зима раньше срока...
И в небе – пусто и гулко.
И во все концы света –
некуда мне уйти,
не сбежать от рухнувшей вести:
умер.

Жизнь моя сократилась
на ещё одного человека.

Короткая строчка – граница
между жизнью и вечностью:
сегодня умер поэт.

Наверное, вышел срок и час приспел...

.....
Что отразилось, что проявилось
в слепых глазах
в самый последний миг?
О чём, о ком стукнулась боль в сердце? –
и сердце остановилось...
Строчка – чертой,
разделившей и золотую осень,
и рекой пробежавшее время,
и жизнь... жизнь рассекла:
умер.

ударил в память
в сердце кольнуло
и на миг задохнулась душа

Строчка – чертой
между жизнью и памятью

Молодость... жизнь моя!
В улочках Старого Города,
пропахших чёрным кофе
и болгарскими сигаретами,
мы встречались,
мы узнавали друг друга
по молодецким стихам...
потому что верили
в шутку или всерьёз,
но вширь и ввысь,
на всю глубину планеты:
переустройство мира,
переустройство человека
начинается со стихов...
в основании мира – Поэзия...
и жизнь сотворилась
единым словом,
но тоже –
в шутку или всерьёз.

Не было,
уже не было никого,
у кого мы могли бы спросить:
или в веке своём почили,
или в веке нашем сгнули в зоне,
или смелись за бугор – и канули.
И мы не спрашивали.
Мы сами были вопросами...
и утверждали,
пытаясь преодолеть камнепад
славословий и лозунгов
и зачатое молчанье.

Мы ж не звёздные мальчики.
Мы никем не придуманы.
Мы были представлены только собой.

как мы были...
и были молоды?..

Где молодые мы?

С планеты нашей молодости
уже не будет ни вестей, ни стихов...
но ещё не остыла память.

о-о-о... если есть память
у стен и бульжников Старого Города...

На исходе жизни
ослеп поэт.
Кто-нибудь скажет: возраст, здоровье...
Но ответ – очевидней:
жизнь... просто жизнь,
от которой выгорают глаза
и разрывается сердце.

Смерть подвела черту –
и дальше
не очень-то вечная память.

знаю:
есть смерть
сирый холмик
и серый камень
есть...

но-не-для-те-бя!
ты – не из тех,
кто как ржавые листья
на ржавых дубах

умер
рыжебородый поэт

Грешный?
Так назовите святого
среди всех живших

и ныне живущих
настоящих поэтов!

умер
и сразу – другое время...
другая жизнь – без тебя...
доживаю...

Я устал от смертей.
Единственное, что ещё вынесу, –
мой последний день.

Но я не плачу... уже не плачу...
и вещички не собираю...
нагим пришёл и нагим уйду...
даже листок с последним стихом
не прихвачу с собой.

А память...
нет над памятью власти
и воли ничьей – нет.
Я помню.
Пока жив – помню.

А потом...
мы встретимся, брат,
обязательно соберёмся
и поделимся стихами,
как хлебом.

ИЗ ПОВЕСТИ О РОМАНТИЧЕСКОМ ГЕРОЕ

1. Романтическая фантазия

Помню: город белокаменный,
белее полярной шапки,
но – много зелени, много цветов.
Окна под островерхими крышами
отражали голубое небо,
безмятежные и невозмутимые,

а фонтаны – на каждой площади,
даже в крохотном сквере,
играли и пели, играли и пели,
рождая широкую радугу.
И город сверкал – как рафинад...
счастливый в своей стихии,
зелёной и многоцветной.

А прохожих... словно всё человечество,
прогуливаясь или по делам, текло через город.
Я расспрашивал у прохожих про тебя,
потому что верил и знал:
что же за город такой – и без тебя...
Мне рассказывали, меня направляли
и запутывали в собственных историях...
И тогда я поверил мальчишке,
у которого не было собственной истории,
но много историй теснилось в его голове,
и был он похож на меня,
когда я был в такой же поре.

Так я догадался пойти на восток.
А там – сразу за порогом города –
стояло дерево, вытягиваясь – как на цыпочках,
будто вышедшее за ворота на минутку.
Светлый ствол, ладошки листьев резных...
и тепло мечтательности задумчивой,
как весенний туман,
как едва уловимое облачко.
И я узнал: так это же ты!
Живёшь зачарованной жизнью,
ловишь капли в ладошки
и ветками цедишь весенние звёзды,
протекающие на землю,
чтобы стать незабудками.
И ещё – я подумал: уведу
по самой прямой, по самой ясной,
по самой счастливой дороге.
Но ты не услышала. Ты ждала.
Молча ждала, стараясь высмотреть в море –
то ли флаг, то ли дым, то ли парус,

и улыбалась, ладошкой лаская котёнка –
зелёноголазого...

Что-то было не то, что-то было не так...
Ах, время... и ах – расстоянья!
И до города – как до самого дальнего берега.
Каждый по-своему, но надеялись:
мы перестроим расстояния.
А расстоянья перестроили нас.
Каждый по-своему, но верили:
мы изменяем-изменим время.
А время – изменило нас.

.....так и живём:
ты – вне пределов фантазии,
я – вне пределов памяти.
Лишь чёрный котёнок...
всё так же... на книжной полке...
зеленоглазый...

2. Жалоба героя

Героем трудно быть.
Ю.Марутаев

Пожалей меня, мама,
в полдень – щедрым дождём,
в горе – открытой дверью,
в одиночестве – светлым окном,
за которым ждут меня,
верят, надеются...

Так бы, наверное, было,
да, наверное, жил не так.

Первым же весенним ветром
смывало меня:
в дорогу! в дорогу!
И никто не крикнул мне вслед:
– Вернись! Я люблю тебя!
Хоть какой-никакой,

хоть израненный и босой,
ты только вернись!
Я люблю тебя!

Парни, влюблённые в романтику
и снисходительные к вещам житья-бытья,
по-солдатски споро мы собирались
с заботой одной – о дороге...
уходили – далеко, уходили – надолго.

И несло меня, мама, как по ветру лист,
в любую сторону света.
Велика Россия: есть где разгуляться,
есть где размечтаться,
есть где судьбу испытать.
Если кто-нибудь и виноват
в нашей жизни и нашей судьбе...
только молодость, наша молодость.
А с нею мы жили – наспех,
И судьбу мы решали – на скорую руку.
Молодость! Жизнь моя!

А когда возвращался –
я возвращался к тебе,
как солдат на побывку.
Ты смывала
окалину каких-то побед.
Ты оттирала
ржавчину каких-то поражений.
Мама! Ты излечивала меня
от всего-всего, что казалось тебе
больным и опасным.
Можно излечить хмель побед.
Можно излечить отчаянье поражений.
Но разве излечишься от молодости?!

...и стояла за спиной,
когда я засматривался в окно:
не весна ли...

Но вот снова и снова
небо в весеннем смятенье:

то ли быть дождю – по дороге,
то ли разгорается солнце – навстречу,
то ли ветры будут гонять облака
по всему синему полю...
– Мама, я должен...
И не мог рассказать толком,
что должен... кому...

Ты в окне – вот икона моя,
на которую я молюсь
через полвека зим,
через полвека лет.

А дороги уходили всё дальше.
И длились дороги всё дольше.
И однажды я не вернулся.
Прости – и пожалей меня, мама.
Жизнь моя! Молодость!

Не сбежать от воспоминаний,
а в них – как на суде:
позади – мы никому не нужны,
впереди – нас не ждал никто.
Но мы тянулись выше своих корней.
Сколько могил в вольных просторах...
Сколько потерь и утрат
в великих победах...

Пожалей меня, мама.
Я так давно не видел тебя.
И живу сейчас... словно иду и иду
по долгой пустынной дороге.
В моей жизни
уже ничего, кроме смерти,
не случится, не произойдёт.

Жизнь на исходе...

Головокружительный хмель весны...
Растревоженные воспоминанья...

Пожалей меня, мама,
оттуда... с небес...
из приюта всех светлых душ.
Я так давно не видел тебя...
Пожалей,
как ещё никогда не жалела...
Приснись – и утешь, а утром
сирень осыплет росой,
словно оплачет.

3. Конец романтического героя

Отщепенец и фантазёр,
обломок фрегата,
не сгоревший в последнем костре...
мне собираться долго не надо –
я готов. И вот я уже обшариваю
ближние и дальние берега
своих воспоминаний.
Они плотно заселены,
но всё – случайные встречи.
Сегодня дороги мне и они,
как сочтённые часы
оставшегося дня.
И, прикрывая ладонью сердце,
Я спрашиваю всех встречных:
– Здесь были... такие... а с ними
веснушчатый парень с голубыми глазами...
– Нет, мы здесь живём давно.
Нет, здесь не было никого.
Как же так... как же так...
ни следов... ни памяти... ни песен...
И я совершаю набеги на города –
на те, в которых бывал,
на те, о которых мечтал.
Но я не узнаю горожан:
словно другие люди,
словно другой народ.
Вглядываюсь
в незнакомые и почему-то чужие лица
и, прикрывая сердце ладонью,
расспрашиваю:

– Здесь бывали... как волна за волной...
сколько работы, столько и песен...
не встречались ли... и ещё парень,
веснушчатый, с голубыми глазами...

А в ответ – ни словечка. Отмашка.
И на бегу: – Не стой истуканом!

.....
Жизнь... словно завтрашний день
провалился в позавчерашний,
никому не нужный день.
А сегодня – всяческая суета.
И... отщепенец и фантазёр,
я кончаю свой путь
наедине с памятью
наедине с мечтой...
словно отбывший немалый срок,
получил, наконец, освобожденье.

4. Опоздал

Я опоздал.
Красный конь мой в луга ускакал –
за дремучий лес,
за высокие горы,
за тридевять дальних земель.
Уже и следы его пыль затянула.
И ночь без него – темна в одиночестве...
без надежды, без слов, без удачи.

Я опоздал.
И мой поезд ушёл прямо за горизонт,
огни его утонули в вечерней дымке...
да колёс перестук
по рельсам доносится глуше и глуше.
Ушёл – поезд моей нераспознанной судьбы.

Я опоздал.
За круглым твоим столом все друзья,
и родные, и близкие, все – дорогие,
освящённые памятью,
освещённые твоим дружеством.

На мой стук ты приоткроешь дверь,
что-то смущённо припомнишь – и скажешь:
– Извини, у меня гости сегодня.

Я опоздал –
и оказался в какой-то зоне.
Глухо. Пусто. Холодные окна.
Дикие переулки – и пропасти подворотен...
Кручу диск, тычу пальцем в кнопки:
сейчас – через пол-России...
сейчас – отыщем друг друга...
сейчас – распознаем судьбу...
пыль взметём... поднимемся над горизонтом...
– Руку! – кричу я. – Руку!
Но недосыгаемый автомат
нежно мне отвечает:
– Абонент вне зоны.

Почему же и как опоздал?
Почему – только старая яблоня
как бы слушает –
и молча понимает меня,
верной веткой прикасаясь к плечу...
Не отсиживался в уединенье –
жил вместе с народом моим
на вере, надеждах, любви
по всему пространству России.
Не копил, не стяжал –
я работал и строил стихи,
из которых родилось бы слово,
не знаю – хлебное или воздушное,
знаю – необходимое.
Не лез по лестнице вверх,
но чтит дороги,
исповедуя завтрашний день.
И – опоздал.

Значит, где-то и как-то впал в суету.
Значит, было – и себе изменил,
и сорвался с катушек –
в канитель, как в метель.

Значит, был поворот –
да не тот... не туда...
Безошибочна жизнь!
Это мы совершаем ошибки
и расплачиваемся с собой,
и расплачиваемся с судьбой
опозданиями.
Я – опоздал.

Но может...
если может такое случиться...
ты позвонишь мне однажды.
...Конь заржёт за окном,
гукнет поезд призывно...
и я приду к тебе в гости
на чашку зелёного чая.
Жаль только, времени мало...

5. Другу

В собачью ночь... когда бездомно
даже за письменным столом,
когда безродно по всей нашей родине,
расскажи из своего далёка...
Не виделись мы с тобою давно,
не сидели друг против друга давно,
не молчали вместе перед ночным окном
давно, давным-давно...
Пусть так. Да к тому же зима затяжная.
Но в изовранной и разворванной жизни
мы не отреклись от молодости,
мы не отреклись от себя,
мы не отреклись друг от друга –
как никогда не отрекались...
и не пошили себе зимних шкур
из романтических рассказней –
чудных былей и обыденных небылиц.
Расскажи... И я прислушаюсь к каждому слову,
как бывало – при встречах и прощаньях.
Может, в твоём краю ещё есть небылицы –
и они правдивее и насущнее всех,
которые я привозил... помнишь? –

из амурской тайги, из глуби Таймыра
и даже из степного села...
И как хороши небылицы по случаю,
а ещё лучше – без случая... для души...
И для каждой – ради правды вящей –
припоминался лукавый анекдот.
А были свои сберегали под Новый Год,
когда и без анекдотов после полуночи,
уже притомившись, мирно выслушиваешь –
и веришь в другую жизнь,
в другие пространства и другие дороги...
Оставаясь на своих дорогах,
мы не отреклись от перекрёстков наших встреч.
Но что же кончилось? Что – иссякло?
Время? История?
Мы вглухую обложены жизнью,
перенасыщенной враньём, как эта зима дождём.
Но мы есть... и пусть далеко друг от друга.
Мы есть! И может быть, мы одолеем
непреодолимый холод непреодолимых расстояний
нашей непреодолимой России
в эту собачью ночь.

6. Ночь наедине с ангелом-хранителем

1.
Ангел мой!
Что ты увидел
из-за напрягшегося плеча?
Чему удивился,
вздрагнув,
со стоном?
Боль темна, как ночь,
и, как кровь, горяча...
лист – пролётом лестничным
или пропастью – бездонной.

Не шебуршись,
белоснежные крылья свои
не мни.
Собери в горсть

всю дивную силу свою.
Это я боялся,
что ты
вдруг сочтёшь мои дни
по мукам души...
и допеть – не допою.

Но всё же, выходит,
есть ещё ночь,
и терпенье, и лист,
есть ещё время...
и я – сам по себе,
словно точка опоры в разгоне...
...Где-то в юности
за ночным горизонтом
сгорает мятежный порт Лисс...
И вот рождается чувство полёта
на едва слышном стоне.

2.
Ангел мой!
Что же поделать, если будущее
только музыкою – осенью – издалека,
а прошлое – даже вслепую...
и подавно – втихую, вглухую –
пулей в затылок?...
Ангел мой! Ты прав.
Это не ночь, а ледяная тоска
наедине с миражами
тюрем, расстрелов и ссылок.

.....
Так за чей же высочайший долг
и за чьи разорительные долги
я расплачиваюсь бессонной болью,
а сейчас – золотыми осенними днями.

3.
Ангел мой! Кончилась осень.
Слова же мне так и не было.
Не было слова и нет.

Память, любовь, надежда – за них
боль мне стала новейшим заветом.
Хоть разорвись,
хоть разорись от боли
на весь белым белый свет...
кто его знает, сколько веков
и сколько ночей восходить за ответом.

Ангел мой! Не пытай себя и не пытайся –
не избавляй меня от моей крестной муки.
В каждой смуте в веках
или в наших заклятых буднях
кто-то идёт на бугор.
Ангел мой! Ты не стони и не плачь
и не заламывай жалобно крылья и руки.
Слёз и печалей довольно на мне,
в каждой – жгучая соль и горький укор.

4.
Помнишь, Ангел? В юности казалось,
крепкий красный фрегат
из мятежного Лисса придёт.
Ещё бы! Мы верили:
если свободы – то её уж как хлеба,
если хлеба – то вволю...
Смотри же, смотри:
последним, но горит огнём,
погибает мой порт...
Ангел мой! ...если даже любовь
оборачивается неумолимой болью.

5.
Ах, Ангел! Ну что ты? Не распускайся,
не страдай, как глухарь на току,
меня от катастроф и болезней храня.
К утру поднимусь, и может – мне повезёт:
я прорвусь на такую строку,
которая просто и верно, как нож,
доконает меня.

Ведь это ж обычно: взойти – и сгнуть.
Иной исход даже обиден.

Потому и напрасна твоя страдальческая
голубиная воркотня.
Если весь путь не по-божески предрешён,
если весь путь героически обыден,
так как же
в раскисших буднях и в догорающем Лиссе
среди всех прочих –
и без меня?!

6.
Отче мой! Отче мой! Докричаться бы:
для чего ты меня
здесь, на земле, оставил?
Я ж ни о чём не прошу, ни о чём не молю –
только б дойти до рассвета!

.....
Иди, Златовласый мой, по миру...
иди в незабвенной любви и светлой славе.
Ты не один – вместе с душою моею
как свидетельницей завета.

7.
Ангел мой!
За меня бояться
уже нечего.

ПЕРВАЯ ЭЛЕГИЯ УЛИЧНОГО ФОНАРЯ

Подняв воротник
стараясь не трогать струн
от звёзд до земли
по брусчатке спускаюсь к реке
Огни фонарей
над спокойно блестящим парашютом
длинно тонут в реке
тёмной... темнее беды
темней забытья
тонут... и не волнуют
ни своим маслянистым светом
ни своим постоянством полночным

А всё потому что им
утвердившимся фонарям
стихи ни к чему...
лишь бы трезв был электрик
да не лопнули б лампочки
а река не стянула бы с берега
в тьму неизвестности и невозвращения
Но стихам –
так случается иногда –
очень нужны фонари
огни которых длинно тонут
в космически тёмной реке
И я подняв воротник
сырым осенним вечером
стараясь не задеть ни струны
от звёзд до земли
спускаюсь по переулку к реке
к неизменной череде фонарей

ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ УЛИЧНОГО ФОНАРЯ

Почему ты соврал
что фонари к стихам равнодушны?
Кого хотел обмануть?
Но обманул сам...

В сфере спокойного
незамутнённого света
мерцают крошечные эфемериды
каждая – точкой летучей
проживая жизнь краткую
но в полёте и свете

На площадке разлитого света
встречаются призрачные тени любовников
развоплощённых клеветой
сплетнями и общественным осуждением
Но свидание – состоится
на площадке света
разлитого фонарём

За пределами света
тобой оболганного фонаря
почувствуй окно...
не надежду и плач
не молитву и ожидание
даже не имя
а просто – розовое окно
Затаи вздох – иди...
И свет фонаря будет музыкой вслед
в неизбывном сюжете
одинокого вечера
Так зачем ты про то
что фонари к стихам равнодушны?
Теперь – не обманись...
махни рукой фонарю
и – иди

ЖИЛ-БЫЛ ТАКОЙ НАРОД

Совсем недавно
и всё же почти жизнь тому назад
говорили мальчишке,
неуёмному фантазёру в коротких штанишках:
...и бегать никуда не надо,
здесь живи и резвись,
ведь земля – как бы остров... море кругом,
даже не какая-то европейская
или наша курортная лужа –
океан... а земля – как бы остров.
И просвещали мальчишку:
жизнь вышла на сушу – из океана,
вышла где-то... когда-то...
и распространилась.
Так уж устроен круг земной,
океаном рождённый,
океаном взлелеянный.
И позже – по молодечеству –
был неизменно уверен:
куда б ты ни шёл,
куда бы ты ни летел,

любая дорога в круге земном –
возвращенье на родину.
Со временем забывались сказки.
Мечты лёгким светом оседали в памяти.
Но случались тревожные сны,
а по весне мы прислушивались к ветру.
И собирались споро,
и уходили надолго,
и не всегда возвращались,
и возвращались не все.
Куда уходили мы,
если и с крыши видно:
с высокой волны океана
дорога – в небо...
А небо – простор и воля!
Ах, мы, народ мечтателей,
странников и скитальцев,
разбредались по белу свету,
оставляя вместо себя
весёлые рощи
и молодые города.

ПИШУ ПИСЬМА

Ни по журавлиному кличу
я не ждал гостей.
Ни по летящему снегу
я не ждал гостей.
Казалось, жизнь завершилась –
пока не услышал твой голос...
Стихло время, и остыла округа.
Но у меня есть печка и пёс возле ног.
Приходит ночь домовитой хозяйкой.
Разгорается печка с обычным треском.
И пёс ворчит на прохожий шум.
...Сегодня утром я услышал твой голос.
Он не звал, не тревожил,
он не бился птицей...
но я понял: ты – есть.

Когда весна...
ещё дрожь от морозца,
но проснулась трава
и облака тучнеют,
собираясь к первой грозе...
я пишу тебе письма.

Когда в летней жаровне
плавится синее небо,
река – вся в блёстках – спящей царевной,
а зелень-то, зелень
охватила всю землю, весь белый свет...
я пишу тебе письма.

Когда солнцеворот
сминает год, начинается другой –
торит путь в вечность,
неизвестную даже ему, –
пишу тебе письма.

Сегодня утром я услышал твой голос.
Может, так: незнакомая птица, залётная птаха...
или эхо в душе... родилось... отлетело...
и там... в стороне... живёт твоим голосом –
голосом нашей единственной встречи.

Когда пишу тебе письма,
ночь становится тишиной,
не потрескивают поленья в печке,
словно огонь и ночь прислушиваются
к бегущему шороху письма.

Когда пишу тебе письма,
память ясна и спокойна:
прощает ошибки и промахи,
прощает нажитое,
прощает растраченное
и тепло дышит в затылок.

Когда пишу тебе письма,
я свободен и счастлив так,

что утром, распахнув окно,
не узнаю свой привычный мир,
а мир, мой мир, – не узнаёт меня.

.....
Когда пишу тебе письма,
мой пёс жмётся к моим ногам
и понимающе вздыхает –
ему не к кому обратиться:
я – его единственный адресат.
Но не знает мой пёс, что у меня
единственный адресат – ты
в давнопрошедшем времени,
в непреодолимом далеке.

КАК ВСЕГДА...

раздумья не рождаются
и сами ничего не производят
всхлип за стеной –
беспощадней выстрела
хлопнувшая форточка –
решительней точки
и спичкой вспыхивает удивленье
по неясному как сон воспоминанию
о том что прошла волна
или мираж отклубился
и даже звуковых порошинок
не остаётся на кончике пера
ничего кроме сущего:
– Люблю.

НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ

Объявление на сайте «Жди меня»:
...ищу друга молодости...

Не ищите меня – я нашёлся...
неожиданно для себя
и, может, случайно для вас.

Как застарелая болезнь
или едва зажившая рана,
вдруг распалилась память.
Жизнь безошибочна,
как бы ни жил,
да и где бы ни жил.
По камешку, по песчинке,
по неуловимой капле...
но нет же – по словечку
собираются подробности
в головокружительном круговороте
неожиданных воспоминаний.
Я уже дошёл до того рубежа,
когда мёртвые окликают
чаще, чем живые.
Забыл – потерял?
Но оказалось – помню
и никогда не забывал.
Кто потерялся, а кто истратился,
кто тихо умер,
а кто пропал пропадом...
Вы искали – и я нашёлся.
Как же нас раскидало...
как же нас мало...
Помню: город, море, погода...
и пусть от слёз не различаю
ни лиц, ни одежды, ни голосов...
Нет, голос... один...
такой знакомый, единственный...
обещанием радости...
Ни огорченья, а их было полной мерой,
ни нужда, ни ошибки решений –
не вспоминаются.

Голос... только голос...
и память светла
в своём счастливом преображенье.
Так – я свободен...
и солёный ветер
с запахом водорослей и смолы.
Море мелкими шажками
набегает на берег
и откатывается, шелестя песком.
Красная лодочка солнца –
восход ли, закат –
на тонкой черте горизонта.
Органные сосны стихли,
вытянулись, изготовились
к ночному псалмопению над морем.
Мир свернулся калачиком... замер...
только звёзды напоминают
о глубоких далях и голубой вечности.
Город не дошёл до моря –
так и стоит над рекой,
по самые крыши погрузившись в память.
Между морем и городом...
я был молод, свободен
и, конечно, влюблён.
И счастлив был
простором завтрашних дней...
Нет, не скажется и не споётся –
но вспоминается
молодым волненьем и светом.
Из одинокого моего сегодня
все погоды – тогда и так далеко –
были весенними и попутными.
А в свете утра или в свете вечера –
улыбающееся лицо – голос:
– Ну, здравствуй!
Вместо костра – дымящийся кофе
в хрупкой чашке,
похожей на подстриженный куст.
Но каждая наша встреча –
словно под парусом,
поймавшим нужный ветер.

В каждой нашей встрече –
лёгкие прикосновенья слов
и предчувствие стихов.
И случались, и происходили стихи
из улочки в улочку
под фонарями Старого Города.
И мир сворачивался калачиком... замирал...
и только звёзды напоминали
о глубоких далях и добрых дорогах,
о непреходящей вечности
молодости и весны.
Среди изломанных судеб – в перепутанной истории,
где растеряно всё и все растерялись,
ты искала – и мы, конечно, встретимся –
словно бы неожиданно и случайно.
Но времени... что же осталось времени
всего-то лишь... ах, всего-то –
младенческая горстка песка.
И быть может, мы всё же успеем сказать друг другу
недосказанные,
но сбережённые нами слова... –
под тихое пение сосен
на берегу нашей молодости.

СКАЖИ...

скажи без оглядки
выдерни из рукава туза или розу
не разлетится свет не разбежится стекло
ясной свечой полыхнёт
в лице – ответ
пусть суд но ответ
как притча о Сеятеле и Скотоводе
по режущему краю
течёт серой пылью суета
сумерки заморочены тиканьем
омут нежилой пустоты
скажи сейчас а потом – сквозняк
пустой голый след
след ничего след никуда

сейчас когда всё – только здесь
а память рисует некий день
и снова лицо и в лице – ответ
ждёшь? отзовись!
но бледная немочь морщинит стекло
мнёт свет и отталкивает
не хватка страха но привычка
обычай покоя бессонье тишины
так задёрни занавеску на зеркале
уйди и забудь
и пусть забудут все
немота без воспоминаний
слепой шаг по сужающемуся кругу
мягкие нежные сумерки
но об этом – завтра... завтра...
и завораживающее мельтешенье
коротеньких и пугливых слов
да так всё как-то – ни о чём

ПОЛЕТИМ?

Помнишь? в детстве –
крылья... свобода...
Да что там крылья?!
Были бы ноги босы –
свобода!
И летели – бегом,
и смеялись – бегом,
и счастливы были – тоже бегом.
Не очень сытое детство
нас кормило свободой – любой,
даже самой невероятной и фантастической:
свободные подвалы и чердаки,
свободный двор во всю ширь,
свободная дружба, свободные игры...
свободно собрались,
свободно разлетелись.
Потому-то мы ночью
так часто летали во сне,
а утром – просыпались с улыбкой,
предвкушая новый свободный день.

Долго так жили,
не забывая о крыльях
и босоногой свободе.
Но всё, что случилось и произошло...
всё – в одно, всё – для того,
чтобы отбить нам руки
и повыщипать крылья.
Сегодня нам – не отбиться и не забыть:
не отбиться – от людоедских забот,
не забыть – кромешной свободы,
что обрушилась на нас,
словно взорванный дом.
Значит, просто, –
несмотря на погоду,
несмотря на сумерки будней, –
возьмёмся за руки – и полетим.
Ах же... крылья...
Ни в шкафу, ни в ломбарде,
ни в госхранилище...
нам просто вспомнить их –
и полетим.
Чтобы нас не смутили расстрельные крики,
чтобы чудак какой не подбил нас с испугу,
мы полетим в полночь
и – вокруг месяца.
А месяц сегодня весенний, тоненький...
там – за окраиной нашего города.
Мы живы, пока летаем.
Пока летаем, мы – люди, мы любим...
Так вспомним же –
и полетим.

ТРИПТИХ НА ВЕЧНУЮ ТЕМУ

1.
...а любовь манила издалека
.....
Я так до сих пор и не понял:
то ли из тридевятих земель,
то ли из-за синего горизонта,

А тобой не вздохнуть –
так навек голодать... беспросветно.
И ты не признаёшь пределов:
каноны, законы, быт или смерть... –
вне времени камня, песка и воды.
Но сквозь времена –
то ли шествие, то ли полёт,
то ли дыхание божества...
Однажды...
 невзначай и мимоходом...
ты коснулась меня...
И пока длятся несуетно строки –
я ещё поживу.

А на окраине города,
где днём полно голубей
и вечером так одиноки фонари,
в полумраке подъезда бывшей казармы
увлечённо свиданничают двое.
И шёпот их тише шёпота звёзд
и всё выше и выше – за облака...
Так что ж мне не жить?! –
если двое влюблённых – мои:
я придумал счастливую встречу,
удивил их голубями и звёздами,
шёпот им подсказал –
и они расстаться не могут...
Так вот же: я ещё поживу!

И вот осень.
Год, как жизнь, подходит к концу.
Печаль и прощанье –
с каждым оторвавшимся листком,
а каждый листок – верней календарного.
Осенние маляры расцвечивают город,
пятнами лепят по улицам
червлёно-золотистые иероглифы –
знаки солнцеворота.
Только осенью – один на один с небом.
Только осенью – чуткая синяя даль.

Только осенью каждое слово твоё
похоже на птицу или сорвавшийся лист.
Печаль и прощанье,
 листок за листком...
слово к слову –
 и я ещё поживу.

Но зима... иллюзия чистого листа,
иллюзия надежды начать всё с начала –
с первого удивления,
с первого слова в строке,
с первого свидания в Старом Городе,
с первого поезда в завтрашний день.
Как ни крути, как ни крутись,
зима обнажает одиночество.
Но в свежести и белизне –
неистребимое предчувствие весны,
а значит – я поживу.

Ты была.

 И весна была...

Но теперь весна не случится.
Жизнь, как дорога, как прожитый год,
замкнула кольцо.
И к финалу движется пьеса.
Сердце сбивается с ритма,
словно кто-то напоминает:
«На выход!»
Так... да-да...

 у меня – последняя реплика...

я сейчас выхожу...
Я ещё поживу,
пусть недолго,
пусть всего шагов двадцать до края,
я – поживу...

Любите, дамы, Иосифа Бродского!

ТОЛЬКО НОЧЬЮ

Во сне меня звал маленький мальчик...
Случайный мальчик, сбежавший из дому
для игры в бесконечное путешествие?
Или я сам... из детства...
сорвав на ходу румяное яблоко,
прискакал – вприпрыжку – спасать себя?

Всё тот же вечер... всё то же место...
Дни и годы осенними листьями
разлетелись, рассеялись за спиной.
Остались часы и минуты
в старом и дребезгливом будильнике.
Время иссякло. Но продолжается история
в России... с Россией... –
как будто и не было нас.
И всё тот же вечер, и всё то же место...

Говорю языком нездешнего времени –
о вещах, испарившихся в нашем житье,
о понятиях, перелицованных до неузнаваемости...
и ничего – не узнать, и никого – не узнать.

И люблю – нездешней любовью.
Несу своё сердце по жизни
в ладонях, сложенных лодочкой.

Но почему так пусто и холодно?
Даже дом, родной дом,
где бы ни был он
и как бы ни блестел окошками, –
не защита, не опора... место жительства.

Бывает... во сне...
зависнув над бездорожьем России,
единым взглядом охватываю
подробности нашего исторического быта...
и просыпаюсь – со стоном... с болью в сердце...

И я пишу письма мёртвым друзьям.
Скоро... долго ждать не придётся...

в вывернутом наизнанку житье-бытье
я буду единственным свидетелем
их когда-то бывшей жизни.

Между жизнью и смертью – одиночество.

...И я стал ночным пьяницей.
Так мне легче и проще,
обращаясь к душе и памяти,
вспоминать друзей молодости.
Список друзей прекрасен,
как перечень кораблей у слепого Гомера...
и жизнь была походом в завтра,
плаваньем по России.
Мы были горды – как корабли,
плывущие в открытие...

Память светла.
Но как же горьки воспоминанья...
горше осенних костров...
и водка с ними не спорит.
Вспоминается горько...
Но я помню, малыш, помню.
И я верю, я ещё верю, малыш,
что память хоть что-то спасёт,
хоть кого-то вернёт
в поминанье.

Малыш! Возвращайся к себе.
Там, на Млечном Пути,
играй в салки с залётными звёздочками.
Я пока задержусь... вспомнил не всех...

Мне нужна эта ночь.
Чем глубже в ночь, тем добрее водка...
и надёжней всех словесных костылей,
которыми щедро одарена жизнь.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Полночь. Задёрнуты шторы.
Занавес! Окончен спектакль...
Я ползаю на коленях
и пытаюсь собрать
рассыпанные и разбросанные слова.
Словно бы что-то потеряно...
Время? – Его не было никогда.
Деньги? – Они никогда не задерживались.
Память? – Она при мне,
как тонкая пачка писем
и потёртая фотография
в нагрудном кармане солдата.
Но ведь что-то потеряно.
Словно бы подлеца не назвал подлецом,
А так себе – лишь усмехнулся.
Словно бы полюбил – навеки! –
но песню не спел – и не вырастил дерево.
Словно бы не отлынивал от дел,
но в жизни, как в речке, следов не осталось.
Словно бы...
Нет и нет, всё-таки время.
Время? Да вот же. Оно.
Полночь. Стою на коленях
над рассыпанными словами.
И смотрю на звёзды,
Которые похожи,
очень даже похожи
на рассыпанные слова.

В ОСЕНИ

Светлане, жене

Слышишь?
Осень... сегодня осень... погода...
Идём –
погуляем по небу,
пока оно ещё голубое.

Крылья оставь...
мы и без них –
мы с тобою легки на подъём.
А чтоб не споткнуться об острые ели
и не соблазниться
широкой кроной старого тополя,
широкой, как холм порубежный,
мы повыше пойдём...
пойдём осторожно,
как по тонкому льду.
Но шарфик свой,
лёгкий... просто утренний ветерок,
прихвати –
и пойдём...
и будем счастливы.

...два тающих облака
на журавлиной дороге.

ИЗ ДНЕВНИКА И ЧЕРНОВИКОВ

- А пространство известное – Россия.
- Младенческий голосок правды.
- Там, в зелени, тень и вода, согласие лягушек и соловьёв.
- В предутренний час, когда солнце не больше мечты...
- Старой гребёнкой торчит из земли череда тополей.
- Каждое слово – капля жизни.
- Протекла фантастика подсознания.
- Не люстра власти, а беспощадный свет памяти.
- Не сокровища искусного ума, не драгоценные плоды умелых рук... в государственной казне ничего не оказалось, кроме дерьма. И рвануло дерьмо. Похлеще Чернобыля. Но люди Чернобыля обречены на долгую смерть. Мы же обречены на долгую жизнь в дерьме.

- ...посеребрённая слезами.
- На кухне: хрустят крошками тараканы.
- Моя жизнь – вся – отражается в трёх ипостасях: старые стихи, старые дороги, старая любовь.
- Кумачовая ржавчина.
- Неveja... Одна из дюжины трясовиц. Беспамятье!
Беспамятье – самооправдание любого греха и любого преступления;
беспамятье – плотно утоптанная площадка для толпежа и толпотни;
беспамятье – сытая кухня и ритуальная пляска вокруг колбасы;
беспамятье – свободное плавание в тарелке пустых шей;
беспамятье – великолепный монмартр кикимор, шишиг, козлиц, дураков и восторженных междометий;
беспамятье – это гордыня страха;
беспамятье – последний ужас последней надежды...
- Неоправдавшееся прошлое, неоправданное будущее.
- ...когда стыдно смотреть даже своему псу в глаза.
- Честнее лопаты и справедливее топора?
- На планете Маленького Принца: баобабы взрывов.
- Почти Дали: осеннее самоубийство.
- А в февральском окне уже акварельное небо.
- Воспоминанья безответны.
- О Сократе: ... пальцем по краешку чаши с цикутой, чтобы сбросить соринку и сказать последнее слово.
- Жизнь перестала быть первой необходимостью. Не странно ли жить?
- Соломинка утреннего просветления.
- ... или это тоже одиночество, когда кругом дождь?

- Раздавленной вишенкой солнце сползает по стеклянному небу.
- Идеологические нечистоты.
- ...сзади подходит,
ладони на плечи кладёт,
нежно дышит в затылок:
– Ты невиновен, мой милый.
И тогда засыпаешь.
- ...во лжи, как в прокрустовом ложе.
- Я ничего не сказал. Ты ничего не сказала. Но где-то на полюсах засветилось ещё по одной одинокой и скитальческой звезде.
- Что за судьба – история со всем своим давнопрошедшим будущим?
– В солнечном круге пляшет
многоглазый бог.
Он заводится, он входит в раж.
- Животворные испаренья его блестящего тела
клубятся всё круче и круче.
Глаза излучают ослепительный свет.
Пальцы, прищёлкивая, искрят
длинноострыми бенгальскими звёздочками.
В клокочущем и светящемся жаре танца
словно бы закручивается, змеясь и играя,
спираль неведомой новой жизни,
чтобы пролиться на землю.
Так и будет. Будет – так! –
если только Земля не сгорит сама в себе.
Но искупительным пламенем взрывается память,
когда мелькают в священнодействии
четыре бегущих по кругу ноги
солнечного божества.
- Булыжники плотно устроились в мостовой, как человечество в автобусе.
- Память никому не изменяет. Мы изменяем памяти.

– На корявом кресте страха распята память, и могила её в толпе.

– В христианские времена Россия никогда не была свободна. Но воля в России была. Теперь – ни свободы, ни воли: оболгали друзья, предали враги.

– И словно гладь утренней реки – упоительное чувство покоя и воли.

– Что осталось в душе? Только тени песен и образ дороги.

– Не может быть веры в Бога без любви к Родине. И не рабов создал Бог. Всемогущему рабы не нужны. Бог создал сотрудников по образу и подобию своему. Верю: «Мой Бог меня рабом не называл».

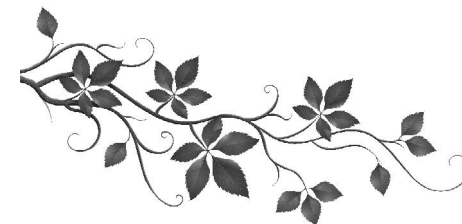
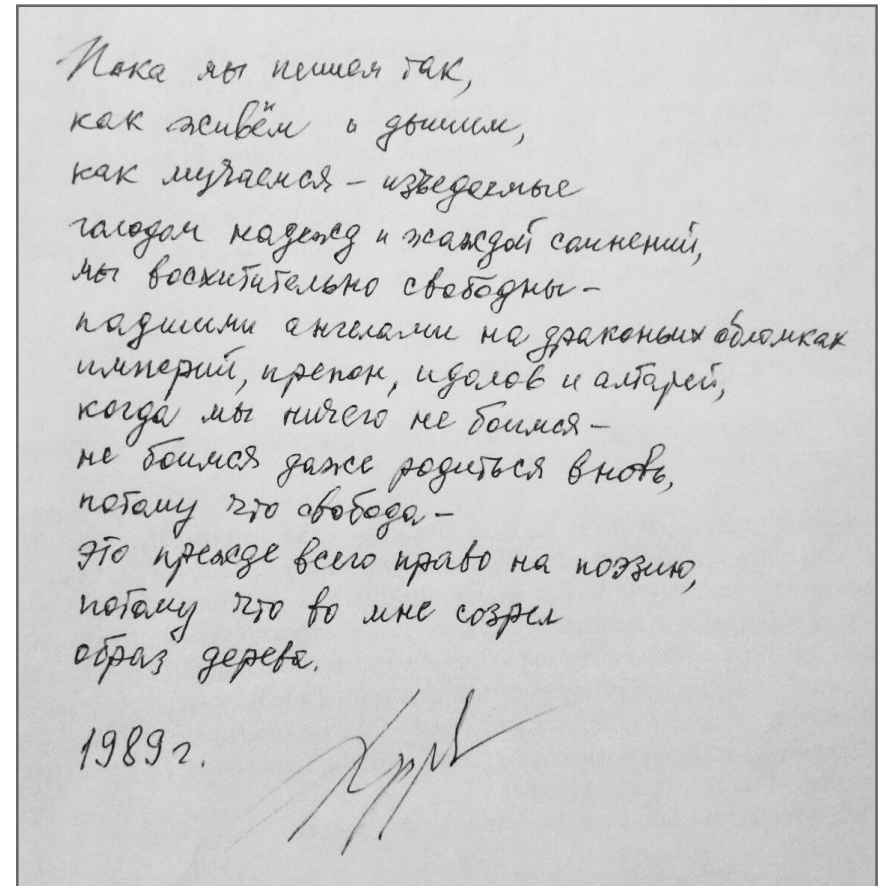
– Останови орла в чистом небе.
Вырви из костра, как из куста,
длинный стебель пламени
и скрути в тугой узел.
Слепи на бархане дворец из воды.
Придай звёздной искре
животворную текучесть.
Изобрети, сочини, придумай свет –
и чтобы стал свет.
Это – прекрасно,
как стон и радость в любви.
И это – род магии.
Смысл, равный поэзии,
и поэзия, равная смыслу.

– Дорога – как коромысло весов.
Дорога... вкус снега, вкус пресной лепёшки, вкус пыли.
Дорога и больше, и дальше, и дольше надежды.
Вся Россия – дорога.

– Да, я выжил. Но опять и опять приговаривают меня то ли к голодной смерти, то ли к смертельной тоске, то ли к крохотной судьбе калибра 5.45.

– Камень, брошенный вертикально вверх судорожно сокращается –
от ужаса полёта? или предчувствует возвращенье?

– В сквере:
Сквозь голые ветки, сквозь жиденькие прописи ранней весны Пушкин зеленеет.

Рецензия на «Я придумывал стихи» (Евгений Феодоров)

«...Я приду к тебе
и на круглый обеденный стол
положу вечернюю ветку сирени,
тихую и нежную...»

Объяснение в любви...

Конечно же, – «Объяснение в любви» – маленький шедевр Авербаха по прозе Евгения Габриловича, который камерно вышел в конце 70-х прошлого века, но не остался незамеченным. Как перекликаются Ваши строки с тем замечательным фильмом! Наверное, только та'к мог бы написать Филиппок своей Музе...

А Она читала бы это и... плакала...

Обязательно плакала бы...

И «вечерняя ветка сирени» тоже была бы в слезах, потому что...

Потому что не могло быть иначе,
не могло...

И пароход – белым воспоминанием – проплыл бы по судьбе снова (самая сильная сцена – финальная – не иллюстрация ли того, как «Я придумывал стихи»...)

А из нашего времени – абсолютное попадание музыки Шнитке – ещё одно «Объяснение в любви», с тем же названием.

«Я со временем позабыл,
как придумываются стихи...»

Это – неправда!

Если стихи становятся иллюстрацией музыки великого Шнитке (или музыка Шнитке звучит в унисон со стихами, которые словно рождаются из её тревожно-взволнованного звучания), если одно другим усиливается и дополняет друг друга, то никак нельзя забывать о том, как придумываются стихи...

Никак нельзя забывать...

Объяснение в любви не может быть прервано никогда...

Спасибо Вам...

Миоль (Ольга Мищенкова) 12.05.2015

1. ПЕСЕНКИ ПОД МУЗЫКУ СЕРГЕЯ МОЖАЕВА

ВЕСЕННИЙ ВАЛЬСОК

Как будто почек треск
в лесу дремучем...
Как будто лунный блеск
за чёрной тучей...

Припев:

Пахнуло свежестью,
кольнуло звуком –
как будто жимолостью,
как будто зовом,
как будто словом
от птичьей жалости,
как будто стоном
от птичьей болести.

Звучит поблизости,
зовёт далёко...
быть может, ласточка,
быть может сокол.

Припев:

Весны звенигород
не спит в округе.
Росой седых дорог
омою руки.

Припев:

И снова видится
сиянье радуг,
и снова верится,
что будет радость.

Припев:

Земля вся в треске
свечных мгновений,

земля вся в блеске
луны весенней...
земля вся в блеске
луны весенней.

ТЫ ОТВОРИ ДВЕРЬ

Ты отвори дверь,
ты отвори дверь,
чтобы дожди, звездопад,
чтобы листья шумели,
чтобы опять только ты, только я в этот вечер...
Но я смотрю: у тебя на глазах росинки.

Что-то забыл я,
что-то забыл я,
и далеко-далеко
день счастливый остался.
Вот и молю, как луну молит осенью яшень.
Но я смотрю, у тебя на глазах росинки.

Снова, как дождь, журавлиные клики прощанья.
Ты замерла и молчишь, словно тянешься вслед.
А я смотрю, у тебя на глазах росинки.

Кажется, шепчет над нами надежда.
Ты оглянулась и снова молчишь и молчишь.
А я смотрю, у тебя на глазах росинки.

Я улечу с журавлями, как лист улетаёт от ветки.
Мне бы забыть навсегда, навсегда твой порог.
Но оглянусь – и твоё голубеет оконце.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК
Детская новогодняя

Сегодня зима, сегодня зима,
и нет огорчений и слёз.
В гостях у меня, в гостях у меня
Снегурочка и Дед Мороз.
Подарков мешок, огромный мешок,
и ёлочка вся в огоньках.
Плясать – хорошо, и петь – хорошо,
и можно ходить на руках.

Припев:

Солнечный зайчик, скачи веселее
ко мне на ладошку из тучи.
Пусть будет хорошо, пусть будет хорошо,
и пусть всегда будет лучше.

Всем весело здесь, но как без чудес...
И зайчик примчался ко мне.
Он яркий такой, прыгучий такой
в окне, на полу, на стене.
Смеётся мой гость – Мороз Красный нос,
Снегурочка пляшет со мной.
А зайчик сверкнул, на ёлку скакнул –
горит на макушке звездой.

Припев:

ПЕСНЯ ДЕДА МОРОЗА

В мешок уложены подарки,
сверкает посох, как хрусталь.
Снежинки так легки и яркие,
снежинки так легки и яркие –
и весело несутся в даль.

Припев:

А там под ёлкой ждут детишки,
они и пляшут, и поют.
В подарок им – игрушки, книжки,

загадки, сказки, плюшки, шишки
и тыща радостных минут.

Как много праздников есть разных,
но хоть и радуемся им,
лишь Новый Год чудесный праздник,
лишь Новый Год чудесный праздник –
он больше всех необходим.

Он так красив зимою снежной,
большой и сладкий, словно торт.
И он всегда милей, чем прежний,
и он всегда милей, чем прежний:
такой вот праздник – Новый Год.

Припев:

ГODOВЩИНА

Памяти дочери Анюты

Иней с колокола осыплется.
Тихий звон поплывёт над снегами.
А мне имя твоё послышится
под холодными небесами.

Припев:

Ах, печаль мою душу укрыла.
Одиноко душе, одиноко –
ничего она не позабыла:
всё случается вовремя, только –
только ты улетила до срока.

Жду, хотя и ждать больше нечего:
пусто, тихо и всё известно.
В дальних далях покоя вечного
ты распустишься светлой невестой.

Припев:

Дни снежинками по метелице.
Всё зима, раз нет тебя в мире.
Как теперь судьба переменится,
если мне ничего не мило.

Что судьба!? Душа в запустении:
всё ей больно и всё ей странно.
Но надеждою на отпущение –
только имя и эхо:

– Анна...

Анна...

Анна...

Припев:

2. ПТИЦА-СИНИЦА

Елене Лапшиной (г. Минск)

В ОТРАЖЕНИИ ВАЛЬСА

Что взгрустнулось?
Зима затянулась?
Хочешь, наворожу тебе
погоду, которую ждёшь?
Мне однажды случилось
наворожить снегопад...
ах, какой снегопад! –
другу на день рожденья.
И будет погода твоя
та, что надо,
и надолго – навсегда.

Сейчас? В выходные? Через месяц?
Впрочем, зачем мелочиться
и считать, и считать день за днём:
прожит – галочка, прожит – крестик,
прожит – тревожный вопрос,
прожит – прочерк...

Хочешь, наворожу день рожденья? –
чтобы каждый день, каждый час
ты без усталости была молодой,
слушала восторженные поздравленья
и смущённо скрывала в цветах
раскрасневшееся лицо...

.....
И ты сама благословишь погоду.

Не кутайся в комнатные сумерки.
Дорожка в парке – твоя.
Среди снежных искр
только ты, ты одна и заметишь
потаённые знаки весны.
И по шёпоту твоему
синицы по веткам рассядутся
нотной прописью вальса.
И хочешь, наворожу
к твоей весне открытие мира,
безусловное, окончательное, бесповоротное,
чтобы всё под рукой
или хоть на мгновение взгляда,
но распахнуто... свободно и вольно!

Соглашайся! Я могу!
...и себе ничего не оставляю.

Так что же? Я начинаю?
Маэстро! Вальс!

ПТИЦА СУДЬБЫ

В залатошённом быту горбатого переулка,
где машины и псы сторожатся друг друга,
где тротуар от страхов ужался в узкую тропку,
где акация древняя снова готова цвести белым цветом,
живу – вспоминаю – жду писем.

Жизнь прожита... жил без оглядки,
но дороги свернулись –

и остался лишь путь от фонаря на углу до реки.
Но память – не иссякает,
и в памяти снова молод,
и в памяти снова не оглянуться,
потому что вся жизнь впереди...
Если не память, как жить...
Оглядываюсь, но
не встретить уже никого.

А ночью – в углу – одиночество,
осовевшее от бессонницы,
щурится на лист, светящийся пустотой.
Но вычеркнуты все адреса – поимённо.
...Вот так и понял:
лист и утром останется белым,
как форточка, снегом залепленная.
И когда из угла потянуло промозглым холодом,
когда вслед за птицами и листья сорвались, умчались
и опустело небо над переулком горбатым,
ко мне залетела Синица.

Ни углов, ни тревожных осколков в виде вопросов,
ни удивлённого мельтешенья, ни любопытствующей суеты...
но слова... такие слова... и каждое слово – ладошка:
– Ах, ты здесь! Я так рада! Вот, послушай!
И я слушал и думал: такая и море зажжёт.
Всё у неё – не как у людей.
Словно мир только так и создан:
небо – для звёзд, звёзды – для глаз,
птицы – на радость и для мечты,
а стихи – чтобы жить –
значит, верить, любить и надеяться.
И тормошила меня: – Держись! Держись!
Ты не один! И мир не пуст!

Да кто же ты? Но смеялась в ответ:
– Я – Птица-Синица.

Так много ли судеб,
чтобы птица крылом обмахнула жизнь,
чтобы птица тебя, как унылую пустошь, засеяла словом?

...и письма писала:
плотные строчки, будто на спицах вязала
что-то доброе, тёплое и пушистое.

А Вот однажды пришло письмо...
в нём – в уголке последней страницы –
не привет и не дата,
и не пожеланья здоровья, счастья, успехов...
просто: Лена.

Значит, стоит жить,
если даже и на исходе жизнь?!

ПТИЦА СВОБОДЫ

Мы живём в клетках квартирных.
Терпим ярмо работы: ведь жить как-то надо...
И радуемся граблям и лопате на сотках:
свобода! хоть закопайся! гуляй – не хочу!
И апофеозом свободы, данью корням и природе –
пикник с шашлыком и ящиком водки.

Мы живём в клетках квартирных.
Чтобы клетка не казалась унылым узилищем,
натаскиваем мебели, хрустали, зеркала, сувениры,
обставляем техникой, принаравливаясь к современности...
И квартирка с железной дверью и зарешечёнными окнами
уже не тюрьма – крепость! пьедестал! другая планета!
И количество свободы, а сегодня всё дело в количестве,
определяется квадратами жилплощади
и нулями на банковском счёте.

Мы живём в клетках квартирных.
Так с чего же начать, чтобы ступить на дорогу в свободу?
Предлагают реформы. Объявляют преобразования.
И зовут на митинг. И призывают к борьбе.
.....

Я, обременённый сердцем, памятью и погодой,
по-совьи нахохлившись в книжном углу,
говорю вам, а вы послушайте и услышите!

Прежде чем решитесь, быть свободными или не быть,
узнайте Птицу свободы.
Она сердцем птичьим постигла суть свободы.
А кому, как не Птице человеческого рода
принести в себе весть о свободе?!
Откройте её стихи. Это ж не труд, но и не безделье.
Откройте, как когда-то и кто-то открыл Новый Свет.
Вы откройте, как однажды, быть может, вы раскрыли Библию...
но темны письма Библии и так лукавы подчас её строки.
Откройте стихи!

Что особенного? Может быть, ничего...
Стихи эти не для ценителей-коллекционеров!
Просто слова... чистые, свежие, ясные,
словно промытые лёгким весенним дождём.
Просто слова... а как будто каждое – внове,
как будто каждое – из родника,
истока Волги и всей Руси.
Просто слова... но просто ли? – если в каждом слове
вздых удивленья, порыв души, неизменное сочувствие...
если в каждом слове – доверие и доверчивость
и неиссякаемая молодость.

Птица...
Не призывает и не зовёт, но она здесь и сейчас.
Ни счастья в виде соблазнов,
ни счастья в виде еды, питья и вещей –
не обещает.
Но прислушайтесь – и проснётся душа.
А что за свобода, если душа в летаргии?!
Свобода бездушных – беспредел воронья,
вранья, воровства, насилия и гламура.

Птица свободы...

Читайте! – учитесь смотреть и видеть,
без этого свобода ущербна.
Читайте! – старайтесь понять и понимайте:
свобода не для безмозглых.
Читайте! – сочувствуйте и переживайте,
иначе свобода – всего лишь холодный пар.

Читайте! – и узнаете,
если ещё не разучились узнавать и удивляться.
Без узнавания и удивления свобода пуста.
А в пустоте нет любви и нет жизни,
лишь квартирная клетка.
Читайте! – чтобы промылись глаза, а душа окрылилась.
Ведь что за свобода – с мутными глазами и бескрылой душой?!

Свобода для тех, кто душою свободен.
Чтобы душа продышалась, читайте её стихи.
Путь в свободу может быть долгим...
или мгновенным, как озарение.

Так вот вам и посох – одна строка её:
«...Взгляду – воля, простор – душе, сердцу – море по колено.»

И откройте её стихи.

НА ПАРУ МИНУТ

Я знаю,
так обращаются к небесам –
с молитвами,
с надеждами,
с просьбами...
Но я обращаюсь к тебе.
Поговори со мной.
На пару минут отвлекись –
и поговори со мной.
Нет, вспоминать не буду.
Как ни горяча моя память,
но воспоминанья уже не греют.
И у воспоминаний нет эха.
Поговори со мной.
Соединим наши руки –
ладонь в ладонь,
и по такому ладу
распустим речь...
Пусть ненадолго –
всего лишь на пару минут,

но так, как радуется трава
весеннему солнцу.
Поговори со мной.
В жизни так мало осталось тепла –
только твоя ладонь и слова твои.
А ты словами цветёшь.
Ведь ты по-прежнему любопытна,
поэтому разглядываешь звёзды
и придумываешь им свои имена.
И вот уже нет в ночи
ни Мицара, ни Альтаира, ни Сириуса,
но множество тех,
узнаваемых только тобой.
И голос твой...
До сих пор я не смог разобраться,
чего больше в голосе
щебета птичьего
или звёздных звоночков.
Но слушаю – и забываю
Маленького Принца.
А вижу тебя –
с белой розой в руке.
Кончатся две минуты?
Истекло наше время?
Но остались ещё секунды,
и я успею сказать – то,
что никогда не терял,
никогда не забывал,
никогда ни на что не обменивал...
помнишь?
Это – слово,
удивительное, как ты,
как весенние звёзды над твоей головой,
как осенние листья, падающие на подоконник:
– Люблю.

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ

Случалось ли с кем?
Со мною – случилось!
Судьбы поворот? Знак события?

А всего лишь – стихотворение...
маленький храм.

Подхожу,
замираю благоговейно.
Ещё только ступил на лестницу строк,
ещё не поднялся в его глубину,
а душу охватывает призыванье,
а сердце, освобождаясь от боли,
полнится музыкой.
От слова к слову,
как в заветной молитве, –
по молитвенной лестнице
признания и покаянья
поднимусь в высь – под купол...
и душа омоется светом,
и откроется зрение.

И познаются истины,
о которых забыл
и не вспоминал давно:
верба в цыплячем пуху...
блестящие в речке зеркальца...
звон колокола в синеве –
вслед журавлям...
и – Новый Год.

Стихотворение – маленький храм...
храм спасения и обретенья.
Возвращение в юность? –
когда душа смущена и надеется
и пробует крылья на взлёт...
Или в детство? – когда всё внове,
когда что ни шаг – удивленье...
А спасенье – в обретенье любви...
Невыразима любовь –
сердце в лодочке ладоней...
глаза в глаза...
и соприкоснутся ресницы,
и сольётся дыхание
в единый вздох.

Что привиделось,
то и сбудется!

Я прошёл храм,
и обновлённый,
прощённый за всё,
я – живу.

КРОШКИ ДЛЯ СИНИЦЫ

1. Уговор

Так на каком облаке
мы встретимся завтра?
На белом? –
и порадуетесь друг другу.

Или на тёмной тучке? –
прячась от всего и от всех
и отбиваясь от любопытства
хлёстким дождём...

Но мы встретимся?

2. Кот

Душа,
маленькая,
но живая и верная,
спит, свернувшись
в плотный комочек белой шерсти.
Но подрагивают кончики ушей
и кончик хвоста,
выдавая жизнь и сны.

3. В остатке

По слову-словечку
тратится – и кончается жизнь.
Сколько их, драгоценных, осталось –
на год? на день? на пару минут?

Но собираю по воспоминаньям слова
и пытаюсь скрепить в две-три строки,
которые, может быть, оправдают
и всего меня,
и всю мою жизнь,
и мои неродившиеся стихи.

4. И стихи...

И стихи умирают...
умирают – как дети,
умирают – как друзья...
всегда – преждевременно...
больно и горько.

5. Как печать!

Молодость – как печать
всевышнейшего приговора,
предоставляющего право
на толику бессмертия –
пока жив,
пока ещё что-то можешь.

6. Поздним вечером

...и взглядом брожу
по окрестностям старого стола –
словно кто-то должен прийти,
подсесть и спросить:
– Продолжим? Сейчас? –
пока есть время,
а напоследок – хватит минуты.
Идёт?

Тишина.
И спрашиваю себя сам –
и не уверен в ответе.

7. Обычно

Утром – как обычно:
сварить кофе,
выкурить первую сигарету,
забыть про таблетки,
выгулять пса...
Но в окно постучалась синица.
И вспомнил! Я вспомнил!
Сегодня – ещё один день!
Пусть он без погоды,
пусть без времени года,
но – день жизни!
И я снова открою книгу,
которую не открывал давно...
и снова – удивлюсь:
– Жизнь! Люблю!

3. НА РЕЙНСКОЙ ВОЛНЕ

*Елене Рейн
(г. Шарлотт – Сев.Каролина, США)*

ЭХО СТАРОГО ГОРОДА

Ещё вчера
я дружил с воздушным шариком
а сегодня утром
тараша голубые глазёнки
он взлетел выше острых крыш
выше золотого петуха на шпиле
и нитка трепыхалась на прощанье
Тра-ля ля-ля ля-ля...

Но в полдень
поднявшийся из океана
и распутивший как феникс
свои пестроцветные крылья
в полдень
я услышал тебя

ты пела – и песенка напоминала
и я пошёл к твоей песне
и дул в кулак
воображая героическую трубу
Тра-ля ля-ля ля-ля...

Слились Океан и Небо
В переплетениях смыслов и красок
рождались рыбы и птицы
невиданных образов неслыханных наречий
приподнимались на цыпочках города
озирая кипящее многоцветье Вселенной
сидя на облаке улыбался сон
улыбался твоему босоногому шлёпанью
по римским уличным плиткам
и каплей вина висела
растерянная звезда
Как шарик на нитке
мир держался на твоей песенке
Тра-ля ля-ля ля-ля...

Ты оглянулась и удивилась:
– Мальчик! Ты почему здесь?
Тут не место тебе!
Немедленно возвращайся!
И там – в своём Старом Городе –
по старинной булыжной мостовой
прыгай на одной ножке
вместе с дождём
и радуйся
Тра-ля ля-ля ля-ля...

Немного прошло времени –
всего лишь жизнь
Почему поверил
что должен куда-то вернуться?
Почему не пошёл
за её весёлой песенкой
дуя в свою героическую трубу?
Но по-прежнему полдень напоминает
её многоцветную птицу.

И по-прежнему прыгаю
воробьём-желторотиком
пытаюсь взлететь...
Тра-ля чик-чирик чик...
И небо по-прежнему похоже
на улетевший шарик...

ПРОСТОЕ СЛОВО – 1

Зачем мне
эта беспросветная мука –
слово искать...
и не находить?

С утра пораньше
я вглядывался в розовеющий горизонт
и надеялся:
выйдет вместе с солнцем
из-за рассветных облаков...
Но день начинался
и продолжался,
как газетный столбец новостей.

Я расспрашивал фантазёров.
Уж они-то
знают всё
и придумают что угодно.
А я всего лишь спросил:
есть ли слово,
чтобы удержать тебя
вне клеток, законов, канонов,
вне правил и прописей...
Но отмахивались они:
– Отстань! Не мешай!
Мы изобретаем будущее...

И вроде бы повезло:
в хранилище древних книг и манускриптов,
затаив дыханье, я вчитывался
в арабскую вязь,
в строгий готический строй,

в плетенье славянских рун...
Сколько слов! Сколько прекрасных слов!
Но – нет ответа,
нет единственного слова.

Метался – и строил стихи,
как строят воздушные замки...
Однажды,
не выдержав муки бессловесности,
бросил в небо:
– Так что же?!
И небо –
как бы на вздохе –
шепнуло:
– Живи...

А ты уходишь берегом океана
и не оглядываешься –
ни слова...
Так что же?!

ПРОСТОЕ СЛОВО – 2

Я о слове мечтал.
Я искал слово.
Как жить,
если нет ключевого слова?!
И прислушивался к пенью скворцов,
к затаённой жизни корней...
Пытался разъять гомон улиц...
В пыли
степных троп и дорог,
претерпевших столько погод и походов,
высматривал слово...
И снова, и снова
в небо кричал –
в одиночестве без слова.
Распугивая прохожих,
шёл, вглядываясь в подробности
и не видя уже никого... ничего...
.....

А она,
словно бы не заметив моей безнадёги,
улыбнулась, протянула руку
и сказала:
– Идём.
Вздригнуло сердце – и я вспомнил...
вспомнил заветное,
вспомнил необходимое,
вспомнил ключ жизни...
нет, теперь не забуду
и на последнем вздохе:
– Люблю.

РЕЙНСКИЙ МОТИВ

Что же мне делать?
Молчат и цветы, и деревья...
от речки – ни шёпота...
И город –
водоворот бессвязного шума...
безмолвные окна,
глухие двери...
Словно ты
никогда не сходила на Землю,
никогда не рождалась
ни из пены морской,
ни в сказке,
ни в воображении гения.

Что же мне делать? –
чтоб отряхнулись от шума
и вспомнили:
и природы душа,
и душа мироздания, и нашего мира душа –
ты...

Пусть даже не словом,
а звуком всего лишь,
но тронешь –

и рождается чувство,
без которого нет ни полёта,
ни дальнего плаванья,
ни письма...
даже воздушные замки
осыпаются колючим дождём
без тебя.
Что же делать?
Ты где-то идёшь,
пролетаешь,
задерживаешься на мгновенье –
и снова, и снова
непостижима,
неуловима...
Ведь нет для тебя
ограничений во времени,
нет ухабов пространства.

.....
И лишь соловей
отвлёкся на миг
и спросил:
– Ты влюблён?
Да так,
чтобы сердце
сорвалось с орбиты?..

И запел.
Всего-то несколько нот –
несколько животворных капель.

И что же?
Птица права?
Проснуться
и прожить заново жизнь...
хотя бы день! –
но при свете твоём,
под звездой твоего имени.

РЕЙНСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

В моём прошлом
нет райских кущей,
но – много встреч и хорошей погоды...
и молодость!..
и мечта о тебе!..

Мечталось
так крылато,
что за малым
не взлетал над землёй.
И встречался
радостно и доверчиво,
потому что в каждом предполагал
мечту о тебе.

А где-то
на старой нашей планете,
то ли – на забытом острове
то ли – в светёлке с виолончелью в углу,
прикусив губу,
ты писала картину
и надеялась...
А кто не надеется?!
Разве что придорожный валун?
Но ведь никто не прислушивается
к его молчаливому бытию...
Ты писала картину –
и мне снились
разноцветные сны.
И утром
я начинал дорогу,
веря: в дорогах судьба
и все дороги святы
с мечтой о тебе.

Ах, да что говорить?!
Жизнь на исходе...
Был ли счастлив?
Конечно, был.

И по-прежнему снятся сны,
нарисованные тобой.
И по-прежнему
взволновано сердце
мечтой о тебе.

ЮНЕЦ И МУЗА Рейнский сказ

Глава 1

Я так и не вернулся –
словно заигрался, забегался... и опоздал.
Так и не вернулся
в свой изумительный Старый Город –
изумрудный город на золотых столбах.

Жил без оглядки... но когда почувствовал,
как мало осталось жизни для встреч,
для воспоминаний и случайных стихов,
для волн, подбирающихся к ступням,
как мало осталось времени,
чтобы насмотреться, дыша полной грудью,
как тонет красный кораблик солнца
в недостижимом, в непостижимом морском горизонте...
вот когда я

почувствовал, как сыпается время,
я отдался железным километрам дороги,
как последней волне,
как последней надежде.

Не вернулся...
Но я побывал в моём Старом Городе,
увенчанном шпильями и Золотым Петухом.
Всё, что было привычно и дорого,
всё, чем держится Город в памяти, –
всё на месте, всё здесь.
Как бы ни модничали со стеклом и бетоном,
как бы ни толклись в проулках праздные иноземцы,
он самая сказочная сказка детства,
он первое романтическое приключение юности.

Всё на месте, всё здесь:
и дождь, от которого никогда не прятался,
и вековая липа, раскинувшая крону
над крышами серых пятиэтажек,
и чугунные фонари по углам площади,
и здесь же – место встреч у могилы философа,
и рыцари в нишах – стражами времени,
и двор, который был оберегом и домом,
и улица, по которой – куда бы ни шёл –
уйти не мог никуда.

Но пусто... Город мой пуст... ни души...
Как давно кончились у меня адреса?
Ни одного не осталось за пазухой.
Как давно, как долго я не был здесь?
Пусто... и Город меня не узнал.
И каменные львы не припомнили, не признали –
и невозмутимо смотрели мимо.

Глава 2

Какая зима... какая зима...
Облака сбежались в тяжкую тучу – и обвалились.
И развьюжилось, и разметелилось,
и по ветру разлетелось,
и шлёпают в окна снежные лапы...
Замкнись, закопайся, сберегая тепло.
Такой зимы хватило бы век вспоминать...
Который-то век – изо дня в день – я вспоминаю тебя...
И когда сугроб прислонился к окну,
я понял: что-то не то в расхолодившейся зиме.

Не твои ли девчоночьи проделки?
Я же знаю тебя, круглоглазое чудо
с родинкой роковой на правой щеке.
Снова что-то случилось?
Потерялось колечко? Часы непослушно скачут?
Или он – весь в своём самомнении... и позабыл тебя?
Или рыбы и птицы не признали в тебе хозяйку?
И цветы от тебя отвернулись? Но им-то ты ничего не должна:
ни оттенка, ни краски, ни единого завитка.

Или проще – простуда... и испортилось настроение?
Но ведь что-то случилось в твоей вселенной?!
Так не твои ли проделки с этой зимой?
Ты всегда умела, когда хотела, выпускать воображение на волю.
И тогда происходило, случалось, являлось такое,
что одни шептали: «Чудеса...» – и крестились,
другие говорили: «Чудеса!» – и вспоминали детство,
а третьи и вовсе – словно с ума сходили,
но были счастливы, как никогда в жизни.

Как во сне... меня подхватил белый вихрь –
и вот я на площади моего Старого Города.

Однажды... смеясь... на бегу... на лету
ты шутя задела сердце моё – и улетела
легче птицы, легче юной мечты.
Не хватило мне моих долгих веков... не настиг.

Но почему Старый Город? Почему не твой Рим?
Ах, этот Рим... Знаю, ты ещё залетишь в свой любимый город...
так найди в Колизее на одной из скамей
мой след... я пытался догнать тебя, убедить...
И что мне Цезарь? Что мне гладиаторы и бойня со львами?
Среди рёва и гама пьяной от крови толпы
я процарапал в камне письмо – весточку для тебя...
всего два слова: АМО ТЕ.

Значит, нашла и сейчас вдруг припомнила?
Из какого далёка ты настигла меня снегопадом?

Я не маг, не чародей... волхвую себе понемножку...
Я давно уже понял: мне тебя не настичь.
Перелётную птаху – любую – перехватил бы,
но не тебя... ты свободнее птиц в своей дивной вселенной.

Понимаю... ты затеяла беспросветное снежное безумство,
потому что вьюга надёжно укрывает и бережёт одиночество –
и на мольберте проявляются воспоминания
о римской траттории, о маорийском чёрном ките,
о курином боге, забытом на далёком берегу...

Представляю... ты решительно рассердилась, но – на себя:
отбросила вдруг опостылевшую кисть,
а верное перо – воткнулось в лоб рыцаря на ковре,
и в сердцах, отмахиваясь от непрошенных слёз, ты сказала:
– Хватит! Натерпелась! Теперь – пусть будет зима.
Тра-ля ля-ля... Пусть танцует зима!

Хватит ли мне моей старой волшбы?..

Глава 3

Да, я так и не вернулся в свой город.
Побывал – не вернулся... и теперь – навсегда.
Но сейчас – как во сне... подхватил меня белый вихрь...
Я словно нырнул в крутящийся омут...
И вот... поздний вечер...
на площади Старого Города.

Я родился и рос вместе с Городом,
внук волхва-строителя из липовой рощи.
...И в потешных боях бился с рыцарями,
ловко владея деревянным мечом.
Геральдический лев приподнимал тяжёлую лапу,
приветствуя победы боевитого волхвёнка.
С годами рыцаря стали стражами времени,
окаменев вокруг площади.
А я – влюбился, поэтому старился медленней,
чем даже прославленный дед, волхв-долгожитель.

Преследуя тебя, я разглядел и полюбил этот мир.
Всё, что увидел, прошло через сердце моё.
Но даже в самых удАлых фантазиях
я представить не мог, что любовь –
это нескончаемое и удивительное приключение
на всю жизнь,
как бы долго ни жил,
потому что во всём, что сотворено,
во всём, что рождено Землёй и Вселенной, –
твоя печать, твои дивные ноты, твои безудержные краски.

Но сейчас воспоминания – неуместны.

Тебе тоскливо?
Ах, как же взъярилась зима...
И тоска в самом сердце?
С такой-то зимой – лишь до беды...

Что ж, мой Город...
обметённые шалой метелью,
тряхнём стариной...
что-то надо подправить в зиме.
Ветер выбил тучи до последней снежинки.
Снега хватит.
Город! Мигни фонарями!
Начинаем...
И даже рассвет над весенним лугом
позавидует нашему вечеру
в кольце зимней площади.

Буйства не надо... и ветер послушно стихает...
лишь ветерок, похожий на полярного зайца.
И сугробы... уже не дымятся...
белыми медведями упокоились в улочках.
И метель – всего лишь серебристый серпантин...
да колючими искрами –
крошки снежного конфетти.
Сцена готова.
Начинаем, мой Город!

Вздохнут часы под Золотым Петухом –
и щёлкнет стрелка, отмечая наш час.
Ну и пусть замело! Ну и пусть занесло!
От нашей сцены к её заплаканному окну
открываем воздушный путь –
прямой... лёгкий и верный... как смычок!

Не надо сказки, не надо войны,
не надо путешественников и героев...
Здесь не ждут многовластного Короля,
здесь не лепят из льдинок ВЕЧНОСТЬ,
и здесь не проскачут прекрасные белые кони...
Только снежинки... да! только снежинки...
А что зимой удивительнее снежинок?!

Вот снег – прыснул по площади.
Снежинок – рой... любит... не любит...
ромашковая канитель!

Но повеяла музыка... ниоткуда... просто музыка...
И всё стало музыкой...
весь Старый Город:
и плетенье чугунных решёток,
и белокудрые липы,
и черепичные крыши,
и стены в шрамах минувших времён,
и этот вечер – как последнее представленье...

...И сотворился снежный балет.

Снежинки – крохотные балеринки,
просыпанный звёздами смех.
Нет горестей и падений,
нет боли и разочарованья –
только взлёт и круженье...
круженье! круженье!

Нота к ноте, снежинка к снежинке...
Очарованы невозмутимые рыцари,
окаменевшие в нишах на страже времени.
Восхитился и замер романтический прохожий,
увидев-услышав снежный вальс.
Даже в самых глухих жилищах
снится снежная музыка.

Но мимо! мимо!
Кружась и посверкивая,
летит музыка,
балет снежинок летит...
не дольше мгновенья –
до твоего окна...
такая ромашковая канитель!

.....
Ты обошла все мои хитрости и привороты,
но одного избежать тебе не удалось.
И не капкан, не паутина, не сеть соблазнов...
ты – в моей памяти, ты – в моём сердце.

Ты так и осталась неуёмной девчонкой...
А я? Где тот юнец, которым я был?
Ты юна в своём светлом бессмертье,
а моё долгожительство – на исходе.
Этот снежный балет, исполненный радости, –
послесловие моей жизни.
Теперь не ты улетаешь, а я уйду –
туда, где даже ты никогда не достигнешь...
разве что снова что-нибудь да затеешь –
и я вернусь на часок.

Но сейчас...
на вечернем стекле своего зимнего окна
нарисуй медленным пальцем умиротворение...
всего несколько завитков, но – умиротворение,
похожее на нежное облако в летний полдень.
И в нашей повести про Музу и обезумевшего Юнца
концовка всё же будет счастливой:
ты утетишься... улыбнёшься наивной волшбе
и этой ночью уснёшь – и будешь спать сладко,
как спит гусеница, чтобы проснуться мотыльком.

Ты – беспокойная волшебница...
Ты – неувядаемая надежда...
Ты – восхитительница душ...
Что может быть в жизни без тебя?
И может ли быть сама жизнь без тебя?

НА РЕЙНСКОЙ ВОЛНЕ

Я не знаю, какие встречи
могут случиться в мире ином.
Не знаю, как разрешится судьба –
там, в межзвёздном пространстве:
пылью солнечный ветер нас разметёт
или соберётся
вокруг какой-нибудь новой звезды
и станем планетой...
я не знаю.
И знаний этих нет на Земле.

Но есть надежды...
одни умирают –
и горечь в душе,
и пусто в ладонях,
сложенных лодочкой...
а мы придумываем другие,
которые кажутся и прекраснее, и вернее,
и неизбывнее прежних надежд...
так и живём...

А встреча – откладывается
на неизвестный срок.
А жизни – всё меньше...
меньше, чем крупинки в песочных часах.
Но всё же бывает –
видится
или снится день,
в котором
всё меняется к лучшему...
как если бы я был молод,
а ты – той девочкой в детстве,
протянувшей мне яблоко
в утешение.

ДЕВОЧКА И ОКЕАН

*...и бабочка, которая вылетит
из длинного носа Г.Х. Андерсена...*

Артур Лундквист

Девочка шла берегом океана.
Длинные волны растягивались вдоль берега,
пытались обратить на себя внимание
и завлечь в свою незамысловатую игру:
то пеной пощекочут её розовые пятки,
то выкатят камешек, похожий на глаз акулы,
а то и вовсе – плеснут горстью брызг по коленкам.

Мимо проплывали белые лайнеры
и с торжественной важностью сваливались за горизонт.

Но девочка не мечтала о дальних странах.
В её воображении творилась Вселенная,
поэтому не торопилась она и терпеливо собирала
плоские крапчатые камешки и перламутровые обломки.
А город многоглазо пялился и ничего не видел.

Когда лето свежо и прекрасно, как новорождённый феникс,
когда по ночам – в который раз! в который раз! – снится
римское уличное кафе под полосатым зонтом
и стаканчик мороженого с каплей яблочного вина,
когда полинял, отклеился и пропал в сквозняке
некогда близкий и почти родной образ,
самое время – берег неизменного океана,
а камни и обломки – самый подходящий материал
для рисунков освободившегося воображенья.

Никакой тайны, никакого чрезвычайного происшествия...
Но у картин, у девчоночьих рисунков и у настоящих стихов
есть неистребимое свойство: они оживают –
и их вселенная распространяется по земле.
И если однажды, выглянув в полдень из океана,
вам пропоёт «доброе утро» перламутровая рыбка,
а над головой, вынырнув из облака, как из детского сна,
по-щенячьи твякнет своё «тра-ля» перламутровая птица,
не паникуйте, но постарайтесь по-дружески удивиться –
и жизнь изменится, и улетучится тягостное настроение,
как бы ни было горько, тоскливо, безрадостно.

По берегу океана, не обращая внимания на белые лайнеры,
в вечерних сумерках похожие на новогодние ёлки,
а в полдень – на самодовольно жирующих левиафанов,
неспешно идёт девочка и собирает
обточенные океаном камешки и обломки раковин,
рисует на них, прикусив губу,
и бросает в океан.

.....

4. МИОЛЬ

Мищенковой Ольге (г. Рязань)

ОН И ОНА

ПИСЬМА ИЗ СТАРОЙ КОРОБКИ

ОН – Евгений Феодоров
ОНА – Миоль

ОН

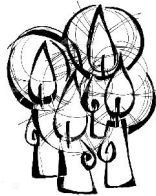
Ах, Февраль!

*Затеявшей Сад цветущих кустов
и Месяцеслов**

Гляжу в твой календарь,
а он –
как твоё недописанное письмо:
нет февраля!
И ничего не случилось.
Не рай и не ад,
не предел и не вечность...
всего лишь месяц пропал –
один из двенадцати.

Что ж, твоя воля...
И пусть никто –
или не сразу –
не заметят,
пройдут,
подняв воротники
и ёжась под зонтиками.
В этой жизни –
что дождь... что снег...
какой там месяц?!
Была бы погода.

Опомнись! Оглянись!
В твоём изреченном саду

среди твоих цветущих кустов
бродят месяцы,
не встречаясь друг с другом:
распалась цепь времён года:
нет февраля.

Но вот же он –
словно росстань:
здесь простимся с зимой...
снежный мех...
промёрзшие окна...
льдинок острый блеск...
и ты далеко...
Но простим невзгоды, прогнозы,
простим метельные рассказы,
что жизнь замерла,
выбеленная – навеки...

Пусть не кроток февраль,
пусть даже крут –
но
короток...
шагнём рука об руку
и подступим к весне налегке.
И подснежники,
и юное ожидание чуда...
И снова, и снова...
всё – снова!
И счастливы – как никогда!
Так как же ... и без февраля?

21–23.02.2017

ОНА

Февраль на излёте

Как я люблю твои письма...

Если бы ты знал,
как я люблю их,
и жду,

и верю,
и надеюсь...
Я ведь уже говорила тебе об этом,
помнишь?
Твои буквы,
рассыпанные по белому листу,
складываясь в слова и реплики,
готовые выпорхнуть из конверта,
чтобы попасться мне на глаза
и прыгать перед глазами,
пока я не успокоюсь от необъяснимого прилива радости,
что письмо, наконец, получено.

Сегодня февраль,
вторую неделю утопающий в метелях,
а письмо твоё
опять и опять,
как тогда –
давным-давно
пахнет белой персидской сиренью...
Значит, и наш февраль –
в аромате белой персидской сирени?
Но как ты смог не заметить его,
скажи?
Ты столько раз проходил мимо
и ни разу не споткнулся о него?
И старик Иоганн ни о чём тебе не напомнил?
Ты был настолько пьян его Фугой,
что потом позабыл обо всём на свете,
не заметив февраля,
который вертелся у нас под ногами,
притворившись инвенцией...
Помнишь?
Бедный и вьюжный,
наш сиротливый февраль...
Как долго мы искали тебя
в переулках судьбы
продираясь сквозь заросли орешника,
царапаясь обнаженными строчками о шиповник,

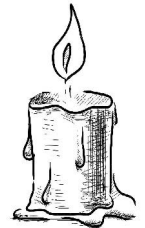
пьянея от черёмухи по весне
и отдавая всю горечь нашу
морозной рябине
после первого снега...
Сиротливый,
бедный и вьюжный февраль...
Ты не встречался ни с кем, потому что был одинок.
Ты слышал только музыку ветра,
потому однажды,
когда маэстро Иоганн предложил тебе другую мелодию,
ты задохнулся от счастья,
доселе тобой не познанного.
Задохнулся и...
поспешил забыть,
потому что, оказывается,
труднее всего тащить на своих плечах счастье...

Наш февраль на излёте...
Что ещё он может сотворить напоследок?

Высоко-высоко,
над деревьями,
кружится,
заплетаясь причудливой баховской фугой
ночной ветер,
подпоясанный снежным кушаком умирающей зимы,
а под ногами,
на земле,
уже чернеют большие лужи,
обнажив на улицах города
навсегда израненный временем Март.

И где-то впереди – юное ожидание чуда,
и подснежники,
и...

Как я люблю твои письма...

ОН

Вечерок

У Баха в гостях пили фуги...
Миоль

Да, вчера
я загулял у Баха.
Мы пили новую фугу.
Не помню месяц...
да и день недели...
но помню – зима.
Мы с ним медяки не считали.
Нам хватило и зимнего серебра
для души и фантазии.
И дружеским вечерком
много света не надо:
нам друг с другом светло...
свеча над пюпитром –
и музыка.
Ничего мы не обсуждали...
Этим вечером –
ни суда и ни судей,
но музыка –
как возвращенье души
из зимы, из невзгод, из забот.
Если были грешны...
а наверное ж, были...
музыка – во искупленье.
.....
Прощальный аккорд.
И благословлённый музыкой,
я уходил...
но куда?
Где окно твоё с негасимой свечой?
Да, вчера
я загулял у Баха...
а было...
Мы вдвоём забегали к нему,
и смеялся он:

«Ах, молодость...»
И музыка, музыка...

ОНА

Зажигаю свечу

Последнее твоё письмо –
на пожелтевшей странице из нотной тетради,
которой у тебя,
я это знаю точно,
не может быть...
Просто
не может
быть у тебя
нотной бумаги!
Тем более, бумаги старинной,
с маленьким кусочком той самой Фуги
в самом начале листа,
которой нас угощали однажды...
Нет...
это я даже представить себе не могу,
не то что вымолвить,
но кажется,
уже никакого значения не имеет
мистификация эта,
потому что
твоё серебро сейчас
дороже всего на свете...
То самое серебро,
которое вы разменивали с Маэстро
памятным снежным вечером,
сегодня вернулось ко мне
мелкой убористой россыпью
на старой нотной бумаге:
серебро февраля,
серебро нот,
серебро слов твоих
в серебре лет...
Я выключаю свет и зажигаю свечу,
чтобы ты смог по её огоньку

отыскать
среди множества освещённых окон
единственное –
моё.

27–28.02.2017

ОН

Заблудился

Я заблудился в столетях.
Но в каждом
грезилась, виделась, снилась...
и воображалась – ты.
Как легко уходил
по своей страсти странствий,
мечтая,
что ты
то ли в оставленном городе,
то ли ещё не взошла
вместе с первой звездой,
то ли встретишь меня
на каком-нибудь перекрёстке
и пойму я: судьба.

Я заблудился в зиме.
На перекрёстке –
цветут снежинки,
играя
в тусклом свете
одинокого фонаря.
Что за цветок
светился в твоём окне?

Но снежинки, снежинки...
Какая безжалостная красота!
А вокруг – зимняя тьма...
хотя бы крошечный свечный блик

в стороне от перекрёстка,
в стороне от промёрзшего одиночества.
Но двери – намертво,
ставни – наглухо...
в городе зимняя ночь.

Жил страстью странствий
и не задумывался,
куда вернусь... когда вернусь...
Город сгинул в зиме.
Лишь один фонарь
на заснеженном перекрёстке.
А мы
по музыкальной ниточке
так легко находили друг друга...
отзовись!
Ночь, молчанье,
мельтешенье колючего снега...
и нет мне пути.
В который-то раз
замёрзшей рукой
я пишу по неверному снегу:

– Люблю.
Я вернулся.

Но – что слова?!
Была бы музыка...
Снег, снег...
заметён белый свет.
Где дорога к тебе?
Или город не тот
и столетье не то...
Может быть, потому и зима,
что ты нездешнего места
и нездешнего времени?
Отзовись!
Я дойду!

ОНА

Слышу и отзываюсь

«...Какая музыка была,
Какая музыка звучала...
Она совсем не поучала,
А лишь тихонечко звала...»**

Это была наша с тобой музыка,
и ничья больше.
Потому она и запомнилась,
потому и помогала искать
и находить друг друга
среди истрёпанных временем столетий,
новогодий,
праздников,
буден
и бед...

Эхо,
услышанное среди метельной ночи
в маленьком заснеженном городке,
приносило ту самую мелодию,
однажды украденную нами у счастья.
И становилось теплее,
и снежинки,
дремавшие на стекле,
таяли,
таяли,
таяли...
И зима отступала,
точно так же, как и сейчас,
готовая утонуть в солнечных мартовских лужах,
которым конца и края нет.
И так много солнца
в холодной,
почти ещё зимней воде...***
Так много солнца!
Оно повсюду:
скачет-перескакивает
по крышам домов,

прыгает по мокрым улицам,
по большим помпонам разноцветных шапок,
садится на плечи и воротники,
на ресницы и щёки,
оставляя рыжие веснушки на память...

Оно касается губ...

А влажный весенний ветер,
задыхаясь от счастья,
разносит по городу твоё «Люблю-ю-ю-ю-ю!!!»
и смеётся,
смеётся,
кувыркаясь на весенней мостовой,
танцуя возле нашего фонаря,
под которым
мы с тобой целовались когда-то,
целовались,
целовались...

Я слушаю ветер
и слышу тебя,
и радуюсь,
и отзываюсь,
и жду...

03.03.2017

Примечания:

* *Затевяшей Сад цветущих кустов и Месяцеслов*
Имеется ввиду стихи из циклов «Двенадцать месяцев» и «В переулках судьбы» из книги О. Мищенко «В переулках судьбы».

** «...Какая музыка была,
Какая музыка звучала...
Она совсем не поучала,
А лишь тихонечко звала...»
Юрий Визбор

*** И так много солнца
в холодной,
почти ещё зимней воде...
Парафраз на «Немного солнца в холодной воде» Ф. Саган.

ОНА, или ВОСЬМАЯ НОТА – Миоль
Слово о поэте

1.

Наверное, можно считать частью жизненного опыта убеждение, которое окончательно сложилось у меня сравнительно недавно, когда приспел час итогов. По профессии и по душевным побуждениям, немало постранствовал по книжному морю. Что хотел узнать и понять? Пожалуй, то же, что и каждый уходящий в это море. Далеко не всё узнал, ещё меньше понял. Так и не нашёл, например, формулу поэзии. Да и ответа на банальный вопрос о том, что такое Поэзия, не отыскал ни в книгах, ни среди людей. Есть бесчисленные суждения, есть разнообразные попытки связать словом самую суть Поэзии... но решения нет, формулы нет... думается, и не будет.

Но зато убедился: Поэзия не подразделяется по возрастным и половым признакам. Одно из самых нелепых понятий – «молодой автор». Как будто не очень зрелый возраст даёт право на всевозможные – на невозможные тоже – языковые и литературные огрехи. Ну а автор, в 60 лет издающий свою первую книгу, молодой? Не менее нелепо выражение – почти литературоведческий термин! – «женская поэзия». Есть, мол, поэзия, а есть «женская поэзия»... с таким оттенком снисходительности или высокомерия. И вовсе глупостью представляется определение поэта не по творчеству его, а по месту жительства. Но здесь просто стоит представить себе: санктпетербургский поэт А. С. Пушкин, рязанский поэт Сергей Есенин... как будто и нет для них России, кроме родного местечка.

...и всё же: Она.

2.

Кто она?

Почему «Она»?

«Она... к Ней... для Неё... во имя Её...» – это же из словаря паломников, бредущих к образу Марии-Матери Божией!..

Нет, ни малейшей попытки посягнуть на святыни у меня и в мыслях нет. Хотя... разве не за откровением и духовной поддержкой обращаемся мы к Поэзии, к «жрецам Аполлона»?!

Но речь пойдёт о даре.

Она... женщина и поэт... единая личность!

На память приходит не слишком длинный перечень восхитительных имён женщин-поэтов. Потрясение, восхищение, восторг, хвалы... и коленапреклонение... Но мало кто может представить, какая

это драма – женщина-поэт... драма, подчас поднимающаяся до высот трагедии.

Дело отнюдь не только в быте. И что о нём сейчас говорить?! Оглянись вокруг: быт... личный, семейный, производственный или служебный... Какое ж бытие без быта, если так уж устроено обитание человека на планете?! Это быт обычно обходится даже без мыслей о бытии, но не бытие без быта... пока существует человек со своими капризами, нуждами, желаниями, потребностями, мечтами. Вот и рождаются поэты, чтобы мы приобщались к бытию и не забывали о своём человеческом предназначении.

3.

В интернете можно найти целый альбом её фотографий. Что ж, поэту подчас необходимо увидеть и услышать себя со стороны. Пушкин частенько моментальными росчерками набрасывал в черновиках свой профиль. А здесь – спасибо её другу-фотохудожнику! Каждая фотография производит впечатление невыписанного стихотворения, каждая – как бы снимок души поэта.

Но пока – не о фотографиях. Читаю стихи...

Только начинаю читать – и волнуюсь... до дрожи в пальцах, до ломоты в висках. Отстраняюсь... перевожу дыхание... представляю себя в картинной галерее – и тогда начинаю рассматривать стихотворение.

Казалось бы, знакомы все слова... родная речь! И каждое слово – внове, а в сочетаниях слов, строчек открывается удивительный мир живой, нервически чуткой души.

Знаю, не удержится какой-нибудь досужий язык да и приговорит: «Пхе... известное дело! Понасмотрелся стихов и фотографий... и, видите ли, очаровался... очарованный заочник!.. и теперь распинается.» Нелепый и вздорный приговор, как все приговоры со скамейки у подъезда, или из окна на семнадцатом этаже, или в минутном промежутке между котлетой и компотом.

Да, распинаюсь, т.е. распинаю себя. Потому что встретился с даром и с тем, как человек отдаётся этому дару... и вот – стихи. И стихи настолько совершенны, что «нам так не жить», а читать, восхищаться – и укорять себя за хитроумную игру в поддавки с жизнью... и в конце концов – убедиться: чтобы талант осуществился, требуется немалое мужество.

Как же ей хватает мужества быть женщиной и поэтом?!

В одном из её стихотворений человек пережил сонет (подчёркиваю: пережил сонет) за два часа до боя. Все её стихи – пережиты... как если бы приспел последний час и для неё самой, и для мира, а главное – для искусства.

4.

Нет, цитат не будет – ни словечка! Исключительный случай в моей долгой и разнообразной читательской жизни. Не могу вынуть из её стихов ни строчки, ни слова. Здесь цитирование представляется мне насилием над живой душой... кощунством... – так цельны и органичны стихи. И не вижу, не различаю ни метафор, ни сравнений, ни эпитетов, но явственно ощущаю и переживаю заповедный мир живой души. И речь – богатая словами, богатая музыкой – и чистая... кастальский ключ! родная речь! И через неё свершается приобщение к высокому и прекрасному, приобщение к бытию.

Потом, когда притихли первые впечатления, я раздосадовался, просматривая рубрику её стихов: «любовная лирика», «философская лирика» и т.д. Но таковы желание и воля поэта. Правда, поэты редко бывают справедливы в определении и оценке своих творений, и таковые случаи единичны в истории литературы. И здесь я не вижу возможности, чтобы, пусть и формально, разобщить стихи, отделить друг от друга, расставив по жанровым полочкам. В целостной, неразъёмной общности этих стихов мне видится вочеловеченный космос русского слова.

Великолепный дар! Но чем больше вчитываешься, тем ощутишь тревога. Нет, не за себя, естественно. Но за поэта, наделённого редким поэтическим даром.

5.

Не могу счесть прошедшее время, но вот сегодня мне кажется, что я понял, почему тревожно за поэта.

Круг её поэзии, среда её духовного обитания – это как бы перенасыщенный раствор, в котором рождаются кристаллы. Этот круг, как бы ни был велик, – заповедная, строго очерченная территория. Заповедник души перенасыщен культурой вообще, но прежде всего – музыкой, живописью, поэзией, именами и судьбами музыкантов, живописцев, поэтов. Возможно, это качество – от воспитания и образования. Возможно, такова принципиальная позиция поэта как результат самовоспитания. Подчас первое и второе органически связаны... но картина, соната, стих не просто восприняты поэтом – пережиты, оставив в душе яркие, живые воспоминания.

...и безукоризненное мастерство, виртуозное владение возможностями классической силлабо-тоники.

...и речь каждого стиха – богатая оттенками смыслов и чувств.

Но заповедник – это не весь лес. Заповедные рукава волжского устья, где цветут лотосы и живут розовые фламинго, – это ж не вся Волга. Да и заповедная гора, величественная, прекрасная и грозная, – это отнюдь не вся горная цепь.

Список заповедного в её поэзии прекрасен, как, наверное, описание щита у Гомера: Чюрленис, Федерико Гарсия Лорка, «Ёжик в тумане», Пушкин, Сергей Есенин, «Маленький Принц», комедия-дель-арте, Сёра... и музыка, музыка, без которой просто немыслим заповедник души поэта.

Её заповедник велик, но – ограничен. А дар не терпит ограничений: или преодолевает их, или отменяет вовсе, или – сомневается.

Сомнения – всегда драма.

6.

Дар, какой бы он ни был – музыканта, резчика, поэта, кузнеца, клоуна... испытывает человека не только радостью творения, но и сомнениями. Чем талантливее человек, тем больше сомнений, тем острее они. И как же часто дар оборачивается глыбой Сизифа: вот эта глыба на вершине радости – и тут же срывается в топь сомнений.

Я для того и решил сказать это слово, чтобы у поэта было меньше сомнений или чтобы не так жестоко они терзали душу поэта.

На её странице на сайте «стихи.ру» я не сразу понял, зачем псевдоним, если он тут же расшифрован: МИОЛЬ – Мищенкова Ольга.

Миоль...

Восьмая нота?

Наверное, так.

Новая нота в музыкальном строе русской поэзии.

Миоль – как миниатюрное стихотворение.

Так... я сказал. Конечно, далеко не всё, что можно и должно сказать о таком поэте. Но пока ставлю точку. А дальше...

А дальше читателю предстоит пережить, открыв стихи Мищенко-вой Ольги, встречу с прекрасной поэзией. И хочется, и думается, и верится, что с этой поэзией что-то по-хорошему изменится в душе и жизни читателя, потому что именно для этого и родилось слово поэта – Ольга Мищенко-вой.

Стихи эти – прорыв из духовного заповедника, выход на общение, на расширение горизонтов своей поэзии. И снова – музыка, импресси-ии, и снова речь, исполненная тончайших переживаний и редкостных смысловых оттенков, и снова свет удивительного дара.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Рецензия на «Затяжная весна»

Никто и никогда не сможет произвести инвентаризацию сказано – прожитого тобой, Женя. Сосульки падают вниз, подснежники пробиваются вверх, но среди музыки и тишины, среди бестолковых и безответственных следов птичьих – Слово твоё. И что-то большее способно внять ему, большее даже, чем просто человеческое сердце.

Елена Лапшина, 20.03.2016

Рецензия на «Извечный вопрос. Из цикла Прекрасные принципы поэт»

Евгений Феодоров. Имя, произносимое на задержанном дыхании, с извечной виной своей в оглядку за недописанные и ещё не отправленные письма замечательному поэту, дорогому мне собеседнику и доброму Другу. С праздником, Женя! Да будет благосклонна судьба к душе твоей, пишущей над поверхностью листа, доносящей до слуха важность многими не замеченного не тут, на страницах, а в жизни самой.

Елена Лапшина, 23.02.2016

Рецензия на «Взойди!..»

Обжигает болью, изнуряющим одиночеством. Передалось физическим ощущением фатального конца, неизбежностью. Удивительное сочетание обыденной пустяковости и душевного драматизма. Всегда преклоняюсь перед Вашим Мастерством переплестать чувства. Мне в этом плане всегда был люб Стефан Цвейг, прошу прощения за аналогию. С уважением и теплом.

Евгения Евгеник, 06.09.2015

Рецензия на «Баллада о приюте»

Горстка слов... Но каких! Как пахнут! За ними – несуетность жизни, требующая такого же несуетного отношения, основательность и мастерство автора, очарованная душа. И это немало, Евгений, поверьте. А край этот, несомненно, есть и ради этого и стоит жить, нести туда сокровенные слова. Думаю, что не все ещё Вы туда отнесли. Я чувствую. И жду их.

Виктор Квитко, 23.07.2015

Рецензия на «Я строю стихи»

Каждый по-своему видит Ваши стихи, а уж взгляд автора на свое творение – отдельная тема. Я все листала, как страницы книги, и дума-

ла: на что это похоже? Почему кажется родным? С чем сравнить, чтоб проще было понять свое отношение к прочитанному? Для меня – с польской поэзией. Быть может, Вас огорчит подобное сравнение, но для меня – это повод не расставаться с Вашими стихами.

Юлия Харакк, 16.11.2014

Рецензия на «Она, или Восьмая нота»

Думаю, что лучшим результатом прочтения станет посещение страниц Ольги. И да откроется её строка нам столь же щедро, как тебе, Музыканту Стихосложения и человеку, никогда не бросавшему слов на ветер. Если стихотворения Ольги заставили твой слух так чутко отреагировать, то ценное ценно.

Елена Лапшина, 16.11.2014

Рецензия на «Юнец и Муза. Рейнский сказ. Гл. 3»

А птица снова пьёт замороженно музыку с листа, да и не с одного. Здесь странички перелистываются, и рой ромашковый из снежинок перепархивает. Не знаю, почему, не могу объяснить, но так радостно, что сохранённым в душе, в памяти живёт трепетное, доверительное, откровенное, не рассыпая образа, не растушёвывающая в невнятность, но при этом и не теряя загадочности особенной, ВОЛШБЫ. Я в восторге, чего и другим читателям желаю.

Елена Лапшина

Рецензия на «Постоянство» (Евгений Феодоров)

Евгений, какое же у Вас единение с сущим, как высока философия, и как прекрасна истина – последней строкой!!!

Владимир Шаронов, 18.11.2014

Рецензия на «Первый снег»

Ваши стихи не перестают меня потрясать. Удивительные, ёмкие, объёмные. Мне порой кажется, что я ощущаю запахи дождя и стылой земли, шум моря и птичий гомон. Через Ваши стихи я могу возвращаться туда, где было бесконечно комфортно на душе, где было надёжно и уютно...

Вот полистала Ваши стихи и на душе полегчало. Сегодня у меня день рождения, но что-то тревожно на душе и не могу понять отчего. Простите меня, Евгений, если что не так.

С уважением к Вам.

Евгения Евгеник, 20.10.2014

Рецензия на «Встреча в Старом Городе»

Строки Ваших стихов окутывают теплом, пробуждая скрытые воспоминания, заставляют задуматься о жизни, находя в душе самые потайные уголки, заполненные бережно хранимыми и памятными датами, именами, событиями... У Вас очень своеобразный, запоминающийся слог и манера изложения, а после прочтения строки ещё долго не отпускают.

Спасибо, Евгений! Всех благ и удачи Вам!
С теплом и уважением.

Ольга Лазарева, 23.07.2014

Рецензия на «Юнец и Муза. Рейнский сказ. Гл. 2»

Фантастика всё. И ЭТО, здесь размещённое. И ответ Елены Рейн под стихотворением. Если холсты могут быть живыми, то это именно тот холст, на котором, как в сказке, идёт снег для счастливой улыбки всех неупущенных возможностей и для... лепки, пусть недолговременной, но прекрасной. Женя, верь не верь, но цены всему этому нет, как и раньше не было. Синица-Пленница.

Елена Лапшина, 18.07.2014

Рецензия на «Простое слово – 1»

Все идет в ход... Все. Интересно, что художнику всяка соринка – source and resource (источник и ресурс). «Когда б вы знали из какого сора» – имеет двойное дно – не просто из какой глупости рождаются стихи, а из КАЖДОЙ соринки, из КАЖДОЙ песчинки строятся замки, каждой каплей наполняется океан. И океан образов, океан живописный, океан слов.

Елена Нижний Рейн, 17.06.2014

Рецензия на «Вся жизнь»

Случаются стихи... А ими случается сила, могущая поспорить даже с инерцией общей лжи! Спасибо тебе, Поэт!

Игорь Огнёв, 17.06.2014

Рецензия на «Когда я свободен...»

Несуетливое перо – мощный образ и не просто образ, за ним кредо человека, прожившего и понявшего жизнь. Недаром мне сразу полюбилась фраза: «Кто понял жизнь, тот не торопится» (увидел как-то давно такую надпись на авто). С тех пор стараюсь следовать ей, но не всегда получается, не свободен ещё. Мне кажется, Вы давно уже так живёте. Недавно был на концерте органной музыки в католическом соборе. Не

совсем уютно себя там чувствовал, пока не достал мобильник и не стал читать Ваши работы. Успокоился сразу и почувствовал гармонию. Понял, какая музыка присуща Вашим произведениям или верлибру вообще. Очень хочется приобрести Вашу книгу, но неудобно спросить. Возможно ли?

Виктор Квитко, 10.06.2014

Рецензия на «Да, ради птицы»

Вот ведь не любил верлибры (наверно, попадались на глаза не лучшие, а может и не в этом вовсе дело?), а Вашими зачитываюсь. Здесь, в этих строках – весь смысл нашего бытия, когда полжизни гоняешься за журавлём или жар-птицей, не замечая синицу, пригревшему у сердца или даже наоборот, греющую это одинокое сердце, понимая при этом, что выше собственной головы не прыгнешь, но пытаться надо, чтобы самого себя уважать и надеяться, что все твои попытки не останутся пустым пшиком, а понадобятся кому-то идущему следом и возделываешь эту белую пашню листа, да, ради жизни, ради любви, ради той самой синицы. Спасибо! Буду ещё возвращаться не раз сюда, на Вашу страницу.

Виктор Квитко, 25.05.2014

Рецензия на «Девочка и океан»

Здравствуй, Евгений!

Не вышло ли у Вас книги стихотворений? Я бы хотел приобрести у Вас экземпляр, если можно.

С уважением.

Кирилл Алейников, 02.18.05

Рецензия на «Когда я свободен...»

Великолепно! Когда я свободен...! Свободен человек, если в нём нет страха... Благодарю, ощущение парящего в вышине облака, мчащейся волны в океане, ветра в небесах, дыхания спящего ребёнка – всё во всём! Спасибо!

Валентина Анастас, 25.03.2014

Рецензия на «Пишу письма...»

Читаю Вас... читаю... и все кажется, не могу уловить чего-то... И вот! – «Пишу письма...», сразу как-то разместилось все Ваше и улеглось в моей душе, как Ваш пес... у Ваших ног...))... чуУдно стало, хорошо и как-то велИко...)) Счастлива была бы быть адресатом этих необыкновенных, дающих желание и силу жить, писем... Препкланяюсь

пред глубиной, иным совершенно недостижимой... С уважением к творчеству Вашему истинному с теплом души человеческой – Надежда)))
Надежда Эпова, 18.02.2014

Рецензия на «Девочка и океан»

Вы знаете – это самое художественное ваше произведение... такое оформленное... тонкое... и образы очень ново-сочные... и настроение присутствует... хочется идти за ней и размышлять...

Мурлена, 11.02.2014

Рецензия на «Встреча в Старом Городе»

У вас абсолютный слух на слово и грамматику! » Вот и опять нет выпавшей нотки, случайного всплеска, разрушающего. «Когда сгустятся кофейные сумерки...» Эти слова, эти цвета имеют ещё и вкус. Слово нужное, слово вкусное. Вспомнился снова Зиновий Герд со своим вопросом: «А там вкусно кормят?» Здесь, на этих страницах – Вкусно Кормят.

Елена Лапшина, 21.01.2014

Рецензия на «Где ты?»

После ваших стихов хочется бежать за мечтой, бегать по лужам, собирать опавшие листья в букеты и наслаждаться волшебной каплей весны... Вы чародей, дорогой Евгений! С Рождеством вас поздравляю! Вдохновения и оптимизма!

С уважением и теплом!

Евгения Евгений, 07.01.2014

Рецензия на «Сказка стеклянной горы»

Я тоже заинтересовалась и посмотрела картины художницы, которой Вы посвятили такие красивые строки. Сделала себе закладку, чтобы поучиться, изучить ее творчество. Евгений, спасибо! У Вас на страничке всегда что-то новое открываешь для себя и всегда есть чему поучиться!

Борисова Елена Владимировна, 24.12.2013

Рецензия на «и судьба окатанным голышом»

Чтобы рисовать загадки и откровения всех произведений этих страниц. Догадываюсь о чувствах, которые может вызвать такое, спрессованное и свободное одновременно – «Пить!» Читается, как вступление. Мне уже трудно представить, что могла бы не знать стихотворений длительных и таких же объемных на всём протяжении, как это.

Елена Лапшина, 08.12.2013

Прекрасные принципы поэзии

Стихи не надо придумывать. Придуманные стихи или бесчувственные и вообще никакие, как стерильная вата, или – как на ходулях, с которых автор вещает, или – ловкий набор слов, прошитый рифмами и исполненный с соблюдением, подчас очень тщательным, чередования ударных и безударных гласных. А потому не надо придумывать стихи. Как бы ни относились сегодня к великому русскому поэту Владимиру Маяковскому, его слова о том, что стихи должны вывариться в сердце, истинны, и тут уж – ни в зуб ногой.

А нужно просто читать жизнь, природу, людей, самого себя – и прочитанное, пережив его всем сердцем, всем рассудком своим, постараться выразить в слове не фальшивя, в тон своему внутреннему голосу, в лад с музыкой, пронизывающей тебя и всё вокруг, весь мир. В философии нагуа есть удивительное и прекрасное понятие «инхочитл-инкуикатл» – «цветок и песня», которые испускаются каждым предметом.

Правда, может случиться, что в такой записи размоются рифмы и слова станут подчиняться непривычным ритмам. Но разве слово, полноценное слово, живое самослово не стоит такой не слишком великой жертвы, как рифма и классическая ритмика?! Впрочем, об этом другая притча.

И притчи не выдумываются. Они случаются – и случаются чаще, чем мы успеваем заметить их. Поэтому они обычно вспоминаются... Подчас связывая, казалось бы, несвязуемые вещи, они подсказывают нам насущное решение.

Да, притчи обычно складываются из воспоминаний, личных или запавших в душу наблюдений.

Сентябрь 1952 года. Первые дни в четвёртом классе. И первые домашние задания. Я верчусь на диване и учу стихотворение о Родине, открывающее «Родную речь». Стихотворение длинное... Во время этого стихотворения, которое я так никогда и не выучил, умер отец.

Отца больше года лечили, а когда выяснилось, что лечат не от той болезни, было поздно.

Он стоял, покачиваясь, в проёме спальни двери... весь белый... сильно пошатнулся... только и успел позвать: «Матка...». Упал навзничь и умер.

Пока отца обмывали и одевали, я в пустом дворе между двумя пятиэтажками стоял возле поленницы и ковырял какой-то сучок. И вдруг в дворовой пустоте появилась соседская девочка – как будто ниоткуда и сразу рядом – и протянула на ладонке яблоко: «Возьми...».

Я тогда не знал и знать не мог, какая тайная и подлая судьба готовилась её детству.

Помню имя её, чудное имя – Ангелина.

А яблоко вспомнилось позднее и неожиданно. И уже никогда не пропадало в моей памяти.

Начало 60-х... Это время теперь называют концом «оттепели».

Молодые студенты-стихотворцы и будущие журналисты, мы деятельно и увлечённо интересовались секретами слова. Но среди этих секретов оказались и такие, которые государство старалось спрятать от слишком пытливых молодых умов.

Вопросов было много. Кто-то шутя начал было придумывать философию – «Вопрос как вопрос сам по себе». Но мы не встретили тех, кто хотел бы ответить на наши вопросы. К местному отделению Союза писателей мы потеряли интерес, когда нам всерьёз указали, что «Маленький Принц» всего лишь сказка, а Экзюпери – просто лётчик, к тому же родился не под нашим солнцем. И мы искали поддержку у авторов 20–30-х годов. Доступ к их книгам мы получали через тихих девчат на выдаче в Публичной библиотеке. Так познакомились с работой Вадима Шершеневича об имажинизме – « $2 \times 2 = 5$ »

Но $2 \times 2 = 5$ слишком логично, слишком очевидно! Кто-то в споре запальчиво выкрикнул – своё ли, или чужое, но как своё: « $2 \times 2 =$ стеариновая свечка!» Я тогда подумал: «Лучше яблоко. $2 \times 2 =$ яблоко».

Много лет спустя, я одно своё стихотворение начал строкой: «Сегодня, глядя на яблоко, я вспоминал Уитмена...». И дальше я пытался рассказать, что такое поэзия. Просто всё ещё молод был и не знал, да и допустить не мог, что ни я, ни вообще кто-либо в мире не скажет, не расскажет, не поведаёт... да попросту не ответит, что же такое поэзия.

Здесь бы и поставить многозначительное троеточие: мол, сообразайте дальше сами.

Но я знаю, кому-то покажется: какой цинизм! – укладывая в один ряд «Родную речь» со стихотворением о Родине, смерть отца, подлую судьбу, уготовленную девочке-соседке, философию нагуа, эпатажную формулу имажиниста... и что там ещё?!

Нет, не цинизм.

Притча, которая сложилась в моей памяти. И я называю её другому... совсем иначе... называю, хотя с трудом удерживаю грусть и слёзы, вспоминая девочку-соседку, протянувшую мне в день смерти моего отца яблоко – в утешение.

Нет, не цинизм. Раз уж надо подводить черту, то – по гамбургскому счёту, как говорили молодые авторы 20–30-х годов. Если ты взял в руки перо, если подступил к белой пашне листа, то нет ничего далёкого для твоей души, как ни мало сердце, но вся вселенная помещается в нём. Сказал же кто-то из наших, близких по времени поэтов, что с чело-

веком умирает целая вселенная. В этом были убеждены и восточные поэты-мудрецы.

Так почему слову поэта мы должны доверять меньше, чем слову бухгалтера или естествоиспытателя?

Вот и убеждён я: $2 \times 2 = 4$, $2 \times 2 = 5$ и прочие логические формулы – всего лишь частные случаи поэзии. А вот $2 \times 2 =$ яблоко... даже если не в утешение, а просто яблоко... или яблоко, подобное груди Евы в графике Стасиса Красаускаса... или...

А может, дважды и не 2 вовсе... или не яблоко... Но здесь каждый отвечает себе сам – своей жизнью, своей памятью, своей человечностью.

* * *

Всё чаще обращаюсь к банальным истинам. Наверное, возрастное. Но как же они прекрасны в своей простоте и очевидности! «Волга впадает в Каспийское море», «Лошади едят овёс и сено»... Значит, не всё ещё пропало в нашей жизни, в нашей истории: никто не повернул Волгу на юго-восток – на экспорт! – чтобы напоить пересохшее Аральское море; и лошадей – тех, что сохранились и живы, – никто, есть надежда, не кормит сосновыми опилками.

Но банальными бывают не только истины. И заблуждения бывают банальными. Наивные, надоедливые, расчётливые, а то и попросту подлые... их прекрасными не назовёшь... да и последствия их уродливы.

Общественное заблуждение и заблуждение многих из тех, кто взял в руки перо, в том, что генеральными признаками, свойственными поэзии, почти законодательно называют рифму, ямбы-хореи, повторы, аллитерацию... Вот только ребёночка забывают. Забывают о том, из чего растёт и чем держится поэзия в нашей жизни, забывают о том, что составляет плоть и суть её, забывают – о слове. А ведь всё прочее – всего лишь техническое обеспечение. Ритмический молоток, политура аллитераций, рифмующий клей, ножовка, разделяющая на строфы... но где стол?

От слова к слову движется взгляд. И в сознании складывается/образуется/появляется удивительная по своим особенностям картина: ты всматриваешься в неё, стараешься понять сюжетные узлы, сопоставляешь со своей памятью – и вот уже активно вписываешься в картину, переживая излагаемую жизнь, изображённую с помощью слова, как свою собственную.

Степь, ровная, как стол... Такая степь мне встречалась только в книгах про казаков... неужели и у Чехова тоже?

Как бы ни гляделась степь ровнёхонькой, она всё же всхолмлена. Ковыль, полынь да красные тюльпаны, прозванные казаками лазоревым цветком, скрывают от всадника её бугристость. Да мы ещё – словом своим – выравниваем степь для ухарской воли тех ещё казаков, для раскрытия великолепного пространства России, сливающегося на горизонте с небом – с небесами!

Слово – та печка, от которой и начинаются наши ямбо-хореические танцы и рифмованные игры.

«Стол». Обычное слово нашего житья-бытья. Но ведь все слова сами по себе обычные. А вот дело в том, что любое слово может стать твоим, то есть особенным и неповторимым.

Марина Цветаева написала цикл стихов «Стол»: «Вас положат на обеденный, А меня – на письменный». И здесь «стол» – её слово, ничьё больше, только её!

Для кого-то в слове «стол» обломок дрейфующей льдины, на котором одиноко и холодно, для кого-то – душевная пристань, стройплощадка-мастерская или поле бессонницы... Для меня – иногда – по тому, как наваливаюсь на край стола, – лодка, старая, обшарпанная... «без руля и ветрил»... отдаться неведомому течению и пытаться уловить строку...

Слово без личностной характеристики – безлико, всего лишь единица словаря, единица проходного общения, предмет археофилологии. Но запоминается и откладывается в опыте народного духа то слово, на котором и в котором отпечаталась личность. Автора могут забыть и подчас забывают, но слово с заключённой в нём частицей личностного опыта остаётся в народной памяти. У каждой пословицы и поговорки был когда-то автор.

Слово неисчерпаемо богато возможностями стать собственностью поэта – и в каждом случае по-особому. И разве это не прекрасный принцип поэзии – найти/открыть в слове, извлечь из слова своё неповторимое и необходимое слово?

Исследовательским скальпелем слово давно разъято не только на составные части, но и на частицы – звуки. Но дальше исследования застопорились... почему-то... «А» есть «А» – и точка. Дальше исследовать нечего. Ну а сколько интонационных значений у «А»? Интонация информативна, и об этом даже собаки знают. Не забыть бы и количественную характеристику звука, с которой, например, «А» переходит в разряд междометий. Физики настолько углубились в изучение материи, что уже ищут «первокирпичик» Вселенной, так называемую «частицу Бога». И почти нашли. Но пока сомнений больше, чем уверенности.

Слово материально, поэтому и в нём смутно подозревают наличие «частицы Бога».

Но вряд ли когда-нибудь найдут. Да и нет подходящего аналитического инструментария для этих поисков. Слово исследуется словом.

«Частицу Бога» в слове чувствуют поэты, каким-то нераспознанным образом воспринимают её и, справедливо не задумываясь над психофизиологией этого состояния, но руководимые этим чувствованием, создают образы.

В каждом слове – непознанная глубина. Сколько бы ни народилось словочерпиев, глубины хватит на всех. И великолепны словес небеса... просторны безгранично... Сколько бы ни народилось песнетворцев, места для воображения предостаточно... без тесноты и толкотни.

...и быть одним из многих, но – единственным.

В заключении – как информация к размышлению – слова кубинского поэта Элисео Диего: «... работа над словом – одна из жизненных необходимостей человека, одна из фундаментальных частей человеческого опыта»; «Для меня стихотворение – это способ переноса в ускользающую невесомую материю, какой является слово, человеческого опыта».

Прекрасные принципы поэзии, «частица Бога»... Не слишком издалека повёл я речь?

А печалюсь о чём?

О чём боль в печали моей?

Вглядываюсь в память и тревожу душу: «Кто я? Где корни мои? Зачем живу на земле?»

Неумело, коряво, спотыкаясь в сомнениях, пытаюсь найти возвратную дорогу к Богу?

Нет. Никакой особой дороги к Богу нет. Есть жизнь, и ты в этой жизни. И я уже знаю, уже чувствую всем своим естеством, что не только нет особой дороги к Богу, но и нет и быть не может истинной веры без моей Родины, без моего народа.

От слова к слову...

Когда зародилось, когда родилось русское слово?

История русского слова ещё не написана. Есть исторические грамматики русского языка различных авторов, есть учебники старославянского языка и древнерусского, есть «Учение о слове»... Но истории русского слова всё же нет. Да и судят о древности русского языка по текстам, которые исторически слишком молоды, чтобы по ним можно было с уверенностью определять возраст языка, и которые десятки раз переписывались и подвергались политической и церковной редакции, переходя из монастыря в монастырь.

Слишком долго мы молились чужому Богу, отрекаясь от своих корней, слишком долго верили в «душеполезное чтение», в которое превратили русскую историю Церковь, западники разного толка, правители и политики. Ибо официальная история – это или тщательно декорированная политика, или необходимая подкладка для церковной лжи. Или, что вероятней, переплетение обоих вариантов, потому что и ложь церковная – политика.

На празднике и в любви трезвость наступает утром, в старости – в полночь, когда единственной свечой – память. Прожита долгая жизнь. Но как же мала она, если нет в ней главного.

Что ж, если не помнишь – не ведаешь, какого дерева ты отросток, то знай о корнях как можно больше. Ведь ты же не перекасти-поле, влекомое осенним ветром. Ты – человек. И есть у тебя Родина, а не библейская чужая земля, и есть твой народ. Если не знаешь или не помнишь своего рода-племени, так знай же историю своего народа, своей Родины. И постарайся узнать её как можно подробнее, во всей её глубочайшей древности.

...Первая же попытка докопаться до сути ошеломляет: даже самое благостное отношение к отечественной истории сопровождается вздохами многими, что, мол, нет свидетельств, что, дескать, начисто отсутствуют письменные источники (о том, что эти источники были тщательнейше уничтожены Крещением, – молчок, чтобы не обидеть Церковь), что вообще нет никаких достоверных справок с печатью, только довольно-таки смутные упоминания. В общем, ничего, кроме убогих черепков. Зато как документ, свидетельствующий о призвании неких варягов во главе с Рюриком, признаётся поздняя вставка в летопись, к тому же – явно фальсифицированная.

Вот и вопрос: не принимала ли и Русская Церковь, будучи первоначально филиалом Церкви византийской, участие в общехристианском церковном заговоре по созданию фальшивой мировой истории – «к вящей славе Господней», во имя возвеличения авторитета Церкви?

Любая ложь ошеломляет. Но ложь о Руси – масштабная, на весь мир. Вольная или не вольная. Или заблуждение. Или корыстный расчёт. Или словоблудие. Но всегда – в академических мантиях или в ливреях политических прислужников. Не убоившийся раскола ревнитель веры и духовности в Русской Земле, огнепальный протопоп Аввакум назвал бы эту учёную напасть другими словами, но смысл остался бы тот же: «Дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто ж суть, но токмо прелесть, и тля, и пагуба».

...И я обращаюсь к «Слову».

«Слово о полку Игореве» – не только хранитель прекрасных принципов русской поэзии, но и свидетель. «Слово» – свидетель и глубокой древности русского художественного слова, и тьмы невежества, с Крещением распространившейся по Руси.

...и я обращаюсь к «Слову».

Сегодня в исторической науке считают: в начале русской литературы было «Слово».

Прекрасное суждение о прекрасном начале!.. если бы оно было полностью справедливым. Если вести отсчёт историко-литературного времени от «Слова», то всё вроде бы складно. Но если подойти к «Слову» от дня сегодняшнего, то обнаруживается литературный пустырь, посреди которого возвышается один из величайших памятников мировой культуры.

Да, «Слово» – начало для многих русских литераторов. Но ведь теоретики литературы берутся изучать срубленное дерево – и изучают, не раскопав его корней и даже не предполагая леса, породившего его.

Да, «Слово» – начало... и свидетельство. И истина его в том, что оно всем своим художеством свидетельствует о глубочайшей словес-

ной культуре Светлой Руси. И, нуждаясь в духовной защите от идеологических нечистот, я обращаюсь к «Слову».

В основе русской культуры – слово. Но именно на это историческое обстоятельство не обращают внимания, когда речь заходит о «Слове».

До Крещения на Руси существовало несколько видов письма. Но и этот исторический факт отстраняется и замалчивается, но превозносятся имена двух византийских монахов, которые якобы изобрели славянскую азбуку и принесли на Русь грамотность. И попросту врут, если не заблуждаются, без малейшего зазрения совести о дохристианском невежестве русского народа, о духовной несостоятельности русского языка вне Церкви. И прежде всего – когда речь заходит о «Слове».

Французский славист утверждал, что «Слово» – подделка времён Екатерины Второй. Нашёлся и отечественный умелец, который на основе «тщательного лингвистического анализа» пытался доказать, что «Слово» подделано в XVII-м веке, нижний предел – конец XVI-го века. И взять в толк почему-то не мог, что в указанное время на Руси не было и быть не могло книжника, способного на такую подделку. «Слово» на фоне книжности XVI–XVII вв. намного выше, художественно значительней всего написанного. Подделки были – всеохватные, но подделывались документы и летописи. Для подделки «Слова» не было ни возможностей, ни условий. Да и кому нужно было в XVII-м веке, когда утверждался Дом Романовых, слово о разгромленном походе малозначительного удельного князя в XII в.?

А если подвергнуть «тщательному лингвистическому анализу», лет эдак триста спустя, нашу теперешнюю языковую ситуацию, то не окажется ли, что мы в наше время таки были оккупированы Антантой?

«Слово» прошло через многие руки. Возможно, последний раз оно переписывалось в XVII-м веке, подвергаясь очередной редакции, после чего и было включено в «Хронограф».

Историческая истина «Слова» в том, что оно было создано по горячим следам – в 1186 или 1187 г.

К концу XII-го века тысячелетиями складывавшаяся культура была и властно потрепана, и по-христиански в основном уже уничтожена. В своё время на помощь князю Владимиру, трижды предателю и распутнику, на Русь хлынула целая орда монахов, которых в Византии был явный переизбыток. Первыми жертвами стали волхвы – хранители истории, обрядовости, культурных традиций, хранители письма и вещего слова. Волхвов истребили. Вместе с капищами и святилищами, вместе с деревянными и берестяными рукописями.

Из носителей культуры предков дольше всех продержались в истории песнетворцы. И то потому лишь, что ни один из князей не мыслил своей славы без живого слова – слова песнетворца.

В каком-то смысле песнетворцы заместили волхвов, потому что в своих песнях они сохраняли память о праотческих заветах, о героизме защитников Руси... в каком-то смысле они были живым напоминанием о долге, чести, совести.

И главный герой в «Слове» не князь, хотя Автор и сочувствует ему. Истина «Слова», самый стержень его – печаль и боль о Светлой Руси, о павших воинах. Потому, может, и не сохранилось имя Автора... не угодил князьям, которые могли и не стерпеть горячего призыва-поучения, пронизывающего «Слово».

Так и живёт «Слово о полку Игореве» – лебединая песня Светлой Руси... без имени Автора.

Число поэзии

...и любим книги с картинками – как в детстве!

Художник как бы третий собеседник в нашем общении с книгой.

Притчи – те же картинки. С ними объёмнее представляется переживаемый вопрос. Они появляются по-разному. Их порождают обстоятельства, рассуждения, умозаключения... много разных рыбёшек в реке исторического времени. Но часто они вырисовываются по аналогии. Есть же «Панчатантра», книга нравоучительных притч с говорящими зверями и птицами.

Притчи представляют собой духовный опыт поколений, туго сжатый в клубок. Из-за расширения Ойкумены, из-за уплотняющейся и усложняющейся предметности быта притчи стали использовать не только образы животного мира, но и подлинной истории во всей её протяжённости – вне хронологии, подчас и вне конкретного географического пространства.

Сейчас же речь не о притче, но о явлении, существующем в нескольких измерениях духовного опыта человечества: миф, научная теория/гипотеза, фантазия...

Точка опоры для понимания этого явления обнаружилась, естественно, в математическом материале.

С какой бы стороны, с каких бы позиций мы ни подходили к определению поэзии, к рассекречиванию прекрасных принципов её – приходим к человеку, автору и читателю. Так что же... объективно поэзии нет? и рождается она только из человека, из особенностей его мировосприятия и воображения? т.е. пока жив человек – есть поэзия? А как же тогда гармония, отроском которой считается поэзия, гармония природы, Вселенной? Не зря же пространство за пределами Земли древние греки называли Космосом, т.е. Красотой?!

...И почему-то основой красоты, гармонии считаем симметрию. Только потому, что симметрия удобна в быту и приятна для глаз?

Наверное, необходимо договориться сразу, чтобы согласиться потом. А согласие – отнюдь не единогласие, но один из залогов свободы.

Так вот, безусловной симметрии нет. И если говорить о числе как основе основ Вселенной, то это не 1 (=Демиург), не 2 (=Дуальный Бог) и не 3 (=Троица). Мне представляется число, подобное « $e=2,71828...$ », где « e » как бы условная симметрия (1+1), а после запятой – всё то, что нашим обыденным понятием симметрии не покрывается.

Попытки «поверить алгеброй гармонию» известны давно. Считается, что начало этому явлению в духовной жизни положил Пифагор и его ученики, которые считали число истинным ключом к раскрытию тайн Космоса, основой судьбы человека и вообще природы. С тех пор и длится, множа варианты, попытка «поверить алгеброй гармонию» – в мифах, в теориях и гипотезах, в различных фантазиях. В русле этой непересыхающей попытки, как в своё время на поле алхимии, совершаются удивительные открытия: связь между числом и музыкой, золотое сечение, совершенство пирамиды Хеопса... Алгебра музыки была навязчивой идеей пушкинского Сальери.

Но для чего предпринимались и продолжают эти попытки? Формалисты 30-х годов XX века запальчиво заявили: «Мы сможем производить гениев!» Неужели так необходимо, чтобы все-все были гениями. Наверное же, справедливее и по сей момент злободневнее говорить и всячески утверждать «творчество как способ жить» (Мих. Анчаров). А гений... что ж, гений – вне правил и законов, знаковая случайность, отмечающая ступень в духовной жизни народа.

Я не знаю, откуда в моей памяти это число « e » и что оно означает. Но в памяти ничто просто так не застревает. Так что – просто число, хвост которого тянется в бесконечность, а здесь – просто образ нашей поэтической, т.е. истинной, связи с Мировой Душой, Высшим Разумом Вселенной, Всевышним... Эта связь овеществляется в поэзии, в её прекрасных принципах.

Почему для прояснения сути поэзии как явления человеческой вселенной я взял число « e »? Неужели нельзя было найти для сравнения более, так сказать, художественный предмет? Наверное, можно. Как говаривал глоболобый Виктор Борисович Шкловский, в молодые годы – боевой формалист, всё можно сравнивать со всем. Так что число « e » ничем не хуже для сравнения с сутью поэзии, чем неисчерпаемый колодец и бездонные небеса.

Желая понимания, я надеюсь на людей с воображением. А воображение свойственно людям свободным. Вот и говорю, перефразируя еврей-

скую мудрость: «С поэзией не так хорошо, как без неё плохо». И отвечаю оппонентам: «Покажите мне кончик хвоста числа «е», и я соглашусь с вами, что поэзия ничем не отличается от интернета с его соцсетями и даже от инструкции к обычной механической мясорубке».

Извечный вопрос

Материя поэзии не поддается скальпелю, ни медицинскому, ни математическому. Но и вербальному инструментарию, даже самому изощрённому, не поддается. Как в вере каждый находит свою дорогу к Богу, так и в познании поэзии.

Познание поэзии симфонично... разрастается, как куст боярышника или жимолости, – во все стороны. Вот одна из строчек этого куста зацепилась за математику. Но дело не в числе, как бы убедительно ни смотрелось оно. Дело в человеке – авторе и читателе, а вот здесь вопросов гораздо больше, чем ответов.

Итак, поэт. В истории в трёх мировых религиях отношение к поэтам неоднозначное. В творчестве поэтов прежде всего подозревалась ересь. Когда подозрения оказывались бессильны перед талантом, говорили о божественном воздействии и старались прибрать к рукам.

Иудаизм, христианство, ислам... Как бы ни были велики эти религии, но ими далеко не исчерпывается духовный опыт человечества.

Я отнюдь не посягаю ни на какое вероучение. Но хочу обратить внимание на один момент мировой духовной культуры. Наверное, во всех, кроме уже упомянутых, религиях мира, бывших и настоящих, существуют мифы или предания о происхождении слова, письменности, о происхождении поэзии. В многосложной скандинавской мифологии бог Бальдр – отец поэзии. Его смерть предшествовала гибели богов и всего мира. Кастальский ключ в Древней Греции считался источником вдохновения и принадлежал богу творчества – мусажету Аполлону. Славянский Велес не только «скотий бог», но и покровитель поэзии и песнетворцев. А княжество, в котором не было при князе своего песнетворца, считалось несколько ущербным. На арабском Востоке дервиши и поэты считались людьми особенными, на которых нисходит божественное озарение. Кстати, народное отношение к поэзии и поэтам – это, пожалуй, единственное, с чем не справился ислам, уничтожая «тёмное» прошлое арабов. Древние нагуа считали, что нельзя сохранить историю и осуществлять образование без поэзии. «Цветок и песня» – таким вот понятием определялась у них суть любого предмета, а истинной поэзией считалась та, которая раскрывала «цветок и пес-

ню». В сказках многих народов мира Змея благодарит Героя за спасение и одаряет его способностью понимать язык трав, цветов, деревьев, птиц и зверей. И даже в сказочном мире этот дар считался удивительным, исключительным и – завидным.

Даже в этом куцем перечне заметно общее, не зависящее ни от расы, ни от национальности, ни от географии: через поэзию и поэта проходит живая связь мира земного с миром небесным.

Но что же кроется в художественном творчестве и его принципах, если у Поля Элюара однажды вырвались такие отчаянные строки:

*И если человек до срока должен погибнуть,
Пусть первыми среди людей умрут поэты.*

И что за судьба у поэта?

Бывает же... чаще – в поезде... в автобусе или на улице – редко: не то пространство, не те скорости, не то ожидание... – случается встреча, когда ты неожиданно для себя можешь поделиться радостью или наболевшим, разговориться от души... забудутся имя и облик собеседника, но в душе останется искра тепла от этой встречи.

Не так ли и с книгами? Ведь и книги – собеседники. Разве что в том только разница, что с таким собеседником не расстанешься.

Для меня подсказкой в размышлениях о судьбе поэта стал роман Вл. Орлова «Альтист Данилов». Герой – полудемон, но вчитываешься в роман – и вот уже узнаёшь демонический мир, а судьбу героя принимаешь близко к сердцу.

Несмотря на своё демоническое происхождение, Данилов живёт вполне по-человечески: помог старушке перейти дорогу, наказал склочного домового, ходит на работу в оркестр, влюбился... Но вот начал в музыке дерзить... да так, что складывалось впечатление, будто в нём целый оркестр. Ладно бы ему помогал альт Матео Альбани, но он же и на обычном инструменте дерзил.

Нет, как музыкант и композитор, Данилов не пользовался своими демоническими возможностями. Но – был заподозрен и привлечён. И почему бы не вспомнить здесь историю Паганини? Ведь нашлось много ценителей высокого искусства, которые распространяли авторитетные сплетни о демонизме музыканта. Наверное, и демоны потирали руки: слишком по-человечески дерзок он.

Своенравного демона судили и приговорили. Наказанием определили «люстру». Если Данилов снова станет вести себя неподобающим, с точки зрения демонической общественности, образом, если и впредь будет по-человечески дерзок в музыке, то «люстра» неизбежно и не-

умолимо уничтожит его, растворит, погасив даже мельчайшую искру его таланта, его личности.

Но более прозорливым и научно подкованным демонам это наказание показалось недостаточным, потому как было исключительно демоническим средством. Талант музыканта – вот камень преткновения и источник дерзости. И наказание удвоилось уже средствами человеческого мира, т.е. та же люстра, но в земном исполнении.

Хитроумный демон-интриган Новый Маргарит внёс воистину иезуитское предложение: «Данилов прежде был освобождён от чуткости к колебаниям. Но теперь он стал слишком дерзким в своей музыке. Так пусть обострятся его ощущения. Причём, коли он станет играть лучше, достигнет в музыке высот, чувствительность его ещё более разовьётся, не только земные толчки и дрожания уловит Данилов, ему обнажатся и страдания людей, ближних и дальних, приступы чужой боли дойдут до него. Тяжкая ноша может оказаться на его плечах. Пусть помнит о ней и думает, стоит ли ему и дальше дерзить в музыке».

Вроде бы вопрос о судьбе поэта закрыт. У поэта выбора нет. Или ты и твой талант, или «как все». А это не выбор.

Но если уж есть ты, то вот тебе и «люстра». Не потому ли и сегодня случается, что талант называют болезнью, начисто забывая, что единственно верный и справедливый способ жизни – творчество? Ведь всё, что не укладывается в рамки обыденной симметрии, вызывает раздражение. Мещанское кредо кратко: «Не высовывайся!» Чтоб как все, чтоб как у всех...

И что же... Косить – косьба, ходить – ходьба... А судьба? Судить?! Вот и ответ: суд. И суд вершится постоянно, а не потом и не здесь. Потом и не здесь – всего лишь приговор. А сейчас суд вершится над каждым твоим словом, над каждой нотой, над каждым мазком на холсте. И как тут не вспомнить слова Канта о двух прекрасных вещах – о звёздном небе над головой и нравственном законе внутри нас.

Но почему первыми должны умереть поэты?

Муха Аристотеля, или Верлибр, свидетельство о рождении

Так схватываются, отстаивая права на собственность или наследство, так противостоят в пограничных конфликтах, так ярятся из-за великих идей... Но ТАК спорят и вокруг верлибра.

Впрочем, глагол «спорят» предполагает хотя бы некоторое количество людей с различными убеждениями. Но в спорах о верлибре обычно с барабанами и знамёнами представлены противники верлибра, в

меньшей степени – те, кто пытается разобраться в верлибре, и вовсе одиночками выступают защитники и авторы верлибра.

Всё чаще споры начинаются с требования: «Что такое верлибр? Дайте определение верлибра!»

Вот! Как будто без имени, без свидетельства о рождении это «ужасное дитя» не имеет права на жизнь. Всё как в «Маленьком Принце» Экзюпери: без номера в астрономическом каталоге планета с баобабами и единственной розой как бы и не существует, без указания значительной стоимости красота дома с островерхой крышей и голубыми ставенками категорически не воспринимается.

Особо въедливые спорщики, надеясь на уничтожение или – хотя бы! – на избавление от верлибра, вбрасывают в кипение страстей вопрос: «Откуда взялся верлибр?» Как будто речь идёт о чьей-то досужей выдумке или хулиганской выходке.

Верлибр не безроден. Трудовая и религиозная молитвенная практика – источник как метрической поэзии, так и верлибра. Великолепный Элиот, как бы прозревая скрытое во тьме давнопрошедшего времени, сказал: «Рискну утверждать, что поэзия начинается с дикаря, бьющего в барабан, и в дальнейшем она сохраняет эту основу – ударность и ритм; метафорически можно сказать, что поэт старше, чем другие люди».

Согласимся с великолепным Элиотом – хотя бы потому, что он прав и к тому же поэт.

В заклинательном ритуале было важно не только слово, но и звуко-ряд с его повторами и переплетениями. Ритуал был коллективным действием, несмотря на ведущую роль колдуна.

Отношения с богами были не только общественными, но и индивидуальными. Когда на охоту или на обработку поля уходил один, то молитва его была совсем другой, сосредоточенно личной. Охотник или земледелец обращался к богам, опираясь на свой опыт, на свои способности и пожелания. Канонических молитв не было.

Отношения с богами и судьбой – дело интимное. И верлибр как поэзия индивидуализированная редко становился, так сказать, достоянием широкой общественности. Но с развитием истории он всё чаще проявлялся, становился общественно гласным – в виде вещей эпических, героических и в виде песнопений, обращённых не только к богам, но и к современникам.

Истории поэзии в современной науке о литературе нет. Но если можно определить основные вехи в истории поэзии «ударности и ритма», то история верлибра смутна и чрезвычайно разрежена. Наверное, прав один из наших современных верлибристов, как бы вскользь заметивший, что верлибр наиболее ярко проявляется в периоды социальных подвижек, социального смятения. Впрочем, ответ и необходимые разъяснения – за

социальными психологами. Но как бы ни пунктирна была история верлибра в нашем представлении, он существовал всегда.

Если индивидуальная молитва есть начало верлибра, то он уже давно и далеко ушёл в своём развитии... в общем-то, как и метрическая поэзия – от ритуала.

У верлибра нет твёрдых форм, какими располагает поэзия «ударности и ритма». И регламентаций по объёму нет: верлибр может быть и «крошкой» в четыре слова, и полноценной поэмой. Но есть вполне определённые разновидности верлибра: лирический, медитативный, риторический/публицистический, новеллистичный (повествовательный)... В любой из своих разновидностей верлибр не ограничен в объёме, не ограничен жанровыми требованиями и существует по своим внутренним правилам, которые вряд ли будут канонизированы.

Все наблюдения и рассуждения, все споры о верлибре возвращаются к одному вопросу: «Что такое верлибр?»

Петровское «окно в Европу» повлияло и на развитие русской поэзии. С Третьяковского и Ломоносова в русской поэзии утвердилось силлабо-тоническое стихосложение. В Европе силлабо-тоника утвердилась раньше: в Англии – с XV века, в Германии – с XVII, и тамешние реформаторы – вслед за церковниками – ссылались на Аристотеля и античное наследие.

В картине Рафаэля «Афинская школа» Платон устремил перст в небо, десница Аристотеля простёрта над землёй.

Любитель нарядных одежд и изысканных яств, Аристотель считал, что для его энциклопедического ума достаточно ойкумены вокруг него, т.е. того, что здесь и сейчас, чтобы судить о фундаменте Вселенной, достаточно того, что наработали искусные греки, чтобы судить о Поэзии. К тому же в то время в представлениях об искусстве слова ещё не было понятия «художественный прогресс», хотя уже рассуждали о том, что «всё течёт, всё изменяется».

Европейские реформаторы XV–XII вв. решительно отвергали всё, что находилось за пределами античной поэтики или не подчинялось её требованиям. И – увы! – эта традиция сохранилась.

Определений верлибра много, кратких и обширных. Различаются определения и по содержанию: от глупости и невежества до умопомрачительной учёности. Вот некоторые из них – без указания авторов:

– «Верлибр – термин, определяющий широкий и недостаточно ясно очерченный круг явлений в стихосложении XX века» («Краткая лит. энцикл.», 1971 г.).

Вот так: речь идёт всего лишь о стихосложении, не о поэзии... и упоминается только XX век, когда в стихосложение ввалились не очень ясные явления верлибра.

– «Нерифмованные стихи, расчленённые на строки, но не обладающие постоянными признаками их соизмеримости» («Советский Энциклопедический Словарь», 1980 г.).

Жутковато, что без расчленения и последующей соизмеримости стихи не могут быть стихами.

– «В разной степени свободный от рифмометрической композиции стих... это тип стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизм (равенства строк по числу слогов и ударений) и регулярной строфики» («Википедия»).

– «Настоящий верлибр – это абсолютная, концентрированная поэзия».

– «Верлибр, полностью лишённый каких-либо украшательств, представляет собой голую мысль, голую метафору, абсолютную поэзию».

Интересно, во что облачены мысли и метафоры в метрической поэзии.

– «Главные отличительные признаки верлибра – его повествовательность, особая доверительность, метафоричность. Свободный стих, как правило, не предназначен для чтения вслух перед аудиторией, его нужно читать в одиночестве».

Эмоционально, а в главном – мимо.

– «Свободный стих – это не просто иная подача поэтического материала, это иная метафоричность, иная образность, иная поэзия».

Да, иная! Заявлено хлётко, но понятие «иная» не раскрыто.

– «Возможно, верлибр – это поэтический язык Бога, созданный Им для того, чтобы донести до человечества истину».

Не могу представить Бога, сочиняющего учебник особого поэтического языка или поскрипывающего пёрышком, выкладывая на белый лист стих как истину для человечества.

– «Древний русский фольклорный стих, или, как его называют некоторые исследователи, «предверлибр», возник до того, как сложилось классическое стихосложение».

– «Стих, в котором произвольно количество ударных и безударных слогов; не обязательно одинаковое число ударений в стихотворных строках; нет повторяющихся единообразных строф; может не быть и рифмы. В его основе лежит однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию, с которой произносятся каждую из стихотворных строк-фраз свободного стиха. Эта повторяющаяся интонация, выраженная в схожем синтаксическом построении фразы, и определяет своеобразный ритм стихотворения» («Краткий словарь литературоведческих терминов», 1963 г.).

Попытка объективного и исчерпывающего определения верлибра! Но много «не», а в интонации авторы и вовсе запутались, хотя и были близки к цели.

И вот парочка «пёрлов», которые, как говорится, ни в какие ворота: 1) верлибр обладает основными признаками стиха: предложение делится на строки, а каждая строка начинается с заглавной буквы; 2) верлибр – это А) акцентный стих, Б) белый стих, В) вольный стих. Без комментариев, потому как не найти достойных слов для характеристики этого невежества и этой глупости.

Выдыхаясь в определении верлибра как одной из разновидностей поэтической речи, непримиримые противники обрушиваются на личности. Похоже, сложился своеобразный обряд уничижения и низведения верлибристов: лентяи, которые избегают трудностей в поисках рифмы; прохиндеи и пролазы, которые оглушают читателей своими амбициями, а потом пожинают пиитические лавры; безграмотные неумехи и новоявленные графоманы, которых хлебом не корми, но дай засветиться на литературном поприще... а в итоге – политика: верлибристы – это либерасты-прозападники или лжепатриоты, разрушающие великую русскую культуру. После всего верлибристы, очевидно, должны совершить массовый суицид, а верлибры необходимо лишиться причастности к литературе и тщательно вытоптать.

А что же Аристотель?

Аристотель по своим научным интересам энциклопедичен: метеорология, физика, логика, метафизика, поэтика, политика... Нашлось и местечко для мухи. Но Аристотель ошибся в количестве лапок этого надоедливого насекомого: то ли не присмотрелся к тому, что ежедневно мельтешит перед глазами, то ли противно было хапнуть муху, чтобы разглядеть... в общем, ошибся... то ли насчитал меньше, то ли больше... Мелочь – и ничего удивительного. Да и так ли уж важна была для него муха?! Но дело в том, что ошибка прожила больше тысячи лет.

Римская Церковь, естественно, отрицательно относилась к языческому наследию, но творения Аристотеля почитались наравне с трудами отцов Церкви. Церковники считали себя самыми преданными и, главное, самыми полноправными наследниками Аристотеля, поэтому больше тысячи лет у мухи было столько лапок, сколько насчитал философ. Но в средние века нашёлся монашек, который то ли от безделья, то ли из любопытства пересчитал лапки пойманной мухи – и был ошарашен: Аристотель ошибся.

История мухи повторяется в спорах о верлибре: то больше насчитают недостатков, то меньше разглядят достоинств... то так назовут, то

этак... Не укладывается верлибр в классическую поэтику, но он – есть... со своей историей, со своими особенностями и достоинствами... Надо научиться читать верлибр, как в своё время учились читать стихи Маяковского. Об особенностях же верлибра – отдельный разговор.

До востребования, или Об этой нынешней продукции

*Прекраснейшее искусство рядом с тобой,
но ты можешь не заметить его.*

*Геральд Камбрийский,
британский историк 13-го века*

...и он, мой факультетский однокашник, сказал мне:

– Не суетись! Придумай себе читателя, который как бы на полюсе, и пиши для него. Или представь себе, что ты на необитаемом острове... вот и пиши, закладывая в бутылку и бросая в океан... кто-нибудь выловит! Привет!

Стихи до востребования... Наверное, есть в этих словах некая сермяжная истина, от которой не откеститься, но и признать/принять которую трудно. И всё же...

И всё же, верлибры сегодня, наверное, в большей степени «до востребования», чем вся прочая поэтическая «продукция». Кому необходимо, или просто надо, или интересно, тот востребует. Например, С.Аверинцеву верлибры оказались не нужны... ни под каким философским или теоретическим соусом... разве что несколько удивили фактом своего существования в современной литературе.

В своей заметке «Ритм как теодицея» С.Аверинцев благосклонно вспомнил «старых поэтов от Клопштока и Гёльдерлина до Тракля и Мандельштама, пожалуй, даже до Элиота и Целана, до скромного Бобровского», некоторые стихотворения которых, как выразился С.Аверинцев, «мы называем верлибрами».

Не знаю, попадались ли на глаза С.Аверинцеву слова романтики ярких сторонников верлибра о том, что «верлибр – язык бога». Но – прямо или невзначай – С.Аверинцев как бы не остался в долгу и высказался о верлибре, что «для нынешней продукции надо было бы подобрать другое имя» (вот так... подайте настоящее имя, чтобы верлибр считался фактом литературы... «Что в имени тебе моём?»).

Назвав верлибры «нынешней продукцией», С.Аверинцев поставил их в один ряд с прозой Петера Хандке, которая «нарочито аморфная» и даёт «жуткий, неуютный взгляд на жизнь извне жизни, из какого-то не-

человеческого пространства». И – как констатирующая часть приговора: «... полное отсутствие дисциплины, человеческой выдержки и осанки, нужной, как всегда считалось, именно перед лицом жути». Так что же? Автора (и верлибры – как само собой разумеющееся) из литературы извергнуть, а имя вытоптать? Но это – вульгарно, да и не в воле даже самого мудрого теоретика. И деликатнейший С.Аверинцев просто раскрывает истину силлабо-тонической поэзии – истину, которой не достойны ни Петер Хандке, ни верлибры.

Этот словесный жест, т.е. уподобление верлибров скандально бесформенной прозе Хандке или, наоборот, аморфной прозы – верлибрам, безнадежно, по мнению С.Аверинцева, претендующим на своё место в литературе, оказался нужен С.Аверинцеву для развёрнутого суждения о ритме силлаботоники как теодицеи (= оправдание бога).

Но – нет, оправдание не бога, а строго последовательных хорейских, ямбических и прочих ритмов и строфических изысков силлаботонического стихотворчества. Вот суждение С.Аверинцева: «... «содержание» – это каждый раз человеческая жизнь, а «форма» – напоминание обо «всём», об «универсуме», о «Божьем мире»; содержание – человеческий голос, а «форма» – всё время наличный органнй фон для этого голоса, «музыка сфер»... что-то вроде хора сил небесных – через строфику, через отрешённую стройность ритма».

Вывод, как и в случае с Петером Хандке, не сформулирован, но он – очевиден: божественна силлаботоника – и безбожен верлибр, у которого ни дисциплины, ни человеческой выдержки, ни нужной осанки.

Вольная – или невольная? – религиозность на этот раз подвела С.Аверинцева. Мир поэзии, разнообразие форм поэтической речи сузились, ужались в суждениях С.Аверинцева до масштабов силлаботоники. И... бедные же, бедные корейцы, японцы, китайцы, вьетнамцы... они же на протяжении тысячелетий не знали ямбов и хореев и понятия не имели об этом даре божественного Универсума, их голоса в поэзии были начисто лишены «органного фона»... да и европейские народы... только под воздействием повальной христианизации приобщились к древнегреческой ямбо-хорейской «музыке сфер»... а русичи вообще позже всех в Европе стали осваивать сперва поэзию виршевую и только в 18-ом веке – силлабо-тоническое стихотворчество.

Религиозность С.Аверинцева, кровная или нечаянная, не представляется случайной в теме противопоставления силлабо-тоники и верлибра.

Если в различных культурах, на разных ступенях цивилизованности, понимая цивилизованность как духовное совершенствование человека, существуют сказочные и мифологические вариации того, что поэзия – дар божий, а поэт – любимец богов, если даже в литератур-

но-критической толкотне вокруг поэзии заметна одна странная особенность всех споров: даже прямо противоположные мнения связаны друг с другом коренной идеей – идеей божественности поэзии, идеей, которая смущает и самых отъявленных атеистов, – то исподволь закрадывается сомнение/подозрение: «А нет ли во всём этом... хотя бы крупницы... ну не зря же и не просто так: поэзия... поэты... искра божья?! а вдруг, а?»

Примечания:

С.Аверинцев – авторитетный учёный. Философ, логик, эстетик, литературовед, историк культуры и литературы... Для меня С.Аверинцев – один из ведущих авторитетов (наравне с В.Шкловским и Г.Гачевым). Поэтому и решил начать свою заметку со спора с С.Аверинцевым, чем со стихирными теоретиками.

Из воспоминаний Деда Мороза

Говорят, жизнь человека как бы на три периода делится: верит в Деда Мороза; не верит в Деда Мороза; сам – Дед Мороз. Возможно... не знаю... А не знаю потому, что давно уже я – городской Дед Мороз.

Ростовский Дед Мороз – Евгений Феодоров

Наверное, нужно доказать Деда Мороза?

Попробую.

Чего ждут от Деда Мороза?

Подарков! – забывая, что новогодний подарок без чуда – просто подарок.

Вот идёшь по городу, посохом постукиваешь, а тебя нет-нет да и окликнут: «Дед Мороз! А подарок?»

Или письмоцо в почтовый ящик подкинут: «Дед! Ты мне подарок под ёлку не клади, а сразу в гараж загоняй».

Но резвятся таким образом не детишки, а их родители, их старшие братья и сёстры. Да ещё стараются так, чтобы свидетелей рядом было побольше – свидетелей их потрясающего новогоднего остроумия.

Но я расскажу вам несколько случаев, свидетелями которых были народные массы, отдельные семьи и даже научный мир.

Случай первый

Уже который год даём новогодние спектакли на свежем воздухе. Возле служебного входа в драмтеатр построена сцена, на которой сказочная декорация, перед сценой – площадка для зрителей, дальше парк. Дней двенадцать подряд... пусть всего лишь по спектаклю каждый вечер, всё же – устали. Но вот последний вечер. Погода сухая, бесснежная. И – вот удача! – безветренная, поэтому не парусит борода Деда Мороза. Нам потом говорили, что народу в этот вечер было много, больше тысячи человек... даже на фонтане и деревьях расселись зрители.

Итак, финал спектакля.

Все мы линеечкой на авансцене... свет в лицо, слепит... внизу – затишье...

Я, Дед Мороз, произношу заключительный монолог и внутренне уже поёживаюсь, потому что в концовке должно прозвучать слово «снег» с пышным эпитетом. В такую-то пустую предновогоднюю погоду – и славословие снегу... осмеют, не со зла, но посмеются. Вот тебе и аккордное впечатление от спектакля! Но веду монолог и на слове «снег» взмахиваю посохом. Нас чуть не сдуло со сцены – так ахнула зрительская толпа: именно на слове «снег» в вечернем воздухе густо заколыхались снежинки, крупные – с младенческую ладонку... при свете софитов даже игольчатые лучи снежинок просматривались...

Чудо?

Случай второй

В начале февраля кума попросила поздравить племянницу с днём рождения. Февраль выдался тёплый, сырой... в общем, с Дедом Морозом погода и сам месяц февраль как-то не вязались. Но почему бы не удивить племянницу?

Но удивилась не племянница, потому что это был её день. Удивилась подружка: «Первый раз вижу, чтобы Дед Мороз в феврале приходил.» Ну, в семь-восемь лет ещё многое в первый раз происходит...

Комната – обычных размеров, гостей полным-полно, теплынь – от души. Окно – нараспашку... большой тёмный прямоугольник.

Не только именинница, но и каждый из гостей получил подарочек. В общем, та ещё кутерьма. Правда, на прощание попросили ещё: «Снега бы, Дедушка...» Поворачиваюсь от двери и машу рукой: «Будет вам снег.»

На лестничной клетке переодеваюсь – и прислушиваюсь. Всегда ж интересно знать, какое впечатление оставил Дед Мороз. Но за дверь-то – тишина. Провал? Кума вышла, чтобы помочь мне переодеться. А у самой глаза – как площадки: «Ты что наделал?» Оказывается, только я вышел, как весь именинный люд обращается к столу – и замирает: в тёмном прямоугольнике окна висит густая сетка снега.

Чудо?

Но я и сам удивился, когда вышел на улицу: такой густой снег медленно падал на сырой асфальт, что не успевал таять. Когда добрался до своего терема, позади лежала уже полностью заснеженная улица.

Случай третий

Никогда не знаешь, каким бы ни был ты волшебником, в какой окажешься обстановке, с какими столкнёшься характерами. Однажды, например, отыграв с ребятами необходимые новогодние игры, раздаю подарки. А вот посох доверил одному солидному пареньку: «Только, смотри, не стукни, а то ж всё вокруг заморозится». Раздаю подарки, а сам замечаю: мой помощник потихоньку поднимает посох... еле успел перехватить его ручонку... а вдруг, а? Оказывается, он был готов заморозить всех и всё, в том числе и бабушку, чтоб только испытать посох.

...Но в этот раз я и впрямь был ошеломлён.

Не знаю, что за болезнь поразила мальчика: он не мог ходить... ноги-то были, но – как плети. Не подавая виду, что ошеломлён, работаю с мальчиком как с обычным ребёнком. Наконец, любимая игра Деда Мороза – жмурки. Глаза у меня завязаны... паренёк мой висит в руках матери, визжит от восторга, ноги его подёргиваются, едва касаясь

пола... он же удирает от Деда Мороза! Устал Дед Мороз, преследуя паренька по всей комнате. Через пару месяцев мама позвонила: врач удивлён прогрессом в излечении сына. А через год мы резвились вовсю, но – осторожно... а мама стояла в углу, прижав к груди руки, сжатые в один кулак. А ещё через год... впрочем, там уже другая история. Чудо?

Чудо – в мальчике: он очень захотел бегать, чтобы Дед Мороз, играя с ним в жмурки, так и не смог бы его поймать. Имечко помню до сих пор: Толик.

Так есть на свете Дед Мороз или нет?

Что бы ни говорили мне, а что-то дедморозовское в новогоднем празднике есть.

Это ж – кто и как верит... а чудо – возможно.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Рецензия на «Не случилось...»

Случается в жизни схожесть ситуаций. Чувства запикиваются на глубину неизмеримую и только в полнейшем одиночестве выживают на свет Божий. Лишь только для того, чтобы насладиться тем прошлым, в котором каждый был Богом и был всемогущ. Но всё теряется со временем, – возможности, люди, жизнь – всё растрачивается и уносится ветром, кроме тех чувств, которые согревали Душу. Ваши стихи, Евгений, пронизаны вселенской печалью, любовью нерастраченной к той, Которую закрывают звёзды. Божественное стихотворение. Низкий поклон за неизменность чувств.

С теплом.

Евгения Евгеник, 05.12.2013

Рецензия на «На изломе»

Молюсь за то, чтобы ни одна страничка Вашего «старого» не канула в безвестье, потому что каждая из них сама по себе – уже весть для самого настоящего братства. Но как же хочется продолжить путь «под незамутнёнными небесами...» даже «к старой лодке письменного стола». Мне хотелось бы, чтобы ночь всей протяжённостью своей вмещала столько же ёмкого по восприятию и искусного, а не искусственного, как бывает написано, чтобы пройти «к утру по-русалочьи перепутанный лес». Да и бесполезно здесь выдёргивать ниточки из канвы Вашего, какими бы цветными узелками памяти я не пыталась их размещать по отдельности. Читается неразрывно. Зовите, вспоминайте. Услышится!

Елена Лапшина, 30.11.2013

Елена Лапшина

Слово Сеницы о Журавле

(Поэту Евгению Феодорову)

«Верлибр ближе любого другого метода к неорганизованному порядку жизни. Поэтому мастеров так исчезающе мало. Писать жизнеспособные верлибры – это всё равно, что уметь жить». (Поэт Алексей Клишин)

Не единожды пыталась сказать о Поэте, которого хочется называть именно так – Поэтом с Большой Буквы.

Те, кто успели соприкоснуться с его творчеством – уже избраны. Насыщенная жизнь страниц Евгения Феодорова так сильно обогащает собственное представление о мире, что читая его строки, не ждёшь, когда кончится восторг от всего, что удалось сказать поэту, а дочитав, только и подумаешь – а сверх сказанного, что ещё сказать?

Душа дышит глубоко и благодарно. И даже перечитанное много раз, звучит, как впервые.

Творчество его сродни Вознесению. Доводилось слушать музыку, исполняемую голосом, и трудно поверить было, что только голосом, без инструментальной поддержки. А здесь, как в концертном зале, – исполнение строкой. Кто-то написал о его поэме «Страсти по Дон-Жуану» – «Оглушительно». Всё верно – оглушительно тихо, так тихо, что действительно, можно не шум жизни услышать, а... другого... или себя... или Себя Другого.

Столькое во власти Поэта! И столькое уже вне её, после того, как прочитано. Новым звоном – всё, как капельки с ледяных сосулек, обнадеживая, даруя шанс на обновление себя, на доверие к жизни. И так ещё можно сказать о впечатлении: как будто в долгой, напряжённой, опасной предостережениями тишине, вдруг полилась музыка ошеломительной лёгкости и красоты, совершенно неожиданной для состояния вокруг. Той красоты, которую хочется удержать бережно, глазами, слухом, на которую хочется ориентироваться дрожащей стрелкой компаса из его же строк.

Волшебная книга, если собрать всё. Под неослабевающим воздействием каждого его стихотворения можно оставаться неограниченно долгое время. Строки Феодорова переполняют душу ассоциация-

ми, столь разнообразными, и звуками, до такой степени идущими в резонанс собственному представлению о гармонии, что замираешь в чтении, прислушиваясь и вглядываясь. Токи, исходящие от них, воздействуют тонко и точно, не позволяя восприятию оставаться небрежно-поверхностным. А бывает и так, что верлибры его представляются дорогим пергаментом, по краю которого прошелся язычок пламени. Прошёлся, но не сжёг. Хотя, всё сказанное о нём – не более, чем крошка оброненная с ладони, не более, чем взгляд синицы с рябиновой ветки на Журавля, парящего в небе Удивительнейшей Поэзии, где само Слово именуется именно так – Словом с Большой Буквы.

Елена Лапшина

Признание

(Поэту Евгению Феодорову)

Из этих строчек можно ткать ковры:
Узор такой – что век глазам дивиться.
Из этих строчек можно жечь костры,
Внутри, снаружи освещая лица.

Здесь тонко – тонким обозначен лёд,
За шагом шаг, со страхом оступиться,
И, запрокинув горло, Небо пьёт,
Уже хмельная от восторга птица.

Безмолвствуя стою в конце листа,
Жду осень и весну, такую, эту...
И благодарность оттиском снята
С души – на посвящение Поэту.

2012 г.

Ольга Мищенко

В молитвенном свете луны

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.
И. А. Бунин. «Слово»

Сегодня тепло и очень много света:
солнце плещется в лужах,
врывается в комнаты,
сумасшествует на стенах, книгах, потолках,
повисает на шторах,
кувыркается по полу,
перелетает из одной комнаты в другую,
преодолевая все препятствия на своём пути...
Сегодня тепло, солнечно и...
почему-то грустно,
поэтому
хочется раздвинуть границы комнат и выйти вон,
туда,
где солнце плещется в лужах,
а не бьётся истово в замкнутом пространстве,
разбиваясь об углы и предметы.

Туда, туда, где воздух чист и ясен небосклон!

Наверное, если перефразировать классика, то примерно так это и выглядело бы, но... не совсем.

Именно сегодня хочется отойти от классической поэзии в сторону, чтобы капризные рифмы не путались под ногами и не мешали сосредоточиться, потому что ты выходишь на дорогу, которая открывается перед тобой огромным городом с переулками и улицами, выводящими тебя к самой важной артерии, имя которой Верлибр.

Как получилось, что именно верлибру было навсегда отдано сердце поэта, уже не имеет значения, хотя ответ на этот вопрос есть, но именно свободному стиху до сих пор хранит поэтическую верность литератор Евгений Фёдоров.

В 2014 году в издательстве «ГинГо» (Ростов-на-Дону) увидела свет первая книга верлибров автора с простым и ёмким названием «Люб-

лю», а сейчас готовится ещё одна – «Когда я свободен (В молитвенном свете луны). Книга верлибров».

Исповедь поэта... Именно ей отдаются сегодня и силы, которых не так много с каждым годом остаётся, и время, утекающее как песок, и мысли, потому что в один, даже весьма солидный том, никак не вместить всего, что было пережито.

«Когда я свободен» – определённая рубежная веха в жизни человека накануне его серьёзного юбилея, который этой вехой и должен быть ознаменован.

Тогда почему же захотелось выйти из солнечной комнаты туда, где солнца ещё и ещё больше?

И почему среди тепла и света притаилась грусть?

Может быть,
эта та светлая печаль
или горькая радость,
звнящей нотой зависающая над тобой,
чтобы сделать твоё счастье сейчас,
в этот самый миг,
наиболее полным,
бросить его в солнцеворот терпкого послевкусия,
которое только и бывает
после вкушения «драгоценного вина»?..

Видимо, так, если:

**«Вся жизнь, как строка,
а в строке – всего одно слово:
– Люблю.»**

(Е. Фёдоров)

Я взяла это единственное слово,
чтобы в озябших ладонях
вынести к солнцу,
и укрывала от ветра,
который был тёплым, но порывистым,
и легко мог вырвать его из рук моих
и унести куда-то далеко-далеко...
Ищи потом, если сможешь найти...
Всего одно слово,
в котором Вселенная сжимается до выдоха «Люблю...»,

и тихо становится на Планете,
потому что, когда «Люблю...»,
не может быть шума,
иначе разволнуются ночные фиалки,
и бабочка упорхнёт с голубого цветка,
а ты,
утонув в земной суете,
не услышишь,
о чём прошептал полуночник осенний дождик,
неожиданно заглянувший в гости к бабьему лету.

Люблю...
в молитвенном свете луны,
и в аромате вечерней ветки сирени,
и в романсе для двоих,
когда по сказке –
с конём красным,
осенью очарованный³, –
Люблю ...

Писать о Евгении Феодорове не просто, потому что есть опасность (помните блоковское?) отнять аромат у живого цветка⁴, если начать препарировать его поэзию и раскладывать строчки по полочкам, потому я не буду этого делать, а просто поделюсь моими впечатлениями от встречи с этим неожиданным для меня автором.

У Евгения Феодорова нет случайных читателей, а если кто и приходит к нему впервые испить драгоценного вина из чаши верлибровой, остаётся на его стихирной⁵ странице навсегда. Остаётся, чтобы дожидаться новых стихов и вернуться к тем, другим, ещё не известным, или – перечитать знакомое и полюбившееся.

У стихов Евгения Феодорова нет скороспелых отзывов, оборванных до приветных «степломов», потому что среди его аудитории не встретить легкомысленных бездумных читателей. Ответное слово поэту облекается в форму, достойную его верлибров. Благодарные отклики читателей приятно читать и перечитывать, а если учесть, что пишущие отзыв сами принадлежат к достойной поэтической братии, то статус этих рецензий возрастает намного. Именно поэтому небольшая часть восторженно-благодарных слов поэтов – поэту Евгению

Феодорову нашла своё место в книге «Когда я свободен (В молитвенном свете луны)»

Его стихи не получится прочитать наспех,
потому что поэт чрезвычайно внимателен к слову –
выстраданному им,
выношенному,
мастерски огранённому.
Потому в его верлибрах так уютно и красиво,
так изысканно и так глубоко.
В нихходишь, как в храм,
из которого невозможно уйти быстро,
не пропитавшись его воздухом,
не взяв с собой на память
частичку души автора –
строку ли,
образ,
Слово.
И так покойно среди его слов,
что расстаться с ними,
однажды прочитав и услышав,
не захочется уже никогда.

На верлибровый огонёк Мастера заходят и те, кто навсегда ограничил себя условностью примитивно-рифмованного текста. Их среди пишущей братии достаточно. Как правило, это люди, очень далёкие от литературы, хотя и обзывают себя поэтами, зачленившись в каком-нибудь союзе «писателей», проплачивая своё там пребывание. Люди эти не понимают самого простого: в искусстве, к чему литература имеет непосредственное отношение, все жанры (роды, виды) хороши, кроме бездарного.

Нужно ли защищать от их нападков верлибр или уникальные по своей неповторимости строки Евгения Феодорова?

Думаю, что не нужно.

Верлибр существует, и в его защиту – только талантливые тексты, именуемые верлибром, говорящие о том, что и такая форма Поэзии имеет право на существование.

Пытаясь достучаться до глухих и незрячих, Е. Феодоров досаждает, объясняя неучам от литературы:

«Между тем – просто всё: верлибр есть... разновидность поэтической речи.»

Кажется, что именно этого горе-рифмачи понять не могут, потому что, лишенные музыкально-поэтического слуха (а поэзия это – звук прежде всего, потому и слуха она требует абсолютного!), радостные оттого, что смогли написать столбиком пару банальных рифм и, игнорируя образность, «сказать о чём-то важном всей душой и сердцем»,

хулители верлибра пытаются состряпать какие-то нападнические тексты, претендуя на роль «литературоведа».

Это, конечно, очень смешно, особенно, если после прочтения подобного антиверлибрного опуса идёшь на страницу к рифмачу, чтобы посмотреть, насколько он силен в силлабо-тонике.

Увы тебе, рифмач!

Увы

и ещё раз –

увы...

А сейчас – не назидания для, а просто в тему:

несколько строк от теоретика верлибра и прекрасного поэта – верлибриста Вячеслава Куприянова:

«Верлибр есть жанр художественной литературы, симметричный прозе относительно поэзии.

Верлибр отнюдь не следствие негативных устремлений бунтующих поэтов, а попытка создать новую категорию вкуса, по-своему возрождающую античную калокагатию, насущное взаимопроникновение этики и эстетики слова.»

* * *

**...Я приду к тебе
и на круглый обеденный стол
положу вечернюю ветку сирени,
тихую и нежную.
И мы помолчим,
прислушиваясь друг к другу...**

(Евгений Феодоров)

Возможно, многим не хватает сегодня той речевой культуры, которая теперь уже измеряется позапрошлым веком. Выросшие на русской классической литературе XIX, впитавшие в себя музыку слова, почувствовавшие его неповторимую ауру, сегодня, в суматохе бешеных ритмов и скоростей, должны, наверное, испытывать некую ностальгию по красивому (не путать с красотой!) русскому художественному слову, по настоящему литературному языку, который оставили нам мастера прошлого.

Когда я впервые наткнулась на поэзию Е. Феодорова, то поразила именно этому – хорошему литературному вкусу, который был виден и в слове, и в интонации. Литературная и речевая культура, пожалуй, главная составляющая общей культуры человека, а потому снова и снова: «Заговори, чтобы я тебя увидел» (Сократ).

Стихи Евгения Феодорова – словно живой отклик на поэтическое завещание россиянам Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово»...

Бесконечная дорога –
как один верлибр.
И ты идёшь по этой дороге один,
долго идёшь,
плутая по переулкам памяти и ухабам её,
и вся жизнь твоя –
как монолог,
и каждый твой день –
полувыдох единственным словом
«Люблю...»,
которое возвращает эхо
рассветной дымкой,
или полуденная синева
вдруг принесёт тебе отзвук его
на крылышке голубого мотылька,
или ковыль в закатном солнце
пропоёт для тебя свою вечернюю песню,
а где-то,
далеко-далеко,
неизвестная звезда,
почувствовав трепетность твоего «Люблю...»,
навсегда упадёт
в бархатную ночь августа...

В любовной лирике, как нигде, не просто удержать планку на достойной высоте. Удаётся это не многим, хотя испокон о любви не пишет только ленивый.

Евгений Федоров –
пронзительный философский лирик, пишущий о любви.

За каждой его строкой – Мужчина,
которого слышишь и хочешь слушать,
которому веришь абсолютно,
потому что в Теме его –
ни единой фальшивой ноты,
ни разу и нигде
не прозвучал его природный баритон
уничжительным фальцетом,
ни разу не сбился он на сладострастные трели,
которыми часто грешат многие мужские стишата
«про любовь»,
потому его верлибры не вызывают в читателе
чувства неловкости, которое не редко
случается, когда натыкаешься на низкопробные
страдания,
густо политые сахарным рифмованным сиропом.

У кого-то – «101 страница про любовь»⁶.
У Федорова о любви – более четырёхсот.
И ни строчки повтора.

Перед божественным чувством автор преклоняет колено,
потому его Стихи о Любви, которая у него всегда – с заглавной
буквы,
самой высокой пробы.

И снова – врождённый вкус,
и чувство стиля,
и достоинство,
и деликатность...

Говорить о любви сложно,
потому что всё уже сказано до нас.

Говорить о любви трудно,
потому что, не обладая достаточной культурой и вкусом,

легко угодить в банальность и пошлость.
Читаешь верлибры Евгения Федорова и понимаешь,
что за филигранной формой стиха,
за поиском единственно верного слова
и необходимой интонации,
за работой над фразировкой,
помимо поэтического мастерства, которое очевидно,
и божьего дара, который, безусловен,
снова и снова нужно сказать
о безупречном вкусе Homo scribentis (человека пишущего),
литературный вкус которого –
может быть, главная составляющая его естества.
И «вкус родимой речи» (Б. Ахмадулина) – это такой же дар божий,
как и талант.

Русская литература XIX века имеет в своей сокровищнице «Стихотворения в прозе» И. Тургенева.

Не будет преувеличением поставить верлибры Е. Федорова в один ряд с поэтическими произведениями классика, потому что и там, и тут –

и высочайшая поэтическая музыкальность,
и глубина философского осмысления,
и красота художественного слова такой степени,
которую сегодня, пожалуй, уже не часто и встретишь.

Несомненно, что нашему современнику
удалось не только сохранить русскую речь,
следуя поэтическому завещанию Ахматовой,
но и донести до своих читателей
её уникальные образцы
изысканно-безупречных исповедальных верлибров.

12–14.03.2017
г. Рязань

Примечание:

¹ Туда, туда, где воздух чист и ясен небосклон!
Е. Баратынский: «Весна, весна! как воздух чист! Как ясен небосклон!..»

² М. Цветаева: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд».

³ Названия стихотворений Е. Феодорова:

В молитвенном свете луны,

Романс для двоих,

По сказке – с конём красным,

Осенью очарованный.

⁴ А. Блок: «Ведь я сочинитель, отнимающий аромат у живого цветка».

⁵ Стихирная страница – Стихи.Ру – литературный портал.

⁶ Э. Радзинский. «101 страница про любовь».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....3

ОКНО 4

ГЛАВА 1. АДАМОВО ЯБЛОКО

ОДНАЖДЫ 6

ПРОКЛЯТЫЕ СЛОВАРЯ 7

ПТИЧЬЯ СКАЗКА 8

АДАМОВО ЯБЛОКО 9

НЕЧАЯННОЕ ИНТЕРМЕЦЦО. ПОДРАЖАНИЕ СЮЖЕТУ МАРКА ШАГАЛА 10

ВЕЧНОЕ ЛЕТО 11

К ТЕБЕ 11

УТРЕННЕЕ 12

РОМАНС ДЛЯ ДВОИХ 12

БАЛЛАДА ОСЕННЕГО МГНОВЕНЬЯ 13

ОСЕНЬЮ ОЧАРОВАННЫЙ 15

ТИШИНА. ЛИРИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ 20

ВЕСНА-СИНЕГЛАЗКА 22

СКАЗКА КРАСНОГО КОНЯ 23

НАЧАЛО 25

ФАРФОРОВЫЙ ТЕАТР 26

НА ПОРОГЕ 29

«А СЧАСТЬЕ – ЭТО Ж СОВСЕМ НЕМНОГО...» 30

ГЛАВА 2. ОДИССЕЕВЫ СТРУНЫ

ГОД БЕСПОКОЙНОГО СОЛНЦА 32

ЖУРАВЛИ В НЕБЕ 34

ЧЁРНЫЙ КОТЁНОК 35

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ПО МОТИВАМ САЛЬВАДОРА ДАЛИ ... 36

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ДЕРЕВО 37

СЕРЕБРЯНЫЙ ФЛЕЙТИСТ 38

НАЧИНАТЕЛЬ ИГРЫ 39

БАРРИКАДА ЧЁРНАЯ РЕЧКА 47

ВСТРЕЧА В ДЮНАХ 48

ВЕЧЕР 54

«ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ...» 54

НЕ СЛУЧИЛОСЬ 55

Я СТРОЮ СТИХИ 56

О, ЭТОТ СПОР... 58

СТРАСТИ ПО ДОН-ЖУАНУ. ПОЭМА В 4-Х МОНОЛОГАХ С ПРОЛОГОМ

В ВИДЕ ПОЧТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВКИ 61

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ 83

ГЛАВА 3. ОБРАЗ ДЕРЕВА

«...И СУДЬБА ОКАТАННЫМ ГОЛЫШОМ...»	86
ЗВУКИ. ОПЫТ СТРОФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	86
ЧТО Ж ТЫ, ВЕСНА?!	89
МАЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ	91
ЛЕТНИЕ ПРОГУЛКИ С СЫНОМ	92
СКАЗКА ПРО СВЕРЧКОВ	95
ВАРИАЦИИ ДОЖДЯ	96
БОЛЬШАЯ ОСЕННЯЯ БАЛЛАДА С ВЕЧНОСТЬЮ	99
ТАК!	104
КОГДА Я СВОБОДЕН	104
СОННАЯ СКАЗОЧКА	107
ВЕСЕННЯЯ МИСТЕРИЯ	108
ПЕСЕНКА ОВСЯНКИ	109
ПРЕКРАСНЫЙ ВАСИЛИСИЙ	110
НАКАНУНЕ ВЕСНЫ	110
МАЛЕНЬКАЯ ВАРИАЦИЯ БОЛЬШОЙ ТЕМЫ	111
НЕСКОЛЬКО СЦЕН ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ САЛЬВАДОРА ДАЛИ	112
СПОРЫ СЛОВА	117
СКАЗКА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЫ	134
ПОД ДОЖДЁМ	136
ПРИТЧА ОБ ОСЕННЕМ ТУМАНЕ	137
ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ	139
РЕШЕНИЕ	142
АВГУСТ СО СВЕРЧКОМ	142
ОСЕНЬ ПЕРЕЖИВАЮ	143
КОГДА Я УМРУ	143
К ИСХОДУ	144
ПЕРВЫЙ СНЕГ	146
ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	146

ГЛАВА 4. ОБРУЧЕНИЕ С РОССИЕЙ

ГОРОДСКАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ	148
БУДНИ	153
ВЕЧЕРНИЙ ДЕКАБРЬ	155
...И ПРО ТО	157
МИКРОИНФАРКТ	159
ЗИМНИЙ ПЕРРОН ПЛАТФОРМЫ №127	163
ОДНАЖДЫ...	164
ОБРУЧЕНИЕ С РОССИЕЙ. ПОЭМА	165
И СНОВА...	170
ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ	171
ДЕРЕВО	171
В МОЛИТВЕННОМ СВЕТЕ ЛУНЫ	175
ЭТОМУ НЕТ НАЗВАНИЯ	177

ЧАСТНОЕ ЛИЦО	179
НЕТ ВРЕМЕНИ!	182
ПЛАЧ ПО НЕРОДИВШИМСЯ ДЕТЯМ	184
ВЧЕРА	187
ПОСЛЕДНИЙ ИЗГОЙ	188
БОЛЬНОЕ СЕРДЦЕ	188
МАТЕРЬ-НАДЕЖДА. МОЛИТВОСЛОВИЕ	191
ОБРАЩАЯСЬ К ГОМЕРУ	194
К ВОПРОСУ О ГИПЕРБОРЕЕ	196
ПОЛНОЧНЫЙ ПЕРЕКРЁСТОК	197
ЛИСТОПАД ЛУННОЙ НОЧЬЮ	198
КРИВОЕ ЗЕРКАЛО	199
БАЛЛАДА О ПРИЮТЕ. ПО МОТИВАМ СТИХОТВОРЕНИЙ Е. ДЫМАРСКОЙ	200
СОН О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	201
ЕСЛИ...	201
«ТАК ЧТО ЖЕ СКАЖУ Я ВАМ? ЧТО – ОТВЕЧУ?..»	202

ГЛАВА 5. КАПРИЧОС

БАЛ ПРЕЗИДЕНТА. ПОЭМА	204
О, СВОБОДА!	218
ПЛАЧ ПО СЛУЧАЙНОЙ ПУЛЕ	219
ГЛАЗ	219
ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕГЛАСНОЙ ИНСТРУКЦИИ ПО СДИРАНИЮ ШКУР	220
ОДНАЖДЫ В АВГУСТЕ 91-ГО	221
В ЗАБЫТОМ ПЛАКАТЕ	221
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ...	222
МГНОВЕНИЕ ВЕТРА	223
КАБАК	223
ОНИОНА. СЮЖЕТ ДЛЯ МУЛЬТФИЛЬМА	223
МОНОЛОГ МУЗЕЯ	225
ИСТУКАН	225
У ПРИЛАВКА. ПОБАСЁНКА БЕЗ МОРАЛИ В ВИДЕ СТРОФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	226
КРЫЛАТАЯ ДЕВЧОНКА	227
СТАРИКИ РОССИИ	228
ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ	230
НУ ТЫ, ВРЕМЯ...	230
МОСКВА... КАК ТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНА...	231
ПРИТЧА О КОРАБЛЕ	234

ГЛАВА 6. НОВЕЛЛА

ОСТАТОК	236
ХВАЛА ТЕАТРУ	236
КТО ТЫ? РОМАНС ДЛЯ ВЕСЕННЕЙ ГИТАРЫ	239
ЕГО ОТВЕТ НА ЕЁ НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО	240
Я СОБИРАЛ ВОСПОМИНАНЬЯ	242

ПИСЬМО С ДОЖДЁМ	244
В СУМЕРКАХ	245
ОСЕННЯЯ НОЧЬ	247
ИЗ РАЗГОВОРОВ С АСЕЙ Г. – ПОКЛОННИЦЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ	248
ПОПЫТКА ЖЕСТОКОГО РОМАНСА ВЕСНОЙ	251
ТЫ ГОВОРИШЬ... ..	254
СТАРАЯ, КАК МИР, НОВЕЛЛА	254
СТИХИ ПО ЧЕТВЕРГАМ В ОКТЯБРЕ	255
ОСЕННИЙ ХМЕЛЬ	259
ОСЕНЬ В СОЗВЕЗДИИ ДЕВЫ. ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭМА	264
Я ПРИДУМЫВАЛ СТИХИ	275
ИЗ КРУГА СУТОК	276
ВЕЧЕРНЯЯ НОВЕЛЛА	278
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	281
ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ	282
ОСЕНЬЮ	284
ЗЕРКАЛА ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ	284
ВЗОЙДИ!	286
ВОСПОМИНАНИЕ	287
ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	287
ГЛАВА 7. ФИНАЛ	
В ГОСТЯХ У МУЗЫ	290
ПОГОДА	292
ОСЕННЕЕ ВИДЕНЬЕ	293
НА ИЗЛОМЕ	295
ДРУГУ – ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЧАЙ	296
МНЕ БЫ ЗИМУ ПЕРЕЖИТЬ... ..	302
СТИХИ ИЗ-ПОД КАПЕЛЬНИЦЫ	303
РАДИ ПТИЦЫ	305
НИЧЕГО, КРОМЕ СВЕТА	307
ПАМЯТИ ИОСИФА БЕЙНА	312
ИЗ ПОВЕСТИ О РОМАНТИЧЕСКОМ ГЕРОЕ	317
ПЕРВАЯ ЭЛЕГИЯ УЛИЧНОГО ФОНАРЯ	329
ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ УЛИЧНОГО ФОНАРЯ	330
ЖИЛ-БЫЛ ТАКОЙ НАРОД	331
ПИШУ ПИСЬМА	332
КАК ВСЕГДА	334
НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ	335
СКАЖИ	337
ПОЛЕТИМ?	338
ТРИПТИХ НА ВЕЧНУЮ ТЕМУ	339
ФИНАЛ	340
ТОЛЬКО НОЧЬЮ	344
ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ	346
В ОСЕНИ	346

ИЗ ДНЕВНИКА И ЧЕРНОВИКОВ	347
РЕЦЕНЗИЯ НА «Я ПРИДУМЫВАЛ СТИХИ» (ЕВГЕНИЙ ФЕОДОРОВ)	352

ГЛАВА 8. ЭХО

1. ПЕСЕНКИ ПОД МУЗЫКУ СЕРГЕЯ МОЖАЕВА	354
ВЕСЕННИЙ ВАЛЬСОК	354
ТЫ ОТВОРИ ДВЕРЬ	355
СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК. ДЕТСКАЯ НОВОГОДНЯЯ	356
ПЕСНЯ ДЕДА МОРОЗА	356
ГОДОВЩИНА	357
2. ПТИЦА-СИНИЦА	358
В ОТРАЖЕНИИ ВАЛЬСА	358
ПТИЦА СУДЬБЫ	359
ПТИЦА СВОБОДЫ	361
НА ПАРУ МИНУТ	363
МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ	364
КРОШКИ ДЛЯ СИНИЦЫ	366
3. НА РЕЙНСКОЙ ВОЛНЕ	368
ЭХО СТАРОГО ГОРОДА	368
ПРОСТОЕ СЛОВО – 1	370
ПРОСТОЕ СЛОВО – 2	371
РЕЙНСКИЙ МОТИВ	372
РЕЙНСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	374
ЮНЕЦ И МУЗА. РЕЙНСКИЙ СКАЗ	375
НА РЕЙНСКОЙ ВОЛНЕ	381
ДЕВОЧКА И ОКЕАН	382
4. МИОЛЬ	384
ОН И ОНА. ПИСЬМА ИЗ СТАРОЙ КОРОБКИ	384
ОНА, ИЛИ ВОСЬМАЯ НОТА – МИОЛЬ. СЛОВО О ПОЭТЕ	394
ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	398

ГЛАВА 9. ПРЕКРАСНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЭЗИИ

ПРЕКРАСНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЭЗИИ	404
ЧИСЛО ПОЭЗИИ	412
ИЗВЕЧНЫЙ ВОПРОС	414
МУХА АРИСТОТЕЛЯ, ИЛИ ВЕРЛИБР, СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ	416
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ, ИЛИ ОБ ЭТОЙ НЫНЕШНЕЙ ПРОДУКЦИИ	421
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕДА МОРОЗА	423
ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	426
ЕЛЕНА ЛАПШИНА. СЛОВО СИНИЦЫ О ЖУРАВЛЕ	
(ПОЭТУ ЕВГЕНИЮ ФЕОДОРОВУ)	427
ЕЛЕНА ЛАПШИНА. ПРИЗНАНИЕ (ПОЭТУ ЕВГЕНИЮ ФЕОДОРОВУ)	428

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОЛЬГА МИЩЕНКОВА. В МОЛИТВЕННОМ СВЕТЕ ЛУНЫ	430

**Евгений Агафонович
ФЕОДОРОВ**

КОГДА Я СВОБОДЕН
(В МОЛИТВЕННОМ СВЕТЕ ЛУНЫ)

Книга верлибров

Книга издана в авторской редакции

Выпускающий редактор, дизайн О.А. Мищенкова
Компьютерная верстка, дизайн И.В. Медведева
Корректор Е.А. Феодоров

Подписано в печать 17.04.2017.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Arial.
Печ. л. 27,75. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издано на базе
ООО «Рязанский Издательско-Полиграфический Дом
«ПервопечатникЪ»
390046, г. Рязань, ул. Введенская, д. 110